

Российское КИТАЕВЕДЕНИЕ

№ 4 (9) 2024

Декабрь 2024

Журнал издается Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН) и основан в 2022 г., продолжая традиции академических журналов «Проблемы Китая» (1929–1935) и «Советское китаеведение» (1958–1959).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

- Бабаев К.В., директор ИКА РАН, д.ф.н., проф. (председатель)
- Агафонов Д.В., начальник Экспертного управления Президента РФ
- Дацышен В.Г., профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, д.и.н.
- Денисов А.И., первый заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ, к.э.н.
- Зиновьев Г.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Корея, к.и.н.
- Карнеев А.Н., директор Школы китаеведения НИУ ВШЭ, к.и.н.
- Кашин В.Б., директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, к.п.н.
- Ларин В.Л., заведующий Центром глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, д.и.н., проф., академик РАН
- Ломанов А.В., заместитель директора по научной работе, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, главный научный сотрудник ИКА РАН, д.и.н., проф. РАН
- Лукин А.В., научный руководитель ИКА РАН, руководитель Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, директор Центра Китая, Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД РФ, д.и.н., проф.
- Малявин В.В., главный научный сотрудник ИКА РАН, д.и.н., проф.
- Моргулов И.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР
- Мясников В.С., главный научный сотрудник ИКА РАН, академик РАН
- Панцов А.В., профессор Capital University, США, д.и.н.
- Попова И.Ф., директор Института восточных рукописей РАН, чл.-корр. РАН
- Руденко А.Ю., заместитель министра иностранных дел РФ
- Самойлов Н.А., заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, директор Центра изучения Китая СПбГУ, д.и.н., проф.
- Торкунов А.В., ректор МГИМО МИД РФ, академик РАН
- Цыплаков С.С., профессор департамента международных отношений НИУ ВШЭ, к.э.н.

Иностранные члены Редакционного совета:

- Алимов Р.К., профессор Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.п.н.
- Вилсон Дж., почетный профессор Уитон-колледжа, США
- Гао Фэй, проректор Дипломатического университета МИД КНР
- Идэ К., Университет Васэда, Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), Япония
- Ли Цзинцзе, академик Академии общественных наук (КНР)
- Ли Чжицян, декан Школы международных отношений Сычуаньского университета, КНР
- Ма Цзянган, директор Центра международных исследований Оборонного научно-технического университета, Чанша, КНР
- Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета, КНР

Редакция:

А.В. Лукин (главный редактор), И.Е. Денисов (заместитель главного редактора), Ю.В. Кулинцев (заместитель главного редактора), А.Г. Юркевич (заместитель главного редактора), И.Ю. Зуенко (ответственный секретарь), А.А. Перминова (секретарь редакции).

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32.
+7 499 124 02 17; E-mail: journal@iccaras.ru; URL: <http://rusinology.ru>

Российское китаеведение

Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-75961 от 24.06.2019

Язык: русский, китайский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-1223

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-75962 от 24.06.2019

Язык: русский, китайский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-1207

DOI: 10.48647/ICCA.2024.22.10.001

Подписано в печать 27.12.2024

Содержание

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Каимова А.С.</i> «Выборы на Тайване» – 2024 и будущее отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.	6
<i>Гончаров С.Н.</i> «Немирный вариант» «воссоединения Тайваня с родиной»: реальная стратегия и политические спекуляции (Ч. 2)	20
<i>Карнеев А.Н., Кашин В.Б.</i> Опыт преодоления кризиса в Китае в первые годы после создания Китайской Народной Республики	51
<i>Юркевич А.Г.</i> Учебное пособие по истории отношений СССР и Китая: каким ему быть?	63

ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

<i>Сафронов Р.О.</i> Китайское законодательство в сфере государственно-конфессиональных отношений: основные тенденции развития и актуальные изменения в 2023 г.	79
--	----

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

<i>Сань Мао.</i> Одержимость. Перевод с китайского Д.Ю. Вельмы	105
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Башкеев В.В.</i> Каков Китай в «эпоху Си Цзиньпина»?	114
---	-----

2024 год в российском китаеведении	121
---	-----

目录

学术文章

A·S·凯莫娃.2024年“台湾选举”与台海两岸关系的未来	6
S·N·贡恰罗夫.“台湾回归祖国”的“非和平方案”： 现实战略与政治投机。第二部分	20
A·N·卡尔涅耶夫，V·B·卡申.中华人民共和国在其成立后最初几年 克服危机的经验	51
A·G·尤尔克维奇.苏中关系史教材：它们应该是什么样子？	63

评论、通报、简讯

R·O·萨夫罗诺夫.中国国家与宗教信仰关系领域的立法 及其最新变化(2023年)	79
---	----

出版物和翻译

三毛.惑.翻译：D·Yu·韦利马	105
------------------------	-----

书评和图书目录

V·V·巴什克耶夫.“习近平时代”的中国是什么样的？	114
----------------------------------	-----

2024年的俄罗斯中国学	121
---------------------------	-----

Table of contents

SCHOLARLY ARTICLES

Kaimova A.S. 2024 “Taiwanese Elections” and the Future of Cross-Strait Relations	6
Goncharov S.N. The “Non-Peaceful Option” of “Taiwan’s Reunification with the Motherland”: the Real Strategy and Political Speculations. Part 2	20
Karneev A.N., Kashin V.B. China’s Crisis Management in the Initial Years following the Establishment of the People’s Republic of China	51
Yurkevich A.G. Textbook on the History of the Relations between the USSR and China: What Should It Be Like?	63

REVIEWS, REPORTS, NOTES

Safronov R.O. Chinese Legislation in the Sphere of State-Confessional Relations and Its Current Changes (2023)	79
--	----

PUBLICATIONS AND TRANSLATIONS

Sanmao. Obsession (A short story). Translation from Chinese by D.Yu. Velma	105
--	-----

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Bashkeev V.V. What is China like in the “Xi Jinping era”?	114
---	-----

2024 in Russian Sinology	121
---------------------------------------	-----

А.С. Каимова

«Выборы на Тайване» – 2024 и будущее отношений между двумя берегами Тайваньского пролива

Аннотация: В статье анализируются итоги президентских и парламентских выборов на Тайване, прошедших в январе 2024 г., а также их значение для будущего развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. Данная тема видится актуальной в контексте современной ситуации на международной арене, в частности, нарастания противостояния между КНР и США. В статье рассматриваются конкретные факты, относящиеся к выборам 2024 г., приводятся оценки этого события материковыми и западными СМИ, официальными лицами и представителями академического сообщества, предлагается анализ новой политической силы острова – Тайваньской народной партии, участие которой многими экспертами представляется как фактор, способный оказать существенное влияние на дальнейшее развитие политической конкуренции на Тайване, в том числе с точки зрения риторики в отношении взаимодействия с Пекином. Сделан вывод о том, что ситуация, сложившаяся в отношениях Тайбэя и Пекина в 2024 г., оставляет мало надежд на смягчение напряженности между ними в обозримом будущем.

Ключевые слова: выборы на Тайване, Гоминьдан, Хоу Юи, Демократическая прогрессивная партия, Лай Циндэ, Тайваньская народная партия, Кэ Вэньчжэ.

Автор: *Каимова Анна Сергеевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Китая, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: annansja@gmail.com

А·S·凯莫娃

2024 年“台湾选举”与台海两岸关系的未来

摘要: 本文分析了台湾于 2024 年 1 月举行的最新一次总统和议会选举的结果，及其对台海两岸关系未来发展的影响。在当前国际形势，特别是中美对抗日益加剧的背景下，这个课题显得尤为重要。本文不仅关注与 2024 年选举相关的具体事

实, 还提供了大陆和西方媒体、官员和学术界代表对这一事件的评价, 并对岛内新的政治力量——台湾民众党进行了分析, 许多专家认为该党参政, 包括其对北京的言论, 是对台湾岛内政治竞争进一步发展产生重大影响的因素。

关键词: 台湾选举; 国民党; 侯友宜; 民进党; 赖清德; 台湾民众党; 柯文哲。

作者: 安娜·谢尔盖耶夫娜·凯莫娃, 历史学副博士, 莫斯科国立大学亚非学院中国历史教研室副教授。E-mail: annansja@gmail.com

Anna S. Kaimova

2024 “Taiwanese Elections” and the Future of Cross-Strait Relations

Abstract: The article discusses the results of Taiwan’s recent presidential and parliamentary elections held in January 2024 and their implications for the future development of relations between the two sides of the Taiwan Strait. This topic is particularly important in the context of the current global landscape, i.e. the rising contradictions between China (PRC) and the USA. Alongside an analysis of specific details from the 2024 elections, the article also presents evaluations and perspectives from mainland Chinese and Western media, officials and academics. The article also explores the island’s new political force, the Taiwan People’s Party, whose involvement is seen by many experts as a potentially significant factor influencing the future trajectory of political competition in Taiwan, particularly regarding its rhetoric on relations with Beijing.

Keywords: Taiwan elections, Kuomintang, Hou Yu-ih, Democratic Progressive Party, Lai Ching-te, Taiwan People’s Party, Ko Wen-je.

Author: *Kaimova Anna S.*, PhD in history, Associate professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: annansja@gmail.com

Введение

В последние несколько лет, и особенно после визита спикера Палаты представителей Конгресса США на Тайвань в 2022 г., «тайваньская проблема» – вопрос о взаимоотношениях Тайбэя и Китайской Народной Республики (КНР), находится в фокусе внимания мировой общественности в связи с обострением противоречий между Китаем и США, которые выступают в качестве главного гаранта безопасности острова. Несмотря на заключение дипломатических отношений с КНР и разрыв таковых с «Китайской Республикой» в 1979 г., американское правительство, действующее в рамках принятого в том же году Акта об отношениях с Тайванем, регулярно использует «тайваньский вопрос» в своих геополитических интересах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прежде всего во взаимоотношениях с Пекином. Власти КНР, про-

возгласившие в конце 1970-х годов своей целью мирное объединение двух берегов Тайваньского пролива, но, по Закону против сецессии 2005 г., не отрицающие возможность применения военной силы в случае объявления Тайванем независимости, представляют противодействие со стороны США в качестве главного препятствия к осуществлению своей цели. Однако существуют и другие факторы, оказывающие влияние на развитие ситуации в регионе и способствующие эскалации напряженности здесь, в частности, политическая ситуация на острове и связанный с ней вопрос об идентичности (самосознании) его жителей. Различные аспекты «тайваньской проблемы» неоднократно получали освещение в работах отечественных исследователей (И.Е. Денисова, А.С. Каимовой, В.Б. Кашина, Я.В. Лексютиной и др.) [Каимова, Денисов, 2022; Кашин, 2022; Лексютина, 2022]. В данной статье представлены результаты анализа особенностей президентских и парламентских выборов на Тайване, проведенных 13 января 2024 г., которые до сих пор не получили подробного освещения в отечественной академической периодике, а также влияния этих выборов на будущее развитие ситуации в Тайваньском проливе.

«Выборы на Тайване» – 2024: действующие лица и результаты

За менее чем 30-летнюю историю (с 1996 г.) проведения прямых всеобщих выборов главы тайваньской администрации сложилась традиция отмечать во многих из них нечто, что случается впервые. Так, в 2000 г. партия Гоминьдан, бессменно правившая островом с 1949 г., впервые уступила президентское кресло кандидату от оппозиционной Демократической прогрессивной партии (ДПП) Чэнь Шуйбяню. В 2008 г. Гоминьдан нанес сокрушительное поражение ДПП, однако уже в 2016 г. последняя одержала, как и на следующих выборах в 2020 г., наиболее уверенную в своей истории победу, причем не только на президентских, но и на парламентских выборах, впервые получив абсолютное большинство голосов в парламенте КР – Законодательном юане, выборы в который с 2008 г. проводятся одновременно с президентскими. Выборы 2016 г. также были отмечены первым в истории острова избранием на высший пост женщины – Цай Инвэнь. Последние же выборы ознаменовались появлением третьего – «белого» – лагеря в тайваньской политике в лице Тайваньской народной партии (ТНП)¹. Кроме того, впервые одна и та же партия (ДПП) одержала победу на выборах главы администрации третий раз подряд.

В борьбе за президентское кресло победу одержал кандидат от ДПП Лай Циндэ, набрав 40,05% голосов избирателей и оставив позади представителей Гоминьдана и ТНП – Хоу Юи (33,49%) и Кэ Вэньчжэ (26,46%) [Lai Qingde shengxuan...]. Однако успех Лая был омрачен относительной неудачей ДПП, не сумевшей получить боль-

---

¹ До последнего времени наиболее влиятельные политические партии острова относились (по основному цвету эмблемы партии-лидера) либо к «синему» лагерю во главе с Гоминьданом, выступающему за сохранение китайской идентичности и поддерживающему принцип «одного Китая», либо к «зеленому» под предводительством ДПП, отстаивающей идею независимости острова и тайваньской идентичности его жителей.

шинство мест в парламенте в ходе проводившихся одновременно с президентскими выборами в Законодательный юань. Депутаты от ДПП заняли 51 кресло, в то время как Гоминьдан и ТНП получили 52 и 8 мест соответственно, уступив еще два мандата беспартийным кандидатам [Lai Qingde shengxuan...]².

Несмотря на то, что в предвыборной повестке всех кандидатов был целый ряд различных пунктов, касающихся самых разнообразных сфер жизни тайваньского общества, большинство экспертов справедливо связывают результаты выборов, а именно существенное ухудшение показателей ДПП³, прежде всего с обстановкой в Тайваньском проливе и на международной арене в целом, на фоне которой они проводились.

ДПП, первым пунктом программы которой с момента ее основания в 1986 г. указано «создание суверенной и независимой Республики Тайвань» [Minjindang jiben gangling], естественно, рассматривается властями КНР как серьезная угроза на пути к «мирному объединению» двух берегов Тайваньского пролива. Все периоды правления на острове представителей ДПП сопровождались напряженностью отношений между Пекином и Тайбэем, включая последние восемь лет президентства Цай Инвэнь, политика которой была направлена на расширение международной поддержки Тайваня как одного из главных оплотов демократии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и в мире в целом⁴. Во время инаугурационной церемонии 20 мая 2024 г. Лай Циндэ подтвердил преемственность своей внешней политики курсу предыдущей администрации, заявив о намерении «продолжать следовать «четырем твердым принципам»⁵, держаться с достоинством и сохранять статус-кво» [Zongtong fabiao jiu zhi yanshuo...]. Несмотря на то, что обязательство сохранения статус-кво в отношениях между двумя берегами Тайваньского пролива неизменно присутствует в его выступлениях как до, так и после выборов, тем не менее акцент в них все-таки делается на утверждении тайваньского суверенитета и необходимости его укрепления. Так, например, в одной из частей предвыборной программы Лая, одобренной в июле 2023 г. под названием «Мирный план на четырех столпах» (四大支柱和平計畫), под-

² В то же время, для более полной статистической картины следует отметить, что общее количество голосов, полученное ДПП в ходе парламентских выборов, выше, чем число бюллетеней в пользу кандидатов от Гоминьдана (44,73% и 40,44% соответственно на выборах по мажоритарной системе в одномандатных округах и 36,16% и 34,58% при голосовании за партийные списки) [Xuanju ji gongtou ziliaoku].

³ В 2016 и 2020 гг. ДПП получила 56,12 % и 57,13 % голосов избирателей на президентских выборах и 68 и 61 место в ЗЮ соответственно [Lai Qingde shengxuan...].

⁴ Помимо продвижения демократического образа Тайваня, в том числе на фоне развернувшихся в 2019 г. в Гонконге антикитайских протестов, риторика Цай Инвэнь также отличалась отрицанием формулы «одна страна, две системы» и рядом положений, в которых можно усмотреть симпатию к идее независимости, таких как «КР и КНР не принадлежат друг другу» и т.д. [Cai zongtong guoqing tan...].

⁵ «Четыре твердых принципа» (四個堅持) представляют собой позицию Цай Инвэнь в том, что касается отношений Тайваня с противоположным берегом Пролива, сформулированную в ее выступлении по случаю Дня образования Китайской Республики 10 октября 2021 г.: 1) «всегда твердо отстаивать конституционный порядок свободы и демократии»; 2) «твердо придерживаться положения о том, что КР и КНР не принадлежат друг другу»; 3) «отстаивать положение о том, что суверенитет не подлежит посягательствам и аннексии»; 4) «придерживаться принципа необходимости следовать воле всего тайваньского народа в определении будущего Китайской Республики Тайвань» [Gongshihua fenqi...].

держание статус-кво значилось лишь четвертым пунктом, в то время как в качестве первого «столпа» было названо «укрепление сил сдерживания» Тайваня путем продолжения начатых правительством Цай Инвэнь реформ в военной сфере: увеличения оборонного бюджета, модернизации систем призыва и запаса, улучшения военной подготовки, укрепления оборонной мощи и т.д. [Lai Qingde toushu Huaerjie gibao...].

Хотя сам Лай Циндэ в качестве главной задачи своего плана называл стремление сделать так, чтобы «для каждой из сторон война стала неприемлемой опцией», однако его конкуренты в предвыборной гонке использовали позицию лидера ДПП как главное оружие против него. Так, Хоу Юи в своих выступлениях характеризовал выборы 2024 г. как «выбор между войной и миром», представляя себя защитником мира, выступающим против независимости острова, «за сохранение КР, Конституции и Тайваня» [Xuanqian zhi ye...].

Подобная риторика в целом звучит в унисон с настроениями значительной части тайваньского общества. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что несмотря на укрепление «тайваньской идентичности», которое отражается в росте числа людей, называющих себя «тайваньцами»⁶, большинство жителей острова выступают за сохранение статус-кво в Тайваньском проливе, очевидно не желая военного конфликта с Пекином⁷.

«Выборы на Тайване» – 2024 в оценках материковых СМИ, официальных лиц и представителей академического сообщества

Проблема отношений между двумя берегами Тайваньского пролива как главный аспект выборов на острове подчеркивается и в публикациях как новостного, так и академического характера в КНР, для которой, по словам китайского министра иностранных дел Ван И, тайваньский вопрос является «ядром ключевых интересов» [Wang Yi – «Taidu» fenlie huodong...]. Отмечается, что после прихода к власти Лай Циндэ «будет непременно всеми способами по всем фронтам продвигать „независимость Тайваня“, «с помощью оружия планировать независимость и противостоять объединению», ускорит разрыв с материком и сближение с США в экономическом плане, поэтому противостояние и неопределенность в Тайваньском проливе будут возрастать [Wu Yi, 2024, p. 8].

---

⁶ Регулярные опросы жителей острова на предмет того, считают ли они себя «тайваньцами», «китайцами» или «и тайваньцами, и китайцами», проводятся с 1992 г. К июню 2024 г. число людей, называющих себя «тайваньцами», выросло с 17,6% до 64,3%. Количество респондентов, идентифицирующих себя как «китайцев», сократилось с 25,5% до 2,2%, а число тех, кто считает себя «и тайваньцами, и китайцами», уменьшилось с 46,4% до 30,4% [Taiwan minzhong taiwanren...].

⁷ 33,2% респондентов выступают за сохранение статус-кво навсегда; 27,9% – за сохранение статус-кво и принятие решения позднее; 21,5% – за сохранение статус-кво и последующее движение к независимости; 6,2% – за сохранение статус-кво и последующее движение к объединению [Taiwan minzhong tongdu...].

При этом довольно примечательно, что значительное число публикаций акцентирует не столько победу Лая, сколько факт неприятия его позиции со стороны большинства жителей острова. Итоги выборов представляются своего рода издержками «недемократичной» политической системы Тайваня [Wu Mengqi, 2024], которая обладает «очевидными недостатками», не может «способствовать политической стабильности и социальному развитию» острова и имеет такие негативные эффекты, как ожесточенная партийная конкуренция, общественный раскол и концентрация власти в руках правящей партии» [Wu Yi, 2024, p. 5]. Во многих работах присутствует тезис о том, что «жители Тайваня не согласны с линией „тайваньской независимости“ Лай Циндэ» [Pouxi 2024 Taiwan diqu...]. Приводятся мнения выходцев с Тайваня, проживающих в КНР и возлагающих на Лай Циндэ ответственность за рост напряженности в Тайваньском проливе. От их имени со страниц официальной прессы КНР звучат призывы к главе администрации острова вернуться к основе «Консенсуса 1992 года» и «восстановить рациональный, прагматичный диалог с материком», чтобы «совместно защищать мир и стабильность в Тайваньском проливе» [Daonei gejie tongchi...]. По мнению цитируемых представителей тайваньского бизнеса в материковом Китае, «будучи частью китайской нации, соотечественники по обе стороны Пролива являются членами одной семьи, родными людьми, а не врагами», а благополучие острова в целом и тайваньских фермеров, рыбаков и деятелей туризма в частности зависит от «стремительного экономического роста» материка, а значит, от нормальных отношений между КНР и Тайванем [Shiwang, jixun,...]. Следовательно, как отмечает спикер Канцелярии по делам Тайваня Госсовета КНР Чэнь Биньхуа, действия Лай Циндэ «неспособны изменить тот исторический факт, что Тайвань всегда принадлежал Китаю, а также великую тенденцию к окончательному и неизбежному объединению Родины» [Guowuyuan Taiban fayaren...].

В целом при чтении материковых публикаций ощущается некоторое нагнетание тревожности и использование лексики с негативным значением в отношении ДПП, которая характеризуется как партия с «силовым и деспотическим стилем управления», «пренебрегающая политическими нормами», проявляющая «настойчивое упорство в вопросах идеологии», использующая «популистские манипуляции» и «провоцирующая антагонизм» [Wu Yi, 2024, p. 5]. Применение негативной риторики в отношении ДПП особенно очевидно при сравнении с описанием позиции Гоминьдана, которому присущи относительно нейтральные формулировки. Например, если ДПП в ходе выборов 2024 г. «спекулировал вопросом о так называемых (курсив мой. – А.К.) „демократии и суверенитете“», то Гоминьдан просто «попытался сделать главной осью выборов проблему „войны и мира“» [Jie Dalei, 2024]. В риторике материковых авторов прослеживается некоторое сожаление относительно неудачи Гоминьдана на выборах, а также сочувствие и своего рода оптимизм в отношении будущего «возрождения» партии. Так, в одной из статей отмечается тот факт, что из 12 членов избранных членом Законодательного юаня моложе 40 лет девять представляют Гоминьдан [Jie Dalei, 2024].

Действительно, позиция этой партии, несмотря на не столь уж сильное отставание Хоу Юи и получение партией наибольшего числа мест в законодательном органе, представляется довольно неуверенной. Указание на это обстоятельство вряд ли мож-

но встретить в публикациях материковых авторов, но в партии очевидно отсутствует единство в том, что касается линии выстраивания взаимодействия с Китаем, которая не может не влиять на образ Гоминьдана в глазах тайваньского избирателя. Наиболее публичные и высокопоставленные члены партии, традиционно рассматриваемой как «прокитайская», имеют довольно разные позиции на этот счет, что отражается в их риторике и действиях. Например, многие эксперты отмечают, что поездка бывшего председателя Гоминьдана Ма Инцзю, который был президентом КР в 2008–2016 гг., в Китай в марте–апреле 2023 г., и особенно его провокационное высказывание незадолго до выборов в интервью «Deutsche Welle» о том, что тайваньцам «следует верить» Си Цзиньпину в вопросе об отношениях между двумя берегами Пролива [Taiwan's ex-President Ma...], не просто вызвали бурю критики со стороны ДПП [Ma Yingjiu cheng...], но и заставили других членов партии, в том числе Хоу Юи, сразу же дистанцироваться от него и от его слов [Lin, Fried, Huang, 2024, p. 3]. Накануне выборов Хоу заверил избирателей не только в том, что отвергает идею независимости Тайваня, но и в том, что он отрицает принцип «одна страна, две системы», а также «не опирается на Китай» и считает, что будущее острова «должно определяться 23,5 миллионами» его жителей [Xuanqian zhi ye...].

ТНП как новая политическая сила на острове

Примечательным также является большое внимание, которое уделяется в публикациях КНР, преимущественно академического свойства, роли ТНП в тайваньской политике. Можно предположить, что в условиях неопределенности будущего развития Гоминьдана китайские эксперты стремятся высветить некую альтернативную силу, с которой Пекин мог бы выстраивать диалог. Китайские авторы подчеркивают, что участие ТНП в выборах «нарушило историческое противостояние» между ДПП и Гоминьданом, что в условиях, когда ни одна из этих двух основных партий не получила в Законодательном юане подавляющего большинства, именно ТНП представляет собой «ключевое меньшинство» [Wu Yi, 2024, p. 1], «политическую силу, которую нельзя недооценивать» [Jie Dalei, 2024].

ТНП создана в 2019 г. Кэ Вэньчжэ, который довольно сенсационно в качестве независимого кандидата в 2014 и 2018 гг. одержал победу на выборах мэра Тайбэя. На январь 2024 г. партия насчитывала 32 484 члена, 59% которых моложе 40 лет [Guanyu Minzhongdang. Da shiji]. Несмотря на активную агитацию ТНП в целях привлечения новых членов и сторонников, многие эксперты, в том числе материковые, отмечают такие недостатки партии, как образ «партии одного человека», «институциональная слабость», «нехватка талантливых кадров», слабое присутствие в органах власти как на центральном, так и на местном уровнях [Wu Yi, 2024, p. 8; Insisa, 2024, p. 149]. Это подтверждается и результатами выборов в Законодательный юань, в ходе которых ТНП получила гораздо меньше голосов, чем Кэ Вэньчжэ как кандидат в президенты. Более того, все восемь мест, которые удалось занять его партии, были получены ею в результате голосования по партийным спискам, где ТНП заручилась поддержкой 22,07% избирателей. При этом за своих кандидатов в одномандатных округах партия получила

всего 2,96% голосов [Xuanju ji gongtou ziliaoku], что, как справедливо отмечают эксперты, свидетельствует о том, что ТНП только предстоит «построить институциональное влияние» за пределами личной популярности Кэ [Lin, Fried, Huang, 2024, p. 4].

Одна из причин быстрого роста популярности Кэ Вэньчжэ и его партии – «анти-истеблишментные», «популистские» лозунги, которые, по мнению экспертов, в условиях пребывания ТНП в оппозиционном блоке способны привлечь молодых избирателей с «нечеткой идеологической позицией» [Wu Yi, 2024, p. 8]. В глазах многих молодых избирателей, особенно тех, кто голосует впервые и чье взросление прошло на фоне постоянной конкуренции между Гоминьданом и ДПП, которые воспринимаются ими как «партии истеблишмента», ТНП предстает в образе «партии реформаторов» [Lin, Fried, Huang, 2024, p. 3]. В качестве своей «ключевой концепции» партия выдвигает принцип, согласно которому «политика должна эффективно реализовываться в каждодневной жизни народных масс» (政治要落實在民眾生活的每一天). К числу основных целей ТНП относятся «движение к совместному будущему», «прекращение ожесточенной борьбы между синими и зелеными», «сглаживание межэтнического противостояния» и создание условий для «совместного процветания» путем «принятия друг друга» и «слияния в единое целое» [Guan yu Minzhongdang. Hexin linian].

Нарочитое подчеркивание центральной роли интересов «народных масс» в деятельности партии действительно вызывает сочувствие у значительной части тайваньского населения⁸, особенно среди молодежи [Nianqing nannv xuandang...]. Однако несмотря на то, что население острова уже давно высказывает свое недовольство фокусированием тайваньской политики на вопросах идентичности и отношений с противоположным берегом Пролива [Chen Luhui, 2010], никакая политическая сила на острове не может обойтись без артикуляции своей позиции по этому вопросу. ТНП в лице Кэ Вэньчжэ в данном случае не стала исключением, вновь выдвинув своего рода «срединную» линию, сформулированную в виде лозунга «самостоятельность Тайваня, мир в Тайваньском проливе», а также «пяти принципов взаимности» («взаимное признание (знакомство)», «взаимное понимание», «взаимное уважение», «взаимное сотрудничество» и «взаимное согласие») в отношениях между Пекином и Тайбэем [Zhengjianhui: chongshen...].

Данная формула, однако, лишь подтверждает тот факт, что любая третья позиция в политической риторике Тайваня на сегодняшний момент может выражать пока только некий компромисс между уже существующими двумя. Возможности для выдвигания новых концепций в условиях нынешней ситуации в мире и в Тайваньском проливе крайне ограничены. Так, Кэ Вэньчжэ демонстрирует приверженность «самостоятельности» Тайваня, пытаясь привлечь на свою сторону сторонников ДПП, но в то же время стремится и наладить диалог с электоратом Гоминьдана и посылает определенный сигнал Пекину, подчеркивая необходимость сохранения мирной об-

---

⁸ Согласно опросам общественного мнения, ТНП поддерживают 18,6% респондентов, что всего на 0,6% меньше, чем сторонников Гоминьдана (19,2%). Оба этих показателя существенно отстают от числа симпатизирующих ДПП (32,9%). Однако примечателен и показатель в 25,6% участников опросов, которые не поддерживают ни одну из партий, и при соответствующих обстоятельствах, в случае недовольства извечным противостоянием «синих» и «зеленых», могут стать избирателями ТНП [You Yinglong, 2024, p. 47].

становки в отношениях между островом и материком. В условиях крайне жесткой позиции КНР относительно «неизбежности» объединения двух берегов Тайваньского пролива, вопрос отношений между Пекином и Тайбэем еще долго будет определять конъюнктуру политической конкуренции на Тайване. Это подтверждают в том числе оценки экспертами из разных «идеологических» лагерей результатов тайваньских выборов, которые весьма полярны, но концентрируются вокруг одного и того же круга вопросов⁹.

К тому же, в условиях немногочисленного присутствия в Законодательном юане, ТНП вряд ли получит возможность проводить какую-то самостоятельную политику и продвигать свои принципы не только на словах, но и на практике, играя лишь роль недостающей гири на чаше весов в пользу одной из двух основных партий.

В связи с этим, прогнозы некоторых китайских авторов относительно трансформации «сине-зеленого двустороннего противостояния» на острове в «сине-бело-зеленую трехстороннюю полицентричную конкуренцию» (藍綠白三方多元竞合) выглядят несколько преждевременными [Wu Yi, 2024, p. 5].

«Выборы на Тайване» – 2024 в оценках западных авторов

Если в статьях материковых авторов выборы на Тайване преимущественно связываются с «тайваньской проблемой» и будущим ситуации в Тайваньском проливе, то в публикациях западных экспертов присутствуют и другие точки зрения. В частности, существует мнение, что выборы 2024 г. стали «первыми, которые фокусировались преимущественно на внутренних проблемах, чем на вопросах национальной идентичности или отношений с Китаем», а «предвыборные платформы всех кандидатов объединились, чтобы выступить в защиту тайваньского суверенитета и за отказ от китайской формулы объединения» [Lin, Fried, Huang, 2024, p. 1]. Меньшее количество голосов, отданных за ДПП в 2024 г., по сравнению с триумфальным избранием Цай Инвэнь в 2020 г., связывается с растущим убеждением тайваньского электората в том, что ДПП не способна эффективно справляться со «структурными проблемами» острова [Insisa, 2024, p. 148]. Подобный вывод не вполне соответствует действительности. Хотя предвыборные программы партий и правда в большей степени различаются по различным аспектам внутреннего развития острова, в то время как «тайваньский суверенитет» отстаивается всеми политическими силами, принимающими участие в борьбе, и ни одна из них не выступает открыто за «объединение», однако все-таки акценты в том, что касается сущности этого суверенитета и особенностей идентичности жителей Тайваня, расставляются по-разному. Как уже было сказано выше, по-

⁹ Так, например, и японский эксперт Огасавара Ёсиюки, и материковый автор У И считают, что победа Лай Циндэ явилась результатом повышенного внимания тайваньцев к вопросам внешней политики и безопасности в ущерб социально-экономическим проблемам. Только для У И главным аспектом этого результата является то, что больше половины населения острова проголосовали за Гоминьдан и ТНП, в то время как Огасавара подчеркивает успех ДПП с точки зрения «преодоления проклятия» двух сроков одной партии у власти [Wu Yi, 2024, p. 5; Ke Wenzhe touru xuanzhan...].

вестка отношений с Пекином той или иной партии не может не отражаться на результатах голосования тайваньского избирателя, который не проголосует за партию, выступающую за слишком тесное сближение с материковым Китаем, но также не отдаст предпочтения и тем, кто открыто призывает к провозглашению независимости острова.

Западные авторы несомненно более трезво оценивают перспективы будущего объединения двух берегов Тайваньского пролива, считая, что КНР предстоит поиск новых стратегий для привлечения на свою сторону «тайваньских сердец», в отличие от своих коллег из материкового Китая, которые, как уже отмечалось, склонны подчеркивать неизбежность объединения [Lin, Fried, Huang, 2024, p. 1]. При этом их риторика также не лишена определенной степени субъективности и ангажированности. Если, как отмечалось выше, китайские авторы демонстрируют сочувствие в отношении Гоминьдана, то западные эксперты склонны анализировать результаты выборов с точки зрения побед и неудач ДПП в противостоянии с ее конкурентами. Так, например, в качестве причин поражения ДПП на выборах в Законодательный юань называются разочарование жителей острова политикой правящей партии и сильное «патронажное» присутствие Гоминьдана во многих местностях [Lin, Fried, Huang, 2024, p. 4].

Высокая степень взаимного недоверия и обоюдных упреков между властями острова и материка, которая в ближайшие годы, пока у власти будет находиться ДПП, вряд ли будет иметь тенденцию к снижению, а также напряженность в китайско-американских отношениях отражаются и на страницах публикаций как в СМИ, так и в академических изданиях. Материковые авторы возлагают ответственность за рост напряженности в отношениях между двумя берегами Тайваньского пролива на лидеров ДПП, проводящих сепаратистскую линию, подчеркивая, что со стороны Лай Циндэ «не чувствуется искреннее намерение поддерживать контакты с материком» [Shiwang, Jiuxin,...], а также на американские власти, которые рассматривают «тайваньский вопрос» как «наилучший рычаг для сдерживания стратегического подъема Китая» [Xin Qiang; Wang Jialin, 2024, p. 140]. При этом позиция китайских авторов представляется несколько противоречивой. С одной стороны, они всячески критикуют США за вмешательство в выборы на Тайване и называют Лай Циндэ самым подходящим для американской администрации главой острова, поскольку он «наилучшим образом может обслуживать интересы стратегической конкуренции США с КНР», а также сотрудничать с США в целях сокращения контактов между островом и материком в политической, торгово-экономической и социальной сферах. Но в то же время материковые эксперты признают наличие беспокорства у американских властей в отношении «пронезависимой» позиции Лая [Xin; Wang, 2024, pp. 141, 147].

Что касается западных экспертов, то они считают главной причиной обострения ситуации в Тайваньском проливе политику Пекина при Си Цзиньпине, который прервал все контакты с Тайванем после прихода к власти Цай Инвэнь, стал оказывать дипломатическое давление на остров, накладывать ограничения на бизнес, имеющий связи с ДПП, распространять «фейковую» информацию в СМИ и т.д. [Lin, Fried, Huang, 2024, pp. 9–10; Iyengar, 2024].

Заключение

Можно предположить, что в ближайшие несколько лет в условиях сложившейся обстановки на международной арене, и прежде всего усилившегося противостояния между США и КНР, вряд ли можно ожидать снижения напряженности и между Пекином и Тайбэем. Несмотря на подтверждение Лай Циндэ его намерения сохранять статус-кво в Тайваньском проливе, он будет стремиться и дальше укреплять «тайваньскую идентичность» жителей острова и расширять поддержку «демократической позиции» Тайваня на международной арене. Это подтверждается многими действиями главы администрации острова в первые месяцы после его вступления в должность, в частности, встречами с парламентариями и другими представителями США, Чехии, Сингапура и других стран [Waijiao Xiangguan Xinwen], а также вызвавшим осуждение со стороны Канцелярии по делам Тайваня Госсовета КНР обращением к делегатам очередного съезда ДПП на «тайваньском языке»¹⁰ [Lai Zongtong Minjindang quandaohui...]. В июле 2024 г. на Тайване был также проведен очередной саммит Межпарламентского союза по Китаю¹¹, в ходе которого представители Законодательного юаня в лице парламентариев от ДПП и ТНП (но не Гоминьдана, что примечательно) были официально приняты в эту организацию [IPAC Taipei 2024...].

Несмотря на то, что вооруженное столкновение не выгодно ни одной из сторон, однако в свете довольно бескомпромиссных позиций по тайваньскому вопросу как новой тайваньской администрации, так и пекинских властей перспективы мирного объединения двух берегов Тайваньского пролива также представляются весьма призрачными.

Библиографический список

Каимова А.С., Денисов И.Е. Статус Тайваня и эволюция тайваньской идентичности // Сравнительная политика. 2022. Т. 13. № 1–2. Сс. 116–138.

Кашин В.Б. Обострение военно-политической ситуации вокруг Тайваня в 2022 г.: причины и перспективы развития // Пути к миру и безопасности. 2022. №2 (63). Сс. 188–203.

Лексютина Я.В. Стратегия и тактика внешней политики Тайваня в условиях обострения напряженности с Китаем // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 4. Сс. 76–93.

¹⁰ «Тайваньским языком» (*тайюй*) на острове принято называть тайваньский вариант южно-фуцзяньского диалекта китайского языка (хоккиен), на котором говорит более 70% тайваньцев – потомков переселенцев на остров из городов Цюаньжоу и Чжанчжоу китайской провинции Фуцзянь.

¹¹ *Interparliamentary Alliance on China* – организация, основанная в 2020 г. как союз парламентариев, убежденных в «несоответствии реальности» форм взаимодействия демократических стран с Китаем, который под управлением КПК становится «все более авторитарным у себя дома» и «еще более напористым» за его пределами. Это, по мнению членов организации, требует внесения в законодательство соответствующих поправок, регулирующих отношения с КНР [About IPAC...].

References

Kaimova A.S., Denisov I.E. (2022). Status Tajvanya i evolyuciya tajvan'skoj identichnosti [Taiwan's status and evolution of Taiwanese Identity]. *Sravnitel'naya politika*. T. 13. N 1–2. Ss. 116–138. (In Russian).

Kashin V.B. (2022) Obostrenie voenno-politicheskoy situacii vokrug Tajvanya v 2022 g.: prichiny i perspektivy razvitiya [The 2022 escalation of the military and political situation around Taiwan: causes and prospects for further evolution]. *Puti k miru i bezopasnosti*. N 2(63). Ss. 188–203. (In Russian).

Leksyutina YA.V. (2022). Strategiya i taktika vneshnej politiki Tajvanya v usloviyah obostreniya napryazhennosti s Kitaem [Strategy and Tactics of Taiwan's Foreign Policy Against the Background of Aggravated Tensions with China]. *Mezhdunarodnaya analitika*. T. 13. N 4. Ss. 76–93. (In Russian).

* * *

About IPAC: Addressing China's Influence. URL: <https://www.ipac.global/about> (accessed: 01.08.2024).

Cai zongtong guoqing tan sige jianchi liang an hu bu lishu, zhuquan bu rong qinfan 蔡總統國慶談四個堅持 兩岸互不隸屬，主權不容侵犯 [President Cai talks about four commitments at the National Day: two sides of Taiwan Strait should not be subordinate to each other, we should resist encroachment upon Taiwan's sovereignty]. URL: <https://www.cna.com.tw/news/firstnews/202110100210.aspx> (accessed: 16.07.2024).

Chen Luhui 陳陸輝 (2010). Taiwan rentong de qi yuan yu zhengzhi xiaoguo zhi yanjiu 台灣認同的起源與政治效果之研究 [The Origins and Political Consequences of Taiwan Identity [data file]]. URL: https://srda.sinica.edu.tw/SRDA/datasearch_detail.php?id=1984 (accessed: 01.08.2024).

Daonei gejie tongchi Lai Qingde ba Taiwan tuixiang weixian jingdi 岛内各界痛斥赖清德把台湾推向危险境地 [All the people in Taiwan harshly criticize Lai Ching-te for pushing Taiwan to a dangerous position]. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-05/25/nw.D110000renmrb_20240525_7-04.htm (accessed: 16.07.2024).

Gongshihua fenqi, tuanjie shou Taiwan, zongtong fabiao guoqing yanshuo 共識化分歧 團結守臺灣 總統發表國慶演說 [Forging a Stronger Consensus: Standing United to Protect Taiwan President Delivers Natianl Day Address]. URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/26253> (accessed: 16.07.2024).

Guanyu Minzhongdang. Da shiji 關於民眾黨大事記 [About TPP. Chronology of Events]. URL: <https://www.tpp.org.tw/milestone> (accessed: 16.07.2024).

Guanyu Minzhongdang. Hexin linian 關於民眾黨核心理念 [About TPP. Main ideas]. URL: <https://www.tpp.org.tw/about> (accessed: 16.07.2024).

Guowuyuan Taiban fayanren pinglun Taiwan diqu xuanju jieguo 国务院台办发言人评论台湾地区选举结果 [Taiwan Affairs Office of the State Council talks on the results of the elections in Taiwan region]. URL: http://www.gwytb.gov.cn/xwdt/xwfb/wyly/202401/t20240113_12593548.htm (accessed: 16.07.2024).

Insisa Aurelio (2024). Taiwan 2023 and the 2024 Elections: a DPP Partial Victory after a Contested Electoral Campaign// *Asia Maior*. Vol. XXXIV. 2023. Pp. 145–166. URL: <https://www.asiamaior.org/the-journal/18-asia-maior-vol-xxxiv-2023/taiwan-2023-and-the-2024-elections-a-dpp-partial-victory-after-a-contested-electoral-campaign.html> (accessed: 16.07.2024).

IPAC Taipei 2024: Taiwan Joins 40-Country Strong Inter-Parliamentary Alliance on China. URL: <https://www.ipac.global/news/ipac-taipei-2024-taiwan-joins> (accessed: 01.08.2024).

Iyengar Rishi (2024). How China Exploited Taiwan's Election – and What It Could Do Next. *Foreign Policy*, January 23, 2024. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/01/23/taiwan-election-china-disinformation-influence-interference/> (accessed: 16.07.2024).

Jie Dalei 节大磊 (2024). 2024 nian Taiwan diqu xuanju de jieguo ji qi yingxiang 2024 年台湾地区选举的结果及其影响 [The results and impact of Taiwan region's 2024 year elections]. URL: <https://www.igcu.pku.edu.cn/info/1026/6463.htm> (accessed: 16.07.2024).

Ke Wenzhe touru xuanzhan dapo liangdang goutu Xiao Liyuan: shi chenggong tiaozhan 柯文哲投入選戰打破兩黨構圖 小笠原：是成功挑戰 [Ko Wen-je enters election struggle and beats the two-

party configuration Ogasawara Yoshiyuki: it's a successful challenge]. URL: <https://www.cna.com.tw/news/aip/202401150260.aspx> (accessed: 16.07.2024).

Lai Qingde shengxuan, Guohui san dang bu guo ban 2024 xuanju jieguo yici kan 賴清德勝選，國會三黨不過半 2024 選舉結果一次看 [Lai Qingde won the elections, none of three parties did win the half of seats in Parliament, one time look at the results of 2024 elections]. URL: <https://www.cna.com.tw/news/aip/202401135011.aspx> (accessed: 16.07.2024).

Lai Qingde toushu Huaerjie ribao ti sida zhizhu zhili weihu liangan heping [quanwen] 賴清德投書華爾街日報提四大支柱致力維護兩岸和平「全文」 [Lai Ching-te delivers an article to the Wall Street Journal, outlines four-pillar plan aims at protecting the peace in Taiwan Strait [Full Text]]. URL: <https://www.cna.com.tw/news/aip/202307050017.aspx> (accessed: 16.07.2024).

Lai zongtong Minjindang quandaihui taiyu zhici Guotaiban: qu zhongguohua 賴總統民進黨全代會台語致詞 國台辦：去中國化 [President Cai addressed in Taiwanese Language at the DPP's Party Congress. PRC State Council Office for Taiwan Affairs: It's Desinicization]. URL: <https://www.cna.com.tw/news/acn/202407240146.aspx> (accessed: 01.08.2024).

Lin S.Sh., Fried C., Huang Siwei (2024). What Taiwan's 2024 Election Means for China, the US, and the Future of Taiwan. China Leadership Monitor. March 2024. Issue 79. URL: <https://www.prcleader.org/post/what-taiwan-s-2024-election-means-for-china-the-us-and-the-future-of-taiwan> (accessed: 16.07.2024).

Ma Yingjiu cheng liang an guanxi xu xiangxin Xi Jinping Lü: Taiwan renmin wufa jieshou 馬英九稱兩岸關係須相信習近平 綠：台灣人民無法接受 [Ma Ying-jeou states that people should believe Xi Jinping concerning the relations between the two sides of Taiwan Strait Pan-green: Taiwan people cannot accept it]. URL: <https://www.cna.com.tw/news/aip/202401100233.aspx> (accessed: 16.07.2024).

Minjindang jiben gangling 民進黨基本綱領 [Base program of Democratic Progressive Party]. URL: <https://newcongress.yam.org.tw/dpp/programme.html> (accessed: 16.07.2024).

Nianqing nannü xuan dang da bu tong! 39 sui yixia nanxing zhichi Minzhongdang nüxing zui qinglai Minjindang 年輕男女選黨大不同！39 歲以下男性支持民眾黨女性最青睞民進黨 [Young men and women vote for parties differently! Men under 39 years old support TPP, women mostly support DPP]. URL: <https://rwnews.tw/article.php?news=11469> (accessed: 16.07.2024).

Pouxi 2024 Taiwan diqu liang xiang xuanju jieguo: minyi jueue Lai Qingde "taidu" luxian, Minjindang wufa zai weisuyouwei 剖析 2024 台湾地区两项选举结果：民意拒绝赖清德“台独”路线，民进党无法再为所欲为 [Analyzing 2024 Taiwan region two elections' results: people reject Lai Ching-te's Taiwan separatist line, DPP can not do what it wants any longer]. URL: http://www.taiwan.cn/xwzx/la/202401/t20240116_12594048.htm (accessed: 16.07.2024).

Shiwang, jiuxin, youlü – dalu taibao dui Lai Qingde «5.20» jianghua biaoshi qianglie buman 失望，揪心，忧虑 – 大陆台胞对赖清德“5.20”讲话表示强烈不满 [Disappointment, anxiety, depression – Taiwan compatriots living on the Continent are harshly dissatisfied by Lai Ching-te's "5.20" address]. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-05/24/nw.D110000renmrb_20240524_4-04.htm (accessed: 16.07.2024).

Taiwan minzhong taiwanren/zhongguoren rentong qushi fenbu (1992–2024.06) 台灣民眾台灣人 / 中國人認同趨勢分佈 (1992–2024.06) [Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese as Tracked in Surveys by the Election Study Center, NCCU (1992–2024.06)]. URL: <https://esc.nccu.edu.tw/upload/44/doc/6960/People202406.jpg> (accessed: 11.08.2024).

Taiwan minzhong tongdu lichang qushi fenbu (1994–2024.06) 台灣民眾統獨立場趨勢分佈 (1994–2024.06) [Changes in the Unification-Independence Stances of Taiwanese as Tracked in Surveys by the Election Study Center, NCCU (1994–2024.06)]. URL: <https://esc.nccu.edu.tw/upload/44/doc/6962/Tondu202406.jpg> (accessed: 11.08.2024).

Taiwan's ex-President Ma: «You can never win» war with China. URL: <https://www.dw.com/en/taiwans-ex-president-ma-you-can-never-win-war-with-china/video-67962324> (accessed: 16.07.2024).

Waijiao Xiangguan xinwen 外交相關新聞 [Diplomacy Related news]. URL: <https://www.president.gov.tw/Issue/147> (accessed: 01.08.2024).

Wang Yi – “Taidu” fenlie huodong shi Taihai heping de zui da pohuaxing yinsu 王毅 —— “台独”分裂活动是台海和平的最大破坏性因素 [Wang Yi – Separatist activities of “Taiwanese separatism” is the biggest destroying factor for the peace in Taiwan Strait]. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-05/22/nw.D110000renmrb_20240522_1-04.htm (accessed: 16.07.2024).

Wu Mengqi 吴梦琦 (2024). “Zhe jiu shi Zhongguo” di 219 qi: Tantan Taiwan diqu “daxuan”“这就是中国”第 219 期: 谈谈台湾地区“大选”[“It is China No. 219: Let’s talk about “Elections” in Taiwan region]. URL: <https://cifu.fudan.edu.cn/1c/0d/c412a662541/page.htm> (accessed: 16.07.2024).

Wu Yi 吴宜 (2024). Taiwan diqu 2024 nian “er he yi” xuanju jieguo ji yingxiang fenxi 台湾地区 2024 年 “二合一” 选举结果及影响分析 [Analysis of the Results and Impact of Taiwan’s 2024 “Two-in-One” Election]. Taiwan Yanjiu Jikan, No. 1. Pp. 26–40. CSIS Interpret: China. URL: <https://interpret.csis.org/translations/analysis-of-the-results-and-impact-of-taiwans-2024-two-in-one-election/> (accessed: 16.07.2024).

Xin Qiang, Wang Jialin 信强, 王佳霖 (2024). Meiguo jieru Taiwan xuanju yanjiu: yi 2024 Taiwan ‘er he yi’ xuanju wei li 美国介入台湾选举研究: 以 2024 台湾“二合一”选举为例 [Research on U.S. Intervention in Taiwan Elections: A Case Study of Taiwan’s “Two-in-One” Election in 2024] // Taihai yanjiu 台海研究, 2024, No. 1, pp. 138–149. URL: https://cas.fudan.edu.cn/_local/A/E7/1E/E528C43D211C6647CAB281B37C5_869D13F1_185C11.pdf (accessed: 16.07.2024).

Xuanju ji gongtou ziliaoku 選舉及公投資料庫 [Data base of elections and referendums]. URL: <https://db.ccc.gov.tw/ElecTable/Election?type=Legislator> (accessed: 16.07.2024).

Xuanqian zhi ye Hou Youyi: zhe chang xuanju shi wo he Lai Qingde duijue 選前之夜 侯友宜: 這場選舉是我和賴清德對決 [On the Eve of the Elections Hou Yu-ih: These Elections are a Showdown between me and Lai Ching-te]. URL: <https://www.cna.com.tw/news/aipl/202401120296.aspx> (accessed: 16.07.2024).

You Yinglong 游盈隆 (2024). Cai Yingwen zongtong banian zhizheng de minyi zongjie 蔡英文總統八年執政的民意總結 [Summary of Public Opinion about Eight Years of Tsai Ing-wen’s Administration]. URL: <https://www.tpof.org/wp-content/uploads/2024/04/TPOF-4%E6%9C%88%E6%B0%91%E8%AA%BF%E5%A0%B1%E5%91%8A.pdf> (accessed: 16.07.2024).

Zhengjianhui: chongshen Taiwan zizhu, liang an heping Ke pao [wu ge huxiang] he lu xiangchu 政見會: 重申台灣自主, 兩岸和平 柯拋「五個互相」和陸相處 [Political views conference: state Taiwan sovereignty and Taiwan Strait Peace. Ke proposes [five mutually] for dealing with Mainland China]. URL: <https://tw.news.yahoo.com/政見會-重申台灣自主-兩岸和平-柯 p 拋-五個互相-120517275.html> (accessed: 16.07.2024).

Zongtong fabiao jiuuzhi yanshuo Xuanshi dazao minzhu heping fanrong de xin Taiwan 總統發表就職演說 宣示打造民主和平繁榮的新台灣 [President Delivers Inaugural Address Vows to Build a Democratic, Peaceful, and Prosperous New Taiwan]. URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/28428> (accessed: 16.07.2024).

Поступила в редакцию: 22.10.2024. Received: 22 October 2024.

Принята к публикации: 11.11.2024. Accepted: 11 November 2024.

С.Н. Гончаров

**«Немирный вариант»
«воссоединения Тайваня с родиной»:
реальная стратегия и политические спекуляции. Часть 2.**

Продолжение

(начало – часть 1, опубликованная в номере 3(8) 2024 г.)

Аннотация: В статье рассматривается активно обсуждаемый в последнее время в экспертных и политических кругах вопрос о возможности применения КНР «немирного варианта» воссоединения Тайваня. Автор подходит к такой возможности на основе изучения истории и современного состояния тайваньского вопроса, позиций Пекина и Тайбэя, а также Вашингтона и других возможных участников событий, связанных с решением судьбы острова. Во второй части статьи рассматривается стратегический выбор, стоящий перед новой тайваньской администрацией, возглавляемой Лай Циндэ, и оценивается вероятность возникновения вооруженного конфликта вокруг Тайваня. Сделан вывод о незаинтересованности основных политических игроков, вовлеченных в тайваньскую проблему, в развязывании такого конфликта по крайней мере в обозримом будущем. В приложении рассматривается «консенсус-92» – формулировка, описывающая статус Тайваня и приемлемая как основа для переговоров как для Пекина, так и для части тайваньских политиков. Показана история становления «консенсуса» в качестве части официальной политики КНР на самом высоком уровне.

Ключевые слова: Тайвань, Белые книги КНР, Чэнь Шуйбянь, тайваньский вопрос, «красные линии» для КНР.

Автор: Гончаров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН. ORCID: 0000-0001-8774-0869. E-mail: goncharovsn@gmail.com

S·N·贡恰罗夫

**“台湾回归祖国”的“非和平方案”：现实战略与政治投机
(供思考的信息)。第二部分**

摘要: 本文探讨了最近专家界和政界积极讨论的有关中华人民共和国使用“非和平方案”统一台湾可能性的问题。作者主要基于对“台湾”问题的历史和现状、北京和台北以及华盛顿和其他可能参与者立场的研究探讨了这种可能性。本文第二部分研究了赖清德领导的台湾新政府面临的战略选

择，并评估台湾周边发生武装冲突的可能性。附录研究了所谓的“九二共识”，其阐述了台湾的地位，并且可以作为北京和部分台湾政治人士共同接受的谈判基础。

关键词：台湾；中华人民共和国《白皮书》；陈水扁；台湾问题；中华人民共和国的“红线”。

作者：谢尔盖尼古拉耶维奇贡恰罗夫，历史学副博士，俄罗斯科学院东方学研究所中国部首席研究员。ORCID：0000-0001-8774-0869。E-mail: goncharovsn@gmail.com

Sergey N. Goncharov

The “Non-Peaceful Option” of “Taiwan’s Reunification with the Motherland”: the Real Strategy and Political Speculations. Part 2

Abstract: The article examines a topic that has been actively discussed recently in expert and political circles: the possibility of the People’s Republic of China (PRC) adopting a “non-peaceful option” for reunifying Taiwan. The author approaches this possibility by studying the history and current state of the Taiwan issue, the positions of Beijing and Taipei, as well as those of Washington and other likely participants in events related to the future of the island. The second part focuses on the strategic choices facing the new Taiwanese administration, led by Lai Ching-te, and assesses the likelihood of an armed conflict over Taiwan. The appendix addresses the so-called “1992 Consensus,” a formulation describing the status of Taiwan that is acceptable as a basis for negotiations to both Beijing and some Taiwanese politicians.

Keywords: Taiwan, White Papers of the PRC, Chen Shui-bian, Taiwan question, “red lines” for the PRC.

Authors: *Goncharov Sergey N.*, Candidate of Sciences (History), Leading Research Fellow, Department of China, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-8774-0869. E-mail: goncharovsn@gmail.com

1.4 Стратегический выбор для Лай Циндэ: новая «большая сделка» с «другим берегом Пролива» или поражение на выборах после первого срока

Наличие подобных вопросов, на которые нет официальных ответов, приобрело особенно опасный характер после избрания в январе 2024 г. Лай Циндэ «президентом» Тайваня. Из всех участников выборов этот деятель, несомненно, являлся для КНР наименее желательным кандидатом. В Пекине никогда не скрывали того факта,

что оценивают его как не менее «злокачественного сепаратиста», чем госпожа Цай Инвэнь, как продолжателя проводившейся ею политики.

Для того чтобы оценить перспективы развития ситуации во время правления Лай Циндэ, целесообразно учесть следующие серьезные факторы.

1. При выработке своего отношения к тому или иному тайваньскому лидеру власти КНР прежде всего исходили и исходят из отношения тайваньских «президентов» к вопросам объединения Китая и к «принципу одного Китая».

В своей первой инаугурационной речи (20 мая 1990 г.) «президент» Ли Дэнхуэй продемонстрировал сугубо конструктивное отношение к этой теме: «...хотя различные направления строительства, которое осуществляла Китайская Республика, ограничивались только районом Тайваня, островов Пэн(ху), Цзинь(мэнь) и Ма(цзу), однако при планировании мы никогда не упускали из вида перспектив всего Китая. Тайвань и континент являются неотъемлемыми частями Китая, все китайцы являются соотечественниками, которые связаны кровными узами... Объединение, обогащение и усиление Китая является общей надеждой всех китайцев» [Kaichuang zhonghua...].

Именно такой подход позволил во время первой легислатуры Ли Дэнхуэя прийти к взаимопониманию по ряду важных вопросов в конце 1992 г. и заключить целую серию соглашений о сотрудничестве в апреле 1993 г. На этом фоне китайская сторона в тот период предпочла не критиковать Ли за его слова о том, что «Китайская Республика является независимым и суверенным государством».

Четыре года спустя Ли Дэнхуэй во второй речи при вступлении в «президентскую» должность резко раскритиковал власти КНР за военное давление на Тайвань, однако в целом не изменил тем позициям, которых придерживался в первом выступлении:

«По своей сути Китайская Республика является суверенным государством. Между двумя берегами Пролива не существует проблем национальной или культурной идентичности, существует только борьба между социальными системами и образами жизни. Здесь у нас нет необходимости и возможности избирать курс на так называемую „независимость“. Фактом является то, что в течение более 40 лет два берега пролива из-за исторических причин управлялись раздельно, будучи разъединенными морем; однако же фактом является и то, что обе стороны на берегах пролива стремятся к цели объединения» [Zongtong jiuuzhi yanshuo...].

Совсем по-иному обстояло дело при «президенте» Чэнь Шуйбяне. В своем первом инаугурационном выступлении (20 мая 2000 г.), когда он еще не отказался официально от признания «консенсуса-92», Чэнь упомянул только о том, что вопрос об «одном Китае» нужно «урегулировать в будущем»¹.

К началу второй «президентской» каденции (20 мая 2004 г.) Чэнь Шуйбянь несколько раз открыто заявлял о своем отказе признавать существование «консенсуса-92». Не удивительно, что его позиция по вопросам объединения оказалась беспрецедентно неконструктивной: «Мы можем понять, что на другом берегу Пролива, исходя

---

¹ «...共同来处理未来“一个中国“的问题”(台湾站起来—迎接向上提升的时代, 中华民国第十任总统就职演说, 总统陈水扁, 2000年5月20日). 维基文库.

из исторических связей и национальных чувств, не способны отказаться от того, чтобы придерживаться принципа „одного Китая“. Равным образом, пекинские власти также должны в полной мере осознать сильнейшие убеждения тайваньского народа, который уповает на демократию, любит мир, стремится к жизни. Если на противоположном берегу не поймут этих добрых чаяний 23-миллионного народа, будут продолжать применять в отношении Тайваня угрозы применения вооруженной силы и политической изоляции, без всяких причин будут стремиться отрезать Тайвань от международного сообщества, то это будет приводить только к тому, что устремления народа (острова. – С.Г.) будут все более отдаляться от другого берега пролива»².

Легко заметить, что для Китая обозначенная здесь позиция Чэнь Шуйбяня является существенно более негативной, чем позиция его предшественника Ли Дэньхуэя. При всем том, Чэнь Шуйбянь заявлял, что намерен руководствоваться «конституцией Китайской Республики». В этих условиях КНР продолжала подчеркивать, что в том случае, если Чэнь признает «консенсус-92», станут возможными разрядка напряженности в Проливе и возобновление переговоров о сотрудничестве. В «Приложении», завершающем данную статью, продемонстрировано то обстоятельство, что и термин «консенсус-92» был произведен на свет в начале «президентства» Чэня для того, чтобы руководители, подобные ему, могли достигать компромиссов с КНР без необходимости идти на совершенно неприемлемое для них согласие с «принципом одного Китая».

Правление Ма Инцзю ярко продемонстрировало, на какие серьезные позитивные шаги готов пойти «другой берег Пролива» в ответ на недвусмысленное подтверждение властями Тайваня своей приверженности «консенсусу-92».

Как уже отмечалось выше, Цай Инвэнь во время первой каденции пыталась продемонстрировать уважение к «консенсусу-92» как к историческому явлению, а в период второй каденции полностью от него отказалась.

2. Как известно, история конкурентных выборов на Тайване началась с представителя Гоминьдана Ли Дэньхуэя. Все «президенты» начиная с Ли избирались на два срока подряд. Судя по всему, на Тайване политика «в отношении другого берега Пролива» является самой яркой «визитной карточкой», отличающей одного кандидата от другого во время «предвыборных кампаний», и в значительной степени определяет исход борьбы за голоса избирателей.

Ли Дэньхуэй во время своего первого «президентского срока» (с 1988 по 1996 г.) очень последовательно и энергично выступал с поддержкой принципа «одного Китая» и за грядущее воссоединение страны. Логика развития ситуации вынудила его вступить в спор с КНР по вопросу о «суверенитете Китайской Республики», что, в конечном счете, привело к выдвижению им концепции «особых отношений между двумя суверенными государствами на разных берегах пролива».

В итоге отношения Тайваня с КНР беспрецедентно обострились. С точки зрения значительной части избирателей острова это означало неудачу первоначального курса Ли Дэньхуэя на поддержку «одного Китая» и движение к «воссоединению» и одновременное отстаивание тайваньского «суверенитета». В результате, после второго «президентского» срока Ли значительная часть избирателей склонилась к тому, что-

² 为永久台湾奠基, 中华民国第十一任总统就职演说, 总统陈水扁, 2004年5月20日, 本作品收录於“总统府公报(民国93年5月26日).

бы отказаться от такой «стратегической двусмысленности» и поддержала сторонника движения к «независимости».

В первой инаугурационной речи представляющего ДПП Чэнь Шуйбяня (2000 г.) он с энтузиазмом рассуждал о грядущих достижениях в развитии острова в результате проведения им, Чэнем, политики, направленной на укрепление идентичности Тайваня, фактически эквивалентной движению в сторону независимости. Этот курс не мог не вызвать противодействия со стороны КНР и роста напряженности в отношениях между двумя берегами Пролива, что не могло обрадовать значительную часть избирателей. Произошла инаугурационная речь по случаю второго «президентского срока» в 2004 г., Чэнь Шуйбянь вынужден был признать, что не располагает необходимой поддержкой большинства населения страны для проведения конституционных реформ, направленных на достижение «независимости»³. К концу второго срока Чэнь Шуйбяня значительная часть избирателей склонилась к мнению о целесообразности смены курса, выдвигая на руководящий пост последовательного сторонника максимально возможного развития взаимодействия с «противоположным берегом Пролива».

Таковым стал Ма Инцзю, который с не меньшим энтузиазмом, чем Чэнь Шуйбянь, в первой инаугурационной речи (2008 г.) заявил о политическом курсе, совершенно противоположном политике последнего – о намерении добиваться процветания Тайваня путем самого широкого развития сотрудничества с КНР. Хотя Ма Инцзю добился несомненных успехов в наращивании практического взаимодействия с «континентальным Китаем», его последовательные усилия вызвали недовольство среди значительных групп тайваньских избирателей⁴. Не удивительно, что в своей второй речи при вступлении в должность Ма вынужден был признать, что часть населения острова не поддерживает такой стратегический курс⁵. Маятник вновь качнулся в сторону приверженцев «независимости».

Госпожа Цай Инвэнь, пришедшая на смену Ма Инцзю, должна была решить две трудно совместимые задачи. С одной стороны, ей надо было оправдать надежды про-

³ «Я, Абянь (простонародное самоименование, часто употребляемое Чэнь Шуйбянем. – С.Г.), также глубоко понимаю, что по таким сюжетам, которые затрагивают вопросы государственного суверенитета, территории, а также объединения или независимости, в настоящее время в тайваньском обществе еще не сформировался консенсус подавляющего большинства населения...» (...阿扁也设切了解, 涉及国家主权, 领土及统独的议题, 目前在台湾社会尚未形成绝大多数的共识...). Цит. по: 为永久台湾奠基, 中华民国第十一任总统就职演说, 总统陈水扁, 2004年5月20日, 本作品收录於“总统府公报 (民国93年5月26日) («Заложить основу для вечного Тайваня. Инаугурационная речь одиннадцатого «президента Китайской Республики»).

⁴ «...политика Ма в отношении континента была яростно раскритикована Демократической прогрессивной партией (ДПП) и ее зачастую уничижительно именовали предательством реальных интересов Тайваня. Критики обвиняли правительство Ма и его Националистическую партию (Гоминьдан) в „продаже интересов Тайваня Китаю“ на том основании, что Гоминьдан выступает за объединение, а сам Ма никогда не отождествлял себя с Тайванем. Хотя все эти обвинения были эмоциональными и раздутыми, они имели определенное влияние на тех, кто ничего не выиграл от сотрудничества с континентом...» [Jiang Yi-huah, 2017, p. 19].

⁵ «В течение прошедших четырех лет то, что мы улучшили отношения между двумя берегами Пролива, снизили напряженность в Тайваньском проливе, принесли мир и развитие, получило поддержку со стороны широких народных масс, однако же по-прежнему существует часть народных масс, испытывающая сомнения в связи с нашей политикой в отношении континента...» [Zhongghua Minguo di shisan...].

голосовавших за нее сторонников «независимости», а с другой стороны – в максимальной степени сохранить достижения в практическом сотрудничестве с континентом, которые были заслугой Ма Инцзю, оставить «окно возможностей» для более глубокого сотрудничества с КНР не только по вопросам экономического взаимодействия, но и по проблемам безопасности.

Такая общая позиция была выражена в первой инаугурационной речи Цай Инвэнь: «Я была избрана президентом в соответствии с Конституцией Китайской Республики, я обязана защищать суверенитет и территорию Китайской Республики; что касается проблем Восточного моря (Восточно-Китайского моря. – С.Г.), то я считаю, что нужно отложить в сторону споры и заниматься его совместным освоением.

Мы также намереваемся прилагать усилия для сохранения действующего механизма диалога и общения между двумя берегами Пролива. В 1992 г. организации, [представляющие] два берега Пролива, придерживаясь политической идеологии взаимных уступок и понимания, стремления к согласию при сохранении разногласий, провели контакты и обсуждения, достигли по некоторым вопросам общего понимания или понимания позиции другой стороны, я уважаю этот исторический факт. Оба берега Пролива должны совместно ценить и оберегать ту реальность и те результаты, которые накопились и сформировались благодаря контактам и переговорам за более чем 20 лет, прошедшие после 1992 г. На этой уже выстроенной фактической и политической основе нужно продолжать продвигать вперед мирное и стабильное развитие отношений между двумя берегами Пролива. Новое правительство будет урегулировать практические вопросы между двумя берегами Пролива в соответствии с Конституцией Китайской Республики, правилами отношений между людьми, [проживающими] на двух берегах Пролива⁶ и другими имеющими к этому отношению законодательными актами. Правящим партиям двух берегов Пролива необходимо сбросить с себя историческое бремя, открыть диалог в духе доброй воли, сделать счастливым народ по обоим берегам Пролива.

Для того, что я сказала, имеется политическая основа, включающая в себя несколько ключевых факторов.

1. Исторические факты переговоров между двумя организациями в 1992 г., а также общее понимание [ряда вопросов], достигнутое в духе стремления к согласию при сохранении разногласий, являются историческими фактами.

2. Действующее ныне конституционное устройство Китайской Республики.

3. Результаты, полученные благодаря переговорам, контактам и взаимодействию между сторонами в течение более 20 лет.

4. Тайваньская демократическая система и общее народное мнение» [Zhonghua minguo di 14 ren...].

Попробуем прежде всего привлечь внимание к тем тезисам из выступления Цай Инвэнь, которые призваны были успокоить Пекин.

---

⁶ Положение о контактах населения двух берегов Пролива (两岸人民关系条例). Это принятое в обиходе сокращенное название тайваньского документа – Положения о контактах населения района Тайваня и районов континента (台湾地区与大陆地区人民关系条例), вступившего в силу 18 сентября 1998 г.

- В самом начале этого раздела выступления Цай Инвэнь использовала выдвинутую Дэн Сяопином для разрешения территориальных проблем в Южно-Китайском море формулировку: отложить в сторону споры и заниматься совместным освоением.
- Цай Инвэнь подчеркнула, что была избрана в соответствии с «Конституцией Китайской Республики» и вообще ничего не упомянула о конституционных реформах, способных привести к «независимости» Тайваня.
- Ее однопартиец Чэнь Шуйбянь вообще не признавал факта существования «консенсуса-92». Цай Инвэнь вполне уважительно оценила этот «консенсус», заявив, что он является историческим фактом.
- Госпожа Цай заявила о необходимости сохранить и приумножить результаты сотрудничества с континентом, достигнутые при Ма Инцзю.

Одновременно, без особого пафоса, она выдвинула несколько тезисов, которые были совершенно неприемлемы для руководства КНР.

- Тайвань является «суверенным государством». По ее мнению, территория «Китайской Республики» – это только Тайвань и прилегающие острова. По умолчанию, отношения с КНР должны строиться как межгосударственные.
- «Консенсус-92» рассматривается только как историческое явление, но никак не в качестве руководства в практической политике.
- Говоря о стремлении руководствоваться мнением народа Тайваня, Цай Инвэнь достаточно прозрачно дает понять, что, по ее оценке, воля большинства склоняется в сторону «независимости».

Три последние позиции, с точки зрения Пекина, были настолько деструктивными, что их негативное влияние неизмеримо превосходило позитив от четырех первых позиций. Отношение к Цай Инвэнь в Пекине вскоре стало откровенно враждебным. В свою очередь глава администрации Тайваня стала предпринимать ответные меры и, как указано в «Приложении», вскоре после начала второго президентского срока, в 2021 г., выдвинула концепцию «четырех непреложных принципов». Это означало полный и открытый отказ от признания «консенсуса-92». Напомним, что, с точки зрения КНР, подобное признание являлось непременным условием снижения уровня конфронтации и возобновления переговоров.

Как и в предыдущих случаях, такое развитие событий не могло не привести к повышению уровня тревожности среди электората. На сей раз результатом этого не стала утрата представителем ДПП президентского поста и приход к власти лидера, который готов в той или иной форме признать «консенсус-92». По мнению автора, сохранению своей власти ДПП обязана несомненным успехом политики Цай Инвэнь в борьбе с пандемией COVID-19. Эта политика, как отмечают многие специалисты, стала едва ли не одной из самых успешных в мире⁷.

---

⁷ Лай Циндэ произносил свою «инаугурационную речь» спустя более чем через два года после завершения пандемии. Тем не менее он уделил в этом выступлении очень много внимания успехам антипандемийных мер, которые были реализованы на острове «под руководством президента, представлявшего ДПП».

При всем при том, мы должны признать, что в период правления Цай Инвэнь произошла заметная эрозия избирательной поддержки ее политики в области отношений с КНР. Самым убедительным доказательством тому является утрата ДПП парламентского большинства и его завоевания теми партиями, которые позитивно относятся к «консенсусу-92».

Принимая во внимание все эти соображения, мы можем попробовать проанализировать особенности содержания инаугурационной речи Лай Циндэ, произнесенной 20 мая 2024 г.

Прежде всего нужно отметить, что в самом начале своего выступления Лай Циндэ выразил приверженность «конституции Китайской Республики» [Lai Qingde zongtong jiu zhi...].

Абзац выступления, посвященный «отношениям между берегами Пролива» выглядит следующим образом: «Поскольку будущее двух берегов Пролива имеет определяющее влияние на ситуацию в мире, то мы, воспринявшие демократизировавшийся Тайвань, будем являться „кормчими мира“. Новое правительство будет придерживаться „четырёх непреложных“⁸, без самоуничтожения будет сохранять статус-кво. Я хотел бы призвать Китай прекратить политические нападки и военные угрозы Тайваню, совместно с Тайванем взять на себя ответственность за мир, прилагать усилия к тому, чтобы мир и стабильность воцарились в Тайваньском проливе и в регионе, добиться того, чтобы весь мир избежал страхов войны.

Народ Тайваня горячо любит мир и старается поддерживать хорошие отношения со всеми людьми. Я всегда считал, что если государство будет считать самым высшим делом благосостояние народа, то мир в Тайваньском проливе, взаимная выгода и взаимная польза, сосуществование и совместное процветание, должны превратиться в общую цель их и нас.

Поэтому мы хотели бы, чтобы Китай правильно относился к факту существования Китайской Республики, уважал выбор тайваньского народа, проявил искренность, стал сотрудничать с законно избранным правительством Тайваня, на основе принципов равноправия и уважения заменил конфронтацию диалогом, заменил блокаду контактами. Начать можно с реализации туристических поездок на равноправной основе, а также с прибытия на Тайвань соискателей ученых степеней. Совместно будем стремиться к миру и процветанию.

Уважаемые соотечественники, мы стремимся к идеалам мира, однако же не должны питать иллюзий. Пока Китай не отбросил политику военного нападения на Тайвань, граждане государства должны понимать: если даже мы примем все позиции Китая, отбросим суверенитет, все равно не смогут исчезнуть попытки Китая поглотить Тайвань» [Lai Qingde zongtong jiu zhi...].

Принимая во внимание приведенные выше соображения, мы можем констатировать следующее:

- в своей политике в отношении Тайваня Лай Циндэ проявил себя как верный наследник политики Цай Инвэнь, крайне неблагоприятной для КНР;

---

⁸ См. Приложение в данной статье.

- присягнув на верность «конституции Китайской Республики», Лай Циндэ гарантировал, что не пересечет главную «красную линию», начертанную КНР. В ответ КНР, по идее, должна придерживаться принципа возобновления переговоров и сотрудничества в случае признания Лай Циндэ «консенсуса-92»;
- новый тайваньский «президент» вынужден хоть и косвенно, но очень определенно признать, что сейчас на него оказывается самое серьезное давление в пользу признания таких, например, принципиальных для КНР политических установок, как «консенсус-92» и вынужден в самом начале своего правления разъяснить избирателям иллюзорность политических перспектив такого варианта. Здесь проявилась характерная для Тайваня динамика развития настроений избирателей, которая ранее отмечалась в течение периодов правления Ли Дэньхуэя, Чэнь Шуйбяня, Ма Инцзю и Цай Инвэнь. Настроения тайваньских избирателей вполне можно понять. Восемь лет правления Цай Инвэнь приблизили их к опасной конфронтации, которой можно избежать, заплатив, с точки зрения основной части обывателей/избирателей, не слишком высокую цену – выражение согласия с выдвигаемой КНР некоей абстрактной политической формулировкой.

Можно выделить пять факторов, оказывающих давление на Лай Циндэ в пользу признания некоторых важных для КНР позиций.

1. Как отметил авторитетный китайский специалист профессор Цзя Цинго, Лай Циндэ прекрасно понимает, что в соотношении сил между островом и континентом произошли радикальные изменения, и если Лай не сошел с ума, то никогда не предпримет действий, ведущих к «независимости Тайваня», а значит к войне⁹. «Украинский кризис» оказал неоднозначное и разнонаправленное, в том числе и не во всем благоприятное для интересов КНР, влияние на ситуацию вокруг Тайваня. Один из аспектов подобного влияния, несомненно, побуждает и руководство США и власти острова куда более серьезно, чем прежде относиться к выдвигаемым Пекином «красным линиям» – китайские эксперты, например, указывают, что «украинский конфликт» перешел в острую фазу, в частности, по той причине, что были проигнорированы российские предостережения относительно пятикратного расширения НАТО на Восток¹⁰.

2. Китайские специалисты также подчеркивают, что США категорически выступают против каких-либо шагов тайваньского руководства, которые ознаменуют „независимый“ статус острова¹¹. Понимая это, Лай Циндэ уже после своего избрания во время беседы с сотрудниками одного из авторитетных исследова-

---

⁹ Chufei Lai Qingde fengle, fouze bu hui chu peng yi zhong dixian 陆学者：除非赖清德疯了，否则不会触碰一中底线 [If Lai Qingde isn't crazy, he won't cross China's Red Line]. 经济日报(台北) [Economic Daily News (Taipei)]. URL: <https://money.udn.com/money/story/5603/78057050> (accessed: 30.06.2024) (In Chinese). Цзя Цинго является членом Постоянного комитета (президиума) Национального политического консультативного совета Китая (НПКСК).

¹⁰ См.: Гончаров С.Н. Китай и специальная военная операция России (февраль 2022 – апрель 2023 г.). СПб.: Нестор – История, 2024. Сс. 123, 178–179.

¹¹ См. сноску 6.

тельских центров США заявил, что в своей инаугурационной речи 20 мая 2024 г. намерен сделать акцент на «сохранении статус-кво на Тайване», а в будущем собирается развернуть с КНР диалог о том, что мир – благо для обоих берегов Пролива. Отмечается в этой связи, что после своего избрания Лай Циндэ вообще предпочитает вести себя тихо, не допуская каких-либо раздражающих КНР заявлений или жестов¹².

3. Сообщается и о том, что ближайшие соратники Лай Циндэ, известные как «отъявленные сепаратисты», крайне обеспокоены перспективой обострения отношений с КНР и в приватном порядке советуют ему предпринять какие-то действия, демонстрирующие готовность к прекращению противостояния и к улучшению отношений¹³.

4. Близкие к КНР наблюдатели обратили внимание на то, что Лай Циндэ назначил Чжэн Вэньцзя (郑文灿) ответственным секретарем «Фонда обменов через Тайваньский пролив» (海峡交流基金会) и спонсором Демократической прогрессивной партии по вопросам политики в отношении континентального Китая. В бытность мэром г. Таоюаня Чжэн Вэньцзя энергично занимался развитием связей с КНР и даже создал для этого специальную рабочую группу в городском правительстве. Журналисты сделали вывод о том, что подобное назначение свидетельствует о намерении Лай Циндэ не на словах, а на деле активно расширять сотрудничество с континентальным Китаем¹⁴. Официальная китайская реакция на сделанный «президентом» Тайваня выбор сводилась к тому, что какие-либо отдельные назначения не могут в корне изменить нынешнюю тупиковую ситуацию в контактах между двумя берегами Пролива. Для достижения позитивных сдвигов, по мнению Пекина, необходимо признание Лай Циндэ «консенсуса-92»¹⁵. Вместе с тем, хотя пресса КНР до этого критиковала практически все решения и действия Лай Циндэ, данное назначение не вызвало осуждения или критики с ее стороны.

5. Этот пункт является последним в порядке перечисления, но ни в коем случае не наименее важным по значимости. Как известно, по результатам «парла-

¹² Dalu jiu Taihai hua xia hongxian, Lai Qingde cheng jiang lixing duidai liang'an guanxi, bu hui taidu大陆就台海划下红线, 赖清德称将理性对待两岸关系, 不会“台独”[Mainland China has drawn a red line in the Taiwan Strait, Lai Qingde says he will take a reasonable approach to relations between the two sides of the strait and will not go for “Taiwan independence”]. Sohu.com. 27.04.2024. URL: https://www.sohu.com/a/774425333_121450515 (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

¹³ “5.20” “Hou xiang yu dalu hudong? Lai Qingde xian yao zhi” taidu “xinbing” “5.20” “后想与大陆互动? 赖清德先要治”台独“心病”[After the inauguration on May 20, does he think about interacting with the mainland? Lai Qingde should first cure the mental illness that is “Taiwan independence”] 29.03.2024. Taiwan.cn. URL: (http://www.taiwan.cn/plzhx/plyzl/202403/t20240329_12609420.htm) (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

¹⁴ Lai Qingde liang'an renshi renming “huan tang bu huan yao” 赖清德两岸人事任命 “换汤不换药” [Lai Qingde's personnel appointments on issues (of contacts) between the two banks are “a change in form without changing the essence”]. Takungpao. com. 26.04.2024. URL: <https://www.takungpao.com/news/232110/2024/0426/965658.html> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

¹⁵ Guowuyuan tai ban xinwen fabu hui jilu 国务院台办新闻发布会辑录 [Excerpts from the press conference of the Taiwan Affairs Office of the State Council]. Taiwan Affairs Office of the State Council. 26.04.2024. URL: http://www.gwytb.gov.cn/m/speech/202406/t20240626_12630835.htm (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

ментских выборов», которые были проведены одновременно с «президентскими», Демократическая прогрессивная партия утратила большинство в законодательном органе. За эту нее проголосовало примерно 40% избирателей, принявших участие в голосовании, а за Гоминьдан и Народную партию – в совокупности 60%. Бывший «президент» Тайваня Ма Инцзю, представлявший Гоминьдан, посетил КНР и 10 апреля 2024 г. был принят председателем Си Цзиньпином. После возвращения на Тайвань Ма Инцзю публично призвал Лай Циндэ отказаться от его нынешней позиции и признать «консенсус-92»¹⁶. Тогдашний председатель партии Гоминьдан Хоу Юи, который был основным соперником Лай Циндэ во время «президентских выборов», однозначно поддерживает «консенсус-92» и выступает против «независимости Тайваня»¹⁷.

Пожалуй, наибольший интерес вызывает позиция главы Тайваньской народной партии Кэ Вэньчжэ. В 2015 г., будучи мэром Тайбэя, он сформулировал так называемую «новую точку зрения на „один“ и „пять“» (一五新观点). Насколько можно понять, эта концепция состоит в следующем: по мнению Кэ Вэньчжэ, «нет проблем с принципом „одного Китая“, весь мир озабочен только тем, каково его содержание»¹⁸ (см. сноску 12).

По мнению Кэ Вэньчжэ, «при обменах между двумя берегами Пролива нужно уважать уже подписанные ранее соглашения и историю взаимодействия на ныне существующей политической основе; исходя из принципов знакомства друг с другом, взаимного понимания, взаимного уважения, взаимного сотрудничества; придерживаясь духа, состоящего в том, что люди, живущие по оба берега Пролива – одна семья; способствовать обменам, наращивать добрую волю, давая возможность народу, находящемуся по оба берега Пролива, стремиться к еще более прекрасному общему будущему»¹⁹.

Кэ Вэньчжэ отметил, что, как он и ожидал, в КНР стали цитировать только ту часть первой составляющей его «новой точки зрения», где указывалось, что у него нет проблем с «принципом одного Китая», и опускали не менее существенную составляющую – с вопросом о том, какое содержание вкладывается в этот принцип. Самое главное, однако же, состояло в том, что общее отношение Пекина к этой концепции было однозначно позитивным²⁰, хотя и признавалась ее расплывчатость.

¹⁶ Zai Lai Qingde shang tai qian, dalu qiangxian yibu chouhua lian chu 2 zhao, min jin dang faxian dashi bu miao 在赖清德上台前，大陆抢先一步筹划连出 2 招，民进党发现大事不妙 [Before Lai Qingde came to power, the mainland took the lead and planned two moves in a row. The DPP discovered that something was seriously wrong]. 163. com. URL: www.163.com/dy/article/J06UL67B05567K46.html (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

¹⁷ Zhiyue Lai Qingde jijin liang'an luxian zhi jiegou yinsu 制约赖清德激进两岸路线之结构因素 [Structural Factors Restraining Lai Qingde's Radical Policy on Cross-Strait Contacts]. Huaxia.com. 31.01.2024. URL: <https://www.huaxia.com/c/2024/01/31/1877402.shtml> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

¹⁸ См. сноску 12.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ke Wenzhe zhi lu mei duanzhangquyi, ti yiwu xin guandian 柯文哲指陆媒断章取义，提一五新观点 [Ke Wenzhe Points Out Mainland Media Quoting Him Out of Context, Puts Forward 'New View on 'One' and 'Five']. 中央社，台北 [Central News Agency, Taipei]. 31.03.2015. URL:

Впоследствии некоторые тайваньские авторы стали призывать тогдашнего «президента» Тайваня госпожу Цай Инвэнь взять на вооружение выдвинутую Кэ Вэньчжэ концепцию для того, чтобы преодолеть тупик в отношениях между берегами Пролива²¹.

Этот фактор имеет огромное значение по крайней мере в двух измерениях. Во-первых, можно с большой долей уверенности предположить, что, если Лай Циндэ действительно попытается совершить «сепаратистский конституционный переворот» (что само по себе является весьма маловероятным), то такие его решения будут заблокированы в законодательном органе союзом Гоминьдана и Народной партии, и дело даже не дойдет до референдума²².

Не менее важно то, что «новая точка зрения», выдвинутая Кэ Вэньчжэ, продемонстрировала возможность выработки устраивающей Пекин формулы для отношений между берегами Пролива, которая не совпадает полностью с «принципом одного Китая» и «консенсусом-92». Не исключено, что в условиях давления со стороны Пекина Лай Циндэ в конечном счете присоединится к формулировке Кэ Вэньчжэ, либо выдвинет собственную формулировку, выдержанную в логике сформулированной последним «новой точки зрения». Это позволит Лай Циндэ без потери лица пойти навстречу требованиям Пекина и создать условия для переговоров.

О возможности таких кардинальных позитивных подвижек в сближении позиций сторон при каких-то символических шагах навстречу со стороны Тайбэя свидетельствует, например, то, как резко сменился мрачно-враждебный тон «белых книг» Пекина на подчеркнуто позитивно-конструктивный после прихода к власти Ма Инцзю и начала разрядки между двумя берегами Пролива.

Китайская сторона также на практике неоднократно демонстрировала способность воплощать в жизнь установку Дэн Сяопина на то, что «практика является единственным критерием истины», и проявляла гибкость по таким вопросам, позиция по которым представлялась совершенно незыблемой.

Можно привести пример из числа близких нам реалий. Долгие годы (с 1964 по 1987 г.) во время пограничных переговоров с Советским Союзом китайские партнеры настаивали на том, чтобы в текст официальных соглашений было включено определение договоров о границе, заключенных между династией Цин и царской Россией, как «неравноправных». Это было неприемлемым для советской стороны. Вместе с тем, когда китайские руководители увидели появление реальной перспективы

<https://www.cna.com.tw/news/firstnews/201503310145.aspx> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese); 剖析何文哲「一五新觀點」[Analyzing the New Viewpoint on “One” and “Five” Put Forward by Ke Wenzhe]. National Policy Foundation. 28.04.2015. URL: <https://www.npf.org.tw/3/14965> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

²¹ Guandian toudou: ke P yiwu xin guandian shi liang'an jiangju de wan ling dan? 觀點投書: 柯P「一五新觀點」是兩岸僵局的萬靈丹? [Petition with a Viewpoint: Is Mr. Ke's New Viewpoint on 'One' and 'Five' an Almighty Elixir to Break the Deadlock in Cross-Strait Relations?]. 風傳媒 [Storm Media]. 08.05.2018. URL: <https://www.storm.mg/article/472971> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

²² Это предположение уже подтвердилось на практике: в мае 2024 г. Гоминьдан и Тайваньская народная партия совместно заблокировали принятие предложенного Демократической прогрессивной партией законопроекта, предусматривавшего обязательное получение тайваньскими парламентариями одобрения со стороны спецслужб острова для визитов законодателей в КНР.

заклучения с Советским Союзом пограничных соглашений, соответствующих коренным интересам КНР, они отказались от концепции «неравноправных договоров» ради достижения практического результата, который в конечном счете принес огромный стратегический выигрыш и Пекину и Москве [Киреев, 2006, сс. 66–72, 113, 149, 222].

Еще один яркий пример проявления тактической гибкости для достижения стратегически значимых результатов – переговоры между КНР и Великобританией о статусе Гонконга. На самом деле эти переговоры были совсем не гладкими и порой принимали драматический характер. Главный камень преткновения состоял в том, что Дэн Сяопин с самого начала исходил из того, что в 1997 г., когда истекал срок аренды «новых территорий», Китай должен полностью восстановить суверенитет над Гонконгом. Маргарет Тэтчер первоначально стремилась сохранить суверенитет за своей страной, а Дэн Сяопин реально опасался того, что воодушевленная победой в «Фолклендской войне», «железная леди» может пойти на применение вооруженной силы для отстаивания такой точки зрения.

Китайский лидер в этой связи дал приказ НОАК готовиться к возможности столкновения. Впоследствии китайская сторона выставила в качестве предварительного условия начала переговоров официальное признание Лондоном передачи Пекину суверенитета в 1997 г. Британцы отказывались, и ситуация сдвинулась с мертвой точки, только когда китайская сторона в тактических целях согласилась поставить вопрос о суверенитете на последнее, третье место в повестке дня переговоров, вынеся на первые два места обсуждение вопросов сохранения процветания Гонконга и гладкого прохождения переходного периода до 1997 г.

Принципиальные расхождения не прекращались и после этого, поскольку представители британской стороны стали настаивать на том, что в качестве ответного шага на их согласие передать суверенитет китайская сторона должна согласиться на сохранение за ними права на фактическое управление территорией. На достижение взаимопонимания по этому вопросу ушло еще почти три года [Fu Gaoyi, 2013, pp. 478–487].

Очень показательным в контексте рассматриваемой нами проблемы являлся и выход «двумя берегами Пролива» на «стратегический размен» в период второй каденции Чэнь Шуйбяня, которого никто не может заподозрить в «пропекинских настроениях».

Как представляется, начиная с 70-х годов прошлого века КНР сначала сделала мирный вариант объединения безусловным приоритетным, а в дальнейшем постепенно все более сужала спектр «триггерных факторов», возникновение которых способно спровоцировать начало боевых действий.

Этот процесс отнюдь не представлял собой пустое сотрясение воздуха, смену одних написанных на бумаге формул другими. Изменение подходов Пекина к применению вооруженной силы на деле расширило «жизненное пространство» для Тайваня по таким критически важным вопросам, как закупки вооружения и юридическое оформление сотрудничества с США. К настоящему времени процесс формирования «красных линий» завершился, и нам не стоит ожидать здесь какого-то размывания позиций КНР по этому вопросу.

Одновременно Китай также «снижал планку» в плане условий, достаточных для начала переговоров с Тайванем по всему спектру проблем, интересующих «оба берега Пролива». В настоящее время тайваньской стороне для возобновления переговорного процесса нужно будет лишь в какой-то форме признать политическую релевантность «консенсуса-92» даже без его детальной расшифровки.

Если принять во внимание динамику развития настроений тайваньских избирателей, то Лай Циндэ, похоже, стоит перед достаточно понятным выбором – или он пойдет на такое признание «консенсуса-92» (без него уже невозможна «стратегическая сделка» подобная той, которая состоялась при Чэнь Шуйбяне) или (что весьма вероятно) рискует не быть переизбранным после первого «президентского» срока. Причина тому проста – избрание Лая и заявленная им преемственность в отношении политического курса Цай Инвэнь не позволили разрешить те вопросы в сфере обеспечения безопасности и отношений с «другим берегом Пролива», которые накопились у избирателей в течение двух «президентских каденций» последней.

Что касается континентального Китая, то для него самым рациональным является курс на то, чтобы оказывать на Тайвань определенное давление, которое, в конечном счете, приведет к возобновлению диалога либо в период правления Лай Циндэ, либо при его преемнике.

Многие комментаторы в СМИ и социальных сетях исходят из того, что КНР издавна проводит курс на военное завоевание Тайваня и воплотит его в жизнь, как только приобретет необходимый военный потенциал и сочтет международную ситуацию благоприятной для этого. Такие выводы совершенно неверны. Основой китайской политики является курс на мирное воссоединение, а применение вооруженной силы представляет собой крайний вариант и средство принудить партнеров к мирному воссоединению. Подобный стиль действий, кстати говоря, как нельзя лучше соответствует духу трактата Сунь-цзы «Искусство войны». Нет никаких свидетельств в пользу того, что китайские руководители внесли кардинальные изменения в такую стратегию и планируют в ближайшее время (например, в 2027 г.) предпринять военную операцию в отношении Тайваня²³.

²³ Предположения о том, что начало войны в Тайваньском проливе может быть приурочено к 2027 г. (например, в статье В.Б. Кашина (2022) содержится ссылка на такую версию, излагаемую японскими журналистами) может быть вызвано тем, что к тому времени должен быть завершен один из этапов модернизации НОАК. На самом деле, китайское руководство исходит из того, что модернизация вооруженных сил КНР должна осуществляться в три этапа: к 2027 г. должны быть осуществлены «цели упорной борьбы, приуроченные к 100-летию создания армии», к 2035 г. – в основном осуществлена цель модернизации национальной обороны и НОАК, а к середине нынешнего века должно быть «полностью завершено строительство первоклассных вооруженных сил». Что касается тех целей, которых необходимо достичь к 100-летию со дня основания НОАК в 2027 г., то они носят стандартный и общий характер, никак не ориентируют вооруженные силы КНР на готовность к операции против Тайваня (см.: Ruqi shixian jian jun yibai nian fendou mubiao 如期实现建军一百年奋斗目标 [Achieve the goal of the 100th anniversary of the founding of the army as scheduled]. Guofang daxue Xi Jinping xin shidai zhongguo tese shehui zhuyi sixiang yanjiu zhongxin 国防大学习近平新时代中国特色社会主义思想研究中心 [National Defense University Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era Research Center]. URL: <https://www.12371.cn/2023/04/03/ART11680514567486110.shtml> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Думается, что весьма интересно будет понаблюдать за возможным постепенным налаживанием диалога между «двумя берегами Пролива», которое, вопреки господствующему сейчас мнению скептиков, все-таки может развернуться после «инаугурации» Лай Циндэ или после прихода к власти его преемника.

Политические спекуляции

Проблема эволюции военно-политической обстановки в Тайваньском проливе находится в центре внимания серьезных западных аналитиков. Особое внимание при ее рассмотрении они уделяют изменению баланса военной мощи между КНР и «Китайской Республикой». К настоящему моменту утвердилось общее мнение, сводящееся к тому, что Пекин уже обогнал Тайбэй по потенциалу вооруженных сил и что в дальнейшем его превосходство в этой сфере будет только нарастать²⁴. В этой связи стало набирать популярность мнение о том, что ничто не мешает КНР использовать это, сравнительно недавно обретенное, военное превосходство над Тайванем для достижения собственных стратегических целей.

На таком фоне в последние годы с американской стороны был сделан целый ряд заявлений, однозначно призывающих быть готовыми к военной операции КНР в отношении Тайваня уже в течение ближайших нескольких лет. Так, в начале 2021 г. сотрудница Стэнфордского университета и Американского предпринимательского института Ориана Скайлар Мастер, тесно связанная с вооруженными силами США, сообщила о том, что «китайские военные руководители» якобы проинформировали ее о готовности осуществить военную операцию в отношении Тайваня «в течение года»²⁵.

Достаточно определенно высказался на ту же тему Филип Дэвидсон – командующий флотом США в Индо-Тихоокеанском регионе. 9 марта 2021 г., отвечая на вопросы сенаторов во время специальных слушаний, этот адмирал заявил, что китайская военная операция в отношении Тайваня, возможно, состоится уже через шесть лет – то есть в 2027 г.²⁶. Это высказывание получило самое широкое распространение

---

²⁴ Еще в самом начале нынешнего столетия видный американский китаевед предсказывал, что Тайвань сможет удерживать качественное военное превосходство над КНР в течение первого десятилетия XXI в., но затем чаш весов неизбежно склонится в сторону «континента». См.: [Shambaugh, 2000, pp. 119–133]. Через несколько лет в докладе министерства обороны США был сделан вывод о том, что «военный баланс между берегами Пролива смещается в пользу континента в результате устойчивого экономического роста, который демонстрирует Пекин, возросшего дипломатического давления и совершенствования военного потенциала, размещенного на ударной дистанции от Тайваня». См.: Military Power of the People's Republic of China. Washington, 2006. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/citations/ADA449718> (accessed: 30.06.2024). В прошлом году один из экспертов, явно выражая господствующую точку зрения, уверенно указал на то, что «хотя вероятность того, что Китай захватит Тайвань военной силой остается неочевидной, военный баланс в Тайваньском проливе медленно сместился в пользу Китая». См.: Armstrong M. The military imbalance in the Taiwan straits. Statista. 19.09.2023. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/citations/ADA449718> (accessed: 30.06.2024).

²⁵ Roy D. (2021). Rumors of the War in the Taiwan Strait. The Diplomat. 20.03.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/rumors-of-war-in-the-taiwan-strait/> (accessed: 30.06.2024).

²⁶ Shelbourne M. (2021). Davidson: China could Try to Take Control of Taiwan In “Next Six Years”. USNI News. 09.03.2021. URL: <https://news.usni.org/2021/03/09/davidson-china-could-try-to-take-control>

в СМИ и было как-бы «поддержано» еще более радикальными тезисами, сформулированными другими действующими и отставными должностными лицами США.

Например в октябре 2022 г. адмирал Майк Гилдэй, директор морских военных операций, утверждал, что США должны быть готовы к возможности вспышки военных действий в этом регионе до 2024 г.; в январе 2023 г. генерал Майк Минихан, бывший заместитель командующего в Индо-Тихоокеанском регионе выразил уверенность в том, что война между США и КНР может разразиться в 2025 г.

Наконец, в феврале 2023 г. директор ЦРУ Вильям Бернс заявил о наличии секретного приказа Си Цзиньпина вооруженным силам КНР быть готовыми к началу военных действий против Тайваня в 2027 г. В апреле 2023 г. адмирал Джон Аквилло, сменивший Дэвиса на посту командующего флотом в Индо-Тихоокеанском регионе, попытался мягко дезавуировать эти алармистские прогнозы²⁷, однако дело уже было сделано – идея о скором начале войны вокруг Тайваня по инициативе КНР накрепко засела в умах политиков разных стран и международных комментаторов.

Здесь нужно отметить, что такие прогнозы падают на очень хорошо удобренную почву. К настоящему времени было опубликовано огромное количество книг, предсказывающих неминуемую войну в Тайваньском проливе и описывающих различные ее сценарии. Спектр высказываемых при этом мнений весьма широк. Крайне радикальный фланг таких авторов представляет, например, Гордон Чан, который исходит из того, что нынешнему китайскому руководству война необходима как средство для того, чтобы уберечься от внутреннего краха, и что она непременно разразится, невзирая на существующие сейчас сдерживающие факторы [Chang, 2023].

Противоположный фланг сторонников такой точки зрения занимают такие уважаемые эксперты, как, например, Роберт Блэквилл и Филип Зеликов, долгое время прослужившие на ответственных должностях во внешнеполитическом истеблишменте США и заслуженно пользующиеся солидным авторитетом в академических кругах. Они не считают войну в проливе фатально предопределенной, стремятся выдвинуть предложения, которые могут позволить ее избежать.

Тем не менее и им перспектива вооруженного столкновения представляется вполне реалистичной. По их мнению, вооруженный конфликт может протекать в трех формах: занятие КНР островов, находящихся в административном подчинении Тайваню, введение КНР «карантина» в отношении Тайваня (то есть не осуществление полной блокады острова, а проведение досмотра всех следующих туда воздушных и морских судов и недопуск тех из них, которые везут, например, вооружения) и, наконец, проведение полноценной воздушной или морской десантной операции [Dlackwill, Zelikov, 2021].

---

of-taiwan-in-next-six-years (accessed: 30.06.2024). В заранее подготовленном тексте выступления данный тезис отсутствовал: Statement of Admiral Philip S. Davidson, US Navy commander, US Indo-Pacific Command before the armed service committee on US Indo-Pacific command posture, 09 March 2021. URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Davidson_03-09-21.pdf (accessed: 30.06.2024).

²⁷ US commander pushes back against colleagues “guessing” Taiwan invasion date. Financial Times. 18.04.2023. URL: <https://www.ft.com/content/753bec2b-9c55-49a8-9d34-7c286af505f3> (accessed: 30.06.2024).

Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что близкие к Пентагону аналитики придерживаются весьма осторожных и сдержанных взглядов по вопросу о возможности и желании Пекина применить вооруженные силы для «воссоединения» с островом. В ноябре 2022 г. под эгидой Национального оборонного университета США был проведен специальный симпозиум, посвященный вопросам, связанным с возможным военным конфликтом в Тайваньском проливе. В книге, излагающей итоги этого серьезного мероприятия (предисловие к ней было написано президентом университета генерал-лейтенантом ВВС США Майклом Т. Пленом), делаются следующие выводы:

«Анализ, проведенный в этом томе, предполагает, что НОАК уже располагает потенциалом для применения на низком уровне силового давления и для осуществления ударов по Тайваню с воздуха, а также ракетных ударов. При отсутствии вмешательства со стороны США НОАК также обладает способностью к осуществлению блокады. Однако же все эти варианты оставят в неприкосновенности существующее на Тайване правительство, предоставят время для вмешательства сил США и, вероятно, будут сопровождаться значительными дипломатическими, экономическими и военными издержками в придачу к риску эскалации до крупной войны с Соединенными Штатами.

Вторжение через пролив потенциально может сыграть решающую роль, однако, очевидно, находится за пределами нынешних возможностей НОАК, если учитывать известные данные об отставании в потенциале морского и воздушного десантирования и в логистике, равно как и другие ограничения, которые были выявлены авторами статей в этой книге. НОАК упорно работает над улучшением своего потенциала и над исправлением своих недостатков.

Однако вооруженные силы Соединенные Штатов и Тайваня также совершенствуют свои потенциалы, включая приобретение новых вооружений, развитие новых операционных концепций и повышение боевой эффективности в противостоянии НОАК. Последняя добилась значительного прогресса в течение последних 20 лет в создании потенциала, необходимого для вторжения и для преодоления качественного разрыва с вооруженными силами США, однако будущий прогресс не гарантирован» [Saunders, Wuthnow, 2022].

Такого рода заключения в целом совпадают с результатами анализа возможных военных и экономических последствий вооруженного конфликта в Тайваньском проливе, проведенном недавно с применением современных компьютерных методов²⁸.

В январе 2023 г. специалисты вашингтонского Центра стратегических и международных исследований²⁹ 24 раза провели компьютерное моделирование хода и результатов теоретически возможной вооруженной операции НОАК в отношении Тайваня [Cancian et al., 2023, pp. 3–4, 83–91, 96–97]. В условиях, когда обычной публике,

²⁸ Ниже приводятся оценки западными специалистами военных и экономических последствий вооруженного конфликта в Тайваньском проливе. Автор не ставил целью оценить обоснованность этих военных и экономических данных и приводит их только для того, чтобы пояснить, к каким выводам эти исследования стараются склонить политические элиты и общественное мнение.

²⁹ Минюстом РФ деятельность признана нежелательной на территории Российской Федерации.

естественно, недоступны выводы закрытого компьютерного моделирования, которое наверняка постоянно проводится военными специалистами всех заинтересованных государств, этот материал на данный момент является одним из самых авторитетных по данной теме.

При проведении каждого из раундов моделирования вводились различные исходные и дополнительные параметры. Ни в одном из сценариев НОАК не удалось достичь своих целей и она каждый раз терпела военное поражение. Базовый сценарий вторжения предусматривал мощную ракетную атаку со стороны КНР с одновременным окружением острова флотом КНР и осуществлением массовой десантной операции с воздуха и с моря с использованием как военных, так и привлеченных гражданских кораблей. Предполагалось, что войска Тайваня будут оказывать достаточно эффективное сопротивление в течение первых дней вторжения, не давая НОАК возможности расширить плацдармы на берегу. Это, согласно выводам компьютерного моделирования, давало возможность флоту и военно-морским силам США приступить к планомерному уничтожению китайских кораблей, авиации и сил вторжения. Такая тактика должна была привести к пресечению возможности снабжения и пополнения сил вторжения с моря и к их уничтожению примерно в течение двух недель с начала боевых действий.

Базовый сценарий таких военных действий предполагал высадку на Тайване первой волны из 30 000 десантников НОАК, которые первоначально захватывают плацдарм в 2600 квадратных километров. После двухнедельных военных действий общие потери США и Японии в авиации оценивались в 382 самолета (270 у США и 112 у Японии), а потери Китая – в 155 самолетов.

Столь значительная разница объясняется тем, что, как следует из результатов компьютерного моделирования, 90% американских и японских самолетов будут уничтожены на земле, на американских базах в Японии – несмотря на существующее на Окинаве развитое ПВО. Предполагаются также потери от китайских ракетных атак против американской базы ВВС на острове Гуам. Практически все китайские самолеты должны были быть уничтожены в воздухе. Сценарий моделирования исключал нанесение ударов по аэродромам на территории КНР. Надо полагать, что такое ограничение, по мысли авторов моделирования, должно обеспечить предотвращение эскалации конфликта вплоть до обмена ядерными ударами.

Эти сценарии также предполагают уничтожение 90% китайского флота, принявшего участие в десантной операции. США должны были потерять два авианосца с 90 самолетами и от семи до 20 больших надводных кораблей.

Таким образом, даже при таком «оптимистичном» для США и Тайваня сценарии боевых действий их должны были ждать тяжелейшие потери. Крайне ослабленная тайваньская армия должна была после их завершения оборонять остров с разрушенной промышленной и транспортной инфраструктурой. США должны были на многие годы вперед в значительной степени утратить способность проецировать военное влияние в глобальном масштабе. Как предполагалось, тяжелейший удар мог быть нанесен и по потенциалу КНР, которая должна была потерять практически весь военно-морской флот, с большим напряжением сил создававшийся ею в течение последних десятилетий.

При моделировании рассматривался и такой вариант, когда США и Япония вообще не придут на помощь Тайваню. Он предполагал высадку на острове группировки НОАК численностью в 165 000 человек (несколькими волнами) и его полный захват в течение 70 дней.

Реализация «оптимистичного» для США «базового варианта» предполагает наличие следующих основных условий: 1. Тайвань должен упорно защищаться в течение первых дней вторжения. Если его вооруженные силы сразу капитулируют, то все остальное утратит смысл. Для этого в ближайшие годы необходимо изменить статус вооруженных сил в тайваньском социуме и преодолеть чрезмерные упования на американскую военную помощь. 2. США должны вступить в военные действия с самого начала в полном масштабе и без проволочек. «Украинский вариант», при котором можно ограничиться поставками вооружений, ни в коем случае не подходит к тайваньской ситуации. 3. Критически важное значение имеет доступ к военно-воздушным базам Соединенных Штатов в Японии. Без них США не смогут реализовать свое превосходство в сфере ВВС. 4. Для воплощения в жизнь такого варианта США должны обладать достаточным количеством крылатых ракет воздушного базирования дальнего радиуса действия.

Значительное количество исследований посвящено также изучению экономических последствий вооруженного конфликта в Тайваньском проливе. Одно из первых, выполненное связанной с ВВС США «РЭНД корпорейшн»³⁰, увидело свет в 2016 г. Согласно выводам авторов доклада, вооруженный конфликт в Тайваньском проливе может привести к потере 25–35% ВВП КНР и 10% ВВП США [Gompert, Cevallos, Garafola, 2016, pp. 41–47].

Для того, чтобы лучше понимать масштаб бедствия, целесообразно держать в уме оценки ущерба для мировой экономики от вооруженного конфликта на Украине. В самой начальной стадии этого столкновения ведущие мировые рейтинговые агентства оценивали снижение роста мирового ВВП в результате этого кризиса в диапазоне от 0,2% до 0,8% (Fitch – снижение с 4,2% до 3,5%, Moody's – с 4,3% до 3,6%, ОЭСР с 3,2% до 2,4%, S&P с 4,1% до 3,4%, Oxford Economics – с 4,0% до 3,8%). По оценкам экспертов ОЭСР, в результате конфликта мировая экономика могла не достигаться в 2022 г. 1 трлн долл., или 1% роста. В начале 2023 г. ОЭСР увеличил свою оценку ущерба до 2,8 трлн долл.³¹.

В течение последних двух лет эксперты стали давать куда менее катастрофические оценки экономических последствий вооруженного столкновения в Тайваньском проливе, чем это было сделано экспертами РЭНД в 2015 г. Так, в обнародованном в конце 2022 г. докладе группы «Родиум» этот ущерб оценивался в 2 трлн долл.³². Это вполне сопоставимо с приведенными выше оценками ущерба от «украинского кризиса».

³⁰ Минюстом РФ деятельность признана нежелательной на территории Российской Федерации.

³¹ Оценены потери мировой экономики от конфликта на Украине // Рамблер / Финансы. 2023. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/50206582-otseneny-poteri-mirovoy-ekonomiki-ot-konflikta-na-ukraine/> (дата обращения: 30.06.2024).

³² The Global Economic Disruption from a Taiwan Conflict. Rhodium Group. 12.12.2022. URL: <https://rhg.com/research/taiwan-economic-disruptions/> (accessed: 30.06.2024).

Совершенно иная и близкая к ранним выводам «РЭНД корпорейшн» картина обрисована в вышедшем в январе 2024 г. докладе агентства «Блумберг»³³. Если судить по отзывам экспертного сообщества, то именно эти оценки рассматриваются сейчас как наиболее авторитетные, учитывающие, в том числе, уроки «украинского кризиса». В соответствии с этим докладом, в случае осуществления Китаем полной блокады Тайваня в течение первого ее года ВВП Тайваня упадет на 12,2%, Соединенных Штатов – на 8,9% и всего мира – на 3,3%³⁴. В случае же полномасштабного вооруженного конфликта, экономика Тайваня рухнет на 40%, будет разрушена вся промышленная инфраструктура вдоль побережья острова. Китайский ВВП упадет на 16,7%, ВВП США – на 6,7%, а глобальный ВВП – на 10,2%.

Особую важность здесь имеет оценка падения китайского ВВП. Если исходить из того, что в настоящее время российский ВВП примерно в 10 раз меньше китайского, то абсолютная величина падения в денежном воплощении будет эквивалентна полугодовому ВВП Российской Федерации. Если подойти к вопросу с иной точки зрения, то Китаем будет потерян экономический рост, достигнутый им за последние три с лишним года. Если исходить из вышеупомянутых результатов компьютерного моделирования боевых действий, то такая экономическая катастрофа в Китае будет происходить на фоне поражения НОАК в десантной операции, уничтожения флота и значительной части ВВС, блокады и потери внешних рынков, а также резкого обострения и без того тяжелых современных экономических проблем.

При этом необходимо учитывать, что в результате конфликта вокруг Украины мировая экономика недосчитывается в основном таких видов продукции, как нефть, газ и зерновые культуры. Будучи очень важными для международного хозяйства, эти товары, тем не менее, могут быть замещены поставками из ряда других стран-производителей. Вместе с тем, в случае конфликта в Тайваньском проливе возникнет дефицит таких сложных и специфических изделий, как тайваньские компьютерные чипы³⁵, а также многочисленные виды китайских машин и оборудования, которые критически важны для очень многих потребителей и которые очень трудно заместить поставками из альтернативных источников.

Не удивительно, что, согласно мнению западных аналитиков, на фоне такой ситуации реальные намерения и планы руководителей КНР в отношении Тайваня радикально отличаются от их публичной позиции, которая выражается в угрожающей

---

³³ A War Over Taiwan Is \$10 Trillion Risk. Bloomberg. Bloomberg.com. 09.01.2024. URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2024-01-09/economy-risks-latest-taiwan-war-would-cost-world-10-trillion> (accessed: 30.06.2024).

³⁴ В вышедшем в середине 2023 г. докладе Института экономики и мира ущерб глобальной экономике от первого года блокады оценивался в 2,7 трлн долл. Это в целом совпадает с последними оценками «Блумберг». См.: Assessing the Global Economic Ramifications of a Chinese Blockade on Taiwan. Visions of Humanity. 2023. URL: <https://www.visionofhumanity.org/assessing-the-global-economic-ramifications-of-a-chinese-blockade-on-taiwan/> (accessed: 30.06.2024).

³⁵ Why war with China over Taiwan could ruin the global economy. NBC News. 2023. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/taiwan-war-china-us-ruin-global-economy-semiconductors-chips-rcna91321> (accessed: 30.06.2024). Согласно оценке руководителя тайваньской «чиповой индустрии», вооруженное столкновение в Тайваньском проливе способно технологически отбросить мировую экономику на 20 лет в прошлое.

риторике официальной пропаганды и многочисленных военных мероприятиях вокруг острова.

Характерны в этом отношении открытые данные спутниковых наблюдений, которые свидетельствуют о том, что к 2012 г. (то есть к моменту прихода Си Цзиньпина к власти) в КНР было построено 279 укрепленных ангаров для ВВС, 70% из которых находилось на расстоянии менее 500 километров от Тайваня. После 2012 г. было построено еще 380 таких ангаров, но только 9% из них находились на расстоянии менее 500 километров от острова. При Си Цзиньпине ангары строили в основном вдоль границ КНР, а также в населенных восточных и южных районах страны, но на расстоянии более чем в 500 километров³⁶. Получается, что в реальной жизни Си Цзиньпин отнюдь не концентрирует усилия на создании направленной на удар по Тайваню капитальной инфраструктуры.

Примерно таким же образом, полагают западные эксперты, дело обстоит и с китайским общественным мнением³⁷. Некоторое впечатление о реальных настроениях китайского общества можно составить, исходя из серии опросов на эту тему, проведенных в конце 2020 – начале 2021 г. Адамом Лю из Национального университета Сингапура и Ли Сяоцзюнем из Нью-Йоркского университета (Шанхай). Из 2000 респондентов только 1% поддержал идею начать военные действия против Тайваня накануне тамошних президентских выборов 2024 г., дабы предотвратить приход к власти сторонников Демократической прогрессивной партии, отнюдь не пользующейся расположением Пекина.

Можно привести и иные примеры подобного рода. Так, в январе 2023 г. Ху Сицзинь – бывший главный редактор близкой к властям популярной газеты «Хуаньцзо шибао», который зачастую придерживается жестких националистических позиций, заявил, что для того, чтобы предпринять военную операцию в отношении Тайваня, Китаю необходимо накопить по крайней мере 1000 ядерных боеголовок (сейчас у него примерно 400 единиц)³⁸. Также, указал Ху Сицзинь, КНР к началу такой операции необходимо иметь столько бомб и ракет, сколько имеется в арсеналах Соединенных Штатов, Японии и Тайваня вместе взятых – и это при том, что после начала конфликта на Украине все эти государства сами стали наращивать производство вооружений и военной техники. И в том, и в другом случае речь идет о достаточно отдаленных перспективах.

В мае 2023 г. китайский блогер Ли И написал, что даже если в результате военной операции на тайваньском направлении Китай потеряет 10% населения (порядка 140 млн человек), такое решение все равно следует признать правильным – поскольку «это станет прекрасным материалом для патриотического воспитания молодежи».

³⁶ Data on air bases suggest a Chinese invasion of Taiwan may not be imminent. The Economist. 27.07.2023. URL: <https://www.economist.com/interactive/graphic-detail/2023/07/27/data-on-air-bases-suggest-a-chinese-invasion-of-taiwan-may-not-be-imminent> (accessed: 30.06.2024).

³⁷ Материал, связанный с этой темой, взят из статьи: When it comes to war with Taiwan, many Chinese urge caution. The Economist. 19.06.2023. URL: <https://www.economist.com/china/2023/06/19/when-it-comes-to-a-war-with-taiwan-many-chinese-urge-caution> (accessed: 30.06.2024).

³⁸ When it comes to war with Taiwan, many Chinese urge caution, even some ardent nationalists. The Economist. June 19, 2023.

Реакция блогосферы оказалось неожиданно сильной, массовой и крайне негативной для Ли И. В его адрес хлынул поток самых яростных обвинений и оскорблений. Хуан Цзису – известный жесткий националистический литератор, один из авторов весьма популярной антиамериканской и антизападной книжки «Китай недоволен», заклеил Ли И как «нациста»³⁹.

Учитывая все упомянутые факторы, американский правительственный аналитик, который долгие годы профессионально занимался тайваньской проблемой, пришел к выводу о том, что ни в коем случае не стоит переоценивать заинтересованность трех основных действующих лиц, непосредственно вовлеченных в ситуацию вокруг Тайваня – правительств Соединенных Штатов и КНР, а также тайваньских властей – в совершении любых действий, которые реально ведут к нарушению сложившегося статус-кво в тайваньском проливе и таким образом провоцируют развертывание военных действий [Understanding Beijing's motives...]. По его мнению, власти КНР на самом-то деле не ощущают общественного запроса на скорейшее решение «тайваньской проблемы» любой ценой и в ближайшее время (в последние годы мы были свидетелями проходивших в КНР массовых демонстраций имевших антияпонскую и антиамериканскую направленность, но никогда – массовые выступления, связанные с Тайванем). Для высшего китайского руководства тайваньская проблема является прежде всего политической, а не военной. Стратегической целью Пекина является достижение примерно к середине текущего века серии политических и экономических договоренностей, предусматривающих его символическое главенство в отношениях с Тайбэем.

Что касается США, то на самом-то деле, начиная с развертывания процессов демократизации на Тайване в середине 90-х годов не угроза применения вооруженной силы со стороны КНР, а именно давление со стороны Вашингтона не позволяли тайваньским политическим деятелям допускать какие-либо высказывания или действия, способные спровоцировать континентальный Китай на крайние меры. Наконец, начиная по крайней мере с 2008 г. сами тайваньские лидеры не делали ничего такого, что могло быть интерпретировано Пекином как «переход красной линии на пути к независимости»⁴⁰.

В целом можно, очевидно, констатировать, что в «треугольной системе» Пекин – Вашингтон – Тайбэй постепенно складывается достаточно устойчивая конструкция взаимосвязей и взаимопониманий, направленная на исключение возможности создания условий для вспышки вооруженного конфликта. Такие условия могут быть созданы только в результате серьезной деформации или разрушения этой системы изнутри или извне.

В качестве примера события, способного разрушить эту систему изнутри, можно привести гипотетическое решение США о полном прекращении поставок вооружений Тайваню (периодически в Вашингтоне раздаются голоса в пользу этого). В таком случае Пекин вполне может пойти на то, чтобы перейти от нынешней политики

³⁹ Ibid.

⁴⁰ China's Military Incursions Around Taiwan Aren't a Sign of Imminent Attack. The Diplomat. 22.10.2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/10/chinas-military-incursions-around-taiwan-arent-a-sign-of-imminent-attack/> (accessed: 30.06.2024).

«удержания» острова от независимости к курсу на принуждение тайваньских властей к подписанию каких-то соглашений, означающих приближение к конечному воссоединению. При таком развитии событий на каком-то этапе этого процесса КНР может прийти к применению немирных методов «убеждения» Тайбэя.

Это может сыграть с участниками процесса злую шутку. Даже после теоретически возможного прекращения поставок вооружений Тайваню Соединенные Штаты все равно будут воспринимать этот остров как территорию с отличной от КНР политической, экономической и идеологической системами. В результате вооруженные силы США могут вмешаться в вооруженный конфликт даже в том случае, если до этого прекратили любое военное сотрудничество с Тайбэем. В чем-то сходная ситуация имела место в 1950 г. В январе того года США объявили, что Южная Корея не входит в их «оборонительный периметр», а уже в июне решительно вмешались в вооруженный конфликт на стороне Сеула [Chen, Kastner, Reed, 2017].

Здесь, однако, присутствует еще один серьезный фактор, действующий в противоположном направлении и способный оказать сдерживающее влияние на обострение ситуации. В самом деле, в том случае, если США действительно решат прекратить поставки вооружений Тайваню, то это, скорее всего, приведет к существенному улучшению их политических отношений с КНР. В такой ситуации Пекин вполне может пойти на какие-то достаточно сильные политические шаги, подтверждающие его приверженность мирному урегулированию ситуации (хотя, конечно, в принципе не откажется от применения вооруженной силы). Все это существенно снизит вероятность перехода к немирному, силовому сценарию.

Разрушение существующей системы извне также возможно, например, если в результате конфликтов с какими-то третьими сторонами или в случае глубокого внутреннего кризиса произойдет резкое качественное ослабление Соединенных Штатов⁴¹. В данный момент реальное возникновение такой ситуации не просматривается.

Теперь можно вернуться к попытке ответить на заданный в данном материале вопрос о том, чем была вызвана появившаяся в 2021 – первой половине 2022 г. серия алармистских заявлений должностных лиц США относительно скорого начала боев в Тайваньском проливе. Есть достаточно серьезные основания утверждать, что эти заявления в наименьшей степени были мотивированы реальными опасениями начала боевых действий вокруг острова. Период, когда прозвучали все эти заявления, был отмечен сначала концентрацией российских войск на границе с Украиной, а затем и началом специальной военной операции. В течение этого напряженного периода американские военно-политические руководители еще не были окончательно уверены в том, каким образом будут развиваться боевые действия, не произойдет ли быст-

---

⁴¹ В 2020 г. американские эксперты писали о том, что такая, например, информация, как сообщение о вспышке пандемии на авианосце «Теодор Рузвельт» или о решении США перебросить бомбардировщики В-52 с базы на о. Гуам в континентальную часть Соединенных Штатов, чтобы избежать эпидемии, могут быть восприняты руководством КНР как проявление нарастающей слабости американских вооруженных сил, и что углубление таких тенденций может привести Пекин к серьезной переоценке военно-политической ситуации в свою пользу – с соответствующими практическими последствиями. См.: China Is Still Wary of Invading Taiwan. Foreign Policy. 11.05.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/05/11/china-taiwan-reunification-invasion-coronavirus-pandemic/> (accessed: 30.06.2024).

рый коллапс ВСУ и, соответственно, не станет ли фактом кардинальное ухудшение ситуации в сфере европейской безопасности для Вашингтона и его союзников.

В этой обстановке для ряда американских военно-политических руководителей крайне важно было принять превентивные меры к тому, чтобы не допустить кардинального перенаправления руководством США основных ресурсов на обеспечение безопасности европейского стратегического направления, избежать фактического отказа от провозглашенного президентом Б. Обамой в 2011 г. «стратегического поворота к АТР» и ослабления внимания к индо-тихоокеанскому направлению. Кроме того, эти заявления о вероятности скорейшего начала боевых действий вокруг Тайваня, очевидно, должны были «в профилактических целях» в очередной раз предостеречь Пекин от соблазна использовать возможную дестабилизацию ситуации в Европе⁴².

Таким образом, если исходить из поддающихся прогнозированию факторов, с точки зрения серьезных западных экспертов, вспышка вооруженного конфликта в Тайваньском проливе в обозримом будущем представляется крайне маловероятной. Очевидно, именно с этих позиций целесообразно оценивать периодически появляющуюся в международных и отечественных СМИ паническую информацию относительно неминуемого и скорого вооруженного столкновения вокруг этого острова.

Приложение

«Консенсус 1992 года»

Рассмотрению этой темы посвящено огромное число статей и книг. Фактическая сторона процесса формирования и применения этого понятия в интерпретации КНР детально изложена, например, в «Энциклопедии „Байду“» (九二共识, 百度百科),

---

⁴² В американских СМИ встречаются косвенные подтверждения определенных разногласий и дискуссий в военно-политическом руководстве по поводу приоритетности усилий, направленных на поставки вооружений Украине и Тайваню. В ноябре 2022 г. в газете *Wall Street Journal* появился материал, в котором утверждалось, что поставки вооружений Украине усугубляют их дефицит на Тайване. В том же месяце созданная Палатой представителей Конгресса США комиссия по мониторингу американо-китайских отношений в экономике и безопасности в своем докладе отметила, что направление больших объемов вооружения Украине усугубляет проблему просрочки поставок уже законтрактованного оружия Тайваню. В начале 2023 г. сенатор Джош Хоули направил письмо государственному секретарю Энтони Блинкену, в котором утверждал, что оказываемая администрацией Байдена военная помощь Украине подрывает «имеющие более важное значение» усилия, направленные на укрепление обороны Тайваня. В качестве доказательства он приводил тот факт, что к настоящему времени стоимость уже подписанных, но просроченных контрактов на поставку вооружений Тайваню достигла 19 млрд долл. США. Американские аналитики доказывают, что такая логика обосновательна, поскольку Украине в основном направляются системы из запасов Минобороны США, а Тайваню – новые вооружения. Кроме того, «в значительной части» не пересекается и номенклатура поставляемого оружия (Тайваню предоставляются более продвинутые системы). См. [The real reasons for...]. В любом случае такого рода дебаты являются косвенным отражением некоторого напряжения, которое возникло между тихоокеанским и европейским направлениями обеспечения безопасности США в связи с «украинским кризисом».

а «протайваньская» трактовка – в китайской версии «Википедии» (九二共识, 维基百科, 自由的百科全书).

Кроме того, официальная позиция КНР относительно «Консенсуса 1992 года» описывается в таких публикациях, как «Происхождение „консенсуса-92“» [Jiu er gong shi...] (выпущено Канцелярией по делам Тайваня ЦК КПК и Канцелярией по делам Тайваня Госсовета 12 июля 2016 г.⁴³), а также «Взгляд на „консенсус-92“ с разных сторон – описания, сделанные непосредственными участниками событий» [“Jiu er gong shi” mian mian guan...] (издано Канцелярией по делам Тайваня ЦК КПК и Канцелярией по делам Тайваня Госсовета 25 декабря 2020 г.). «Протайваньская» позиция представлена, например, в статье Тун Чэньюаня и Чэнь Шотина [Tung Chen-Yuan, Chen Shuo-Ting, 2004], первоначально размещенной на сайте исследовательского департамента «министерства юстиции» Тайваня (法务部调查局).

Попробуем, основываясь на этих материалах, изложить некоторые из базовых фактов, связанных с «консенсусом-92».

2 ноября 1987 г. «президент» Тайваня Цзян Цзинго официально разрешил гражданам «Китайской Республики» посещать родственников на континенте. В 1991 г. следующий «президент» Ли Дэньхуэй прекратил действие «Временных правил на период мобилизации и пресечения смуты» (动员止乱临时条款), которые были введены еще в 1948 г., когда в Китае бушевала гражданская война между правительством партии Гоминьдан, возглавляемой Чан Кайши, и коммунистами во главе с Мао Цзэдуном. Это сняло политическое препятствие на пути развертывания контактов «Китайской Республики» на Тайване с Китайской Народной Республикой, которая победила в гражданской войне, контролирует континентальный Китай и пользуется признанием со стороны международного сообщества. С этой целью 21 ноября 1990 г. на Тайване была создана формально независимая структура «Фонд контактов через Тайваньский пролив» (海峡交流基金会) (далее – Фонд). В реальности она была уполномочена тайваньскими властями на проведение переговоров о взаимодействии с представителями КНР. 16 декабря 1991 г. в континентальном Китае была создана аналогичная организация – «Ассоциация отношений между берегами Тайваньского пролива» (海峡两岸关系协会) (далее – Ассоциация).

С марта 1992 г. эти две структуры приступили к обсуждению практических вопросов сотрудничества между «двумя берегами Пролива». Прежде всего речь шла о взаимном признании таких базовых документов, как, например, свидетельства о браке или дипломы об образовании. В ходе этих обсуждений стороны должны были принять принципиальное решение о том, достигаются ли эти договоренности в рамках единого государства или представляют собой соглашения между двумя суверенными государственными образованиями. Эта проблема стала камнем преткновения в ходе переговоров. Очередной раунд этих переговоров состоялся в Гонконге в конце октября 1992 г.

По поводу интерпретаций сторонами итогов этих переговоров написаны горы статей, книг и мемуаров. Постараемся сжато изложить суть вопроса.

⁴³ Публикация дублирована на сайте организации Единого фронта Университета электронных технологий. Ссылка на этот сайт (<https://tz.uestc.edu.cn/info/1022/1364.htm>) дана в соответствующей позиции библиографического списка как наиболее доступная.

КНР исходила из того, что была достигнута договоренность относительно приверженности каждой из сторон принципу одного Китая (各表一中). Взаимопонимание относительно того, что каждая из сторон при этом будет устно излагать собственное понимание принципа «одного Китая» рассматривалось как второстепенное и лежащее «за скобками» основной договоренности.

Тайваньская сторона полагала, что договоренность об устном изложении каждой из сторон собственного понимания принципа «одного Китая» является неотъемлемой составной частью «основной договоренности» (一中各表).

В дальнейшем такие разные подходы к интерпретации результатов переговоров, создали для обеих сторон целый ряд серьезных политических проблем. Изначально, однако, для КНР и Тайваня главным было взаимопонимание относительно того, что разногласия между сторонами по вопросу об интерпретации принципа «одного Китая» не должны мешать решению базовых вопросов сотрудничества между «двумя берегами Пролива». Это создало условия для весьма результативных переговоров между руководителем Ассоциации Ван Даоханем и руководителем Фонда Гу Чжэньфу в Сингапуре в конце апреля 1993 г. По результатам этой встречи сторонами были подписаны «Соглашение между двумя берегами Пролива об использовании и проверке удостоверений» (两岸公证书使用查证协议), «Соглашение между берегами Пролива о проверке заказных писем и компенсации за них» (两岸挂号函件查询, 补偿事宜协), «Соглашение о системе связей между двумя структурами (то есть Ассоциацией и Фондом. – С.Г.) и порядке переговоров между ними» (两会联系与会谈制度协议), а также «Совместное соглашение о переговорах между Ваном и Гу» (汪辜会谈共同协议), в котором был намечен целый ряд новых направлений экономического взаимодействия. Ни в одном из этих документов «принцип одного Китая» не упоминался.

Ситуация стала существенно осложняться, когда КНР перешла к попыткам использовать собственную интерпретацию итогов переговоров конца 1992 г. в политических целях. Во время состоявшегося в 1993 г. в США саммита АТЭС Председатель КНР Цзян Цзэминь заявил о том, под «одним Китаем» имеется в виду Китайская Народная Республика, а Тайвань является одной из ее провинций. В ответ на это «специальный представитель Тайваня» Цзян Бинкунь, также принимавший участие в мероприятии, заявил о том, что на этом этапе существуют два Китая и что в современных условиях Китайская Народная Республика и так называемая «Китайская Республика» являются двумя суверенными государствами, которые не подчиняются друг другу.

В 1995 г. заместитель ответственного секретаря Фонда Цзяо Жэньхэ впервые выдвинул следующую интерпретацию этого основополагающего принципа: «один Китай, о котором каждая из сторон говорит по-своему» (一个中国, 各自表述). Появление на свет такой позиции Тайваня вызвало резкое неприятие со стороны КНР.

Поскольку в том году «президент» Ли Дэнхуэй съездил в Соединенные Штаты, в отношениях с континентом стала возникать напряженность. Масла в огонь подлило его «переизбрание на президентский пост» в мае 1996 г. В этот период КНР провела в районе Тайваньского пролива серию ракетных пусков и военных учений.

Китайская сторона в тот период стала утверждать, что заявление тайваньской стороны относительно того, что в конце 1992 г. была достигнута договоренность о том, что каждая из сторон будет по-своему интерпретировать определение «одного

Китая» не отражает действительности. 14 мая 1997 г. руководитель Ассоциации Тан Шубэй заявил, что сводить достигнутые в Гонконге договоренности к тому, что «существует один Китай, о котором каждая из сторон говорит по-своему», совершенно неверно. На самом деле, по его мнению, было достигнуто согласие о том, что «каждая из сторон придерживается принципа одного Китая». Здесь впервые китайская сторона официально и открыто заявила о том, что в конце 1992 г. в Гонконге была достигнута некая договоренность относительно принципа «одного Китая».

9 июля 1997 г. «президент» Ли Дэнхуэй в беседе с корреспондентом радиостанции «Дойче Велле» заявил о том, что отношения между берегами пролива – это «особые отношения между двумя государствами». В 2007 г. из публикаций «Викиликс» стало известно, что накануне этого заявления Ли получил разведывательную информацию о том, что председатель КНР Цзян Цзэминь планирует вскоре в одностороннем порядке объявить о достижении с Тайванем договоренности по вопросам воссоединения. Ли срочно сделал заявление об «отношениях между двумя государствами», чтобы в превентивном порядке сорвать заявление Цзяна.

Китайская сторона немедленно заявила о том, что эта «концепция двух государств» полностью противоречит «принципу одного Китая».

В конце апреля 2000 г., после того как Чэнь Шуйбянь был избран «президентом» Тайваня, Су Ци – председатель Комитета по работе с континентом «правительства» Тайваня – впервые предложил использовать термин «консенсус-92» (九二共识). Это было сделано для того, чтобы замаскировать разногласия между Тайванем и континентом по вопросу об интерпретации «принципа одного Китая». Такое предложение было особенно актуальным на фоне «сепаратистских» наклонностей Чэнь Шуйбяня. Представители КНР подчеркивали в то время, что восстановление переговоров и контактов между «двумя берегами пролива» возможно только в случае, если новый тайваньский «президент» заявит о своей приверженности договоренностям, достигнутым в конце 1992 г.

В начале ноября 2001 г. Чэнь Шуйбянь заявил о том, что вообще не признает того, что в конце 1992 г. в Гонконге были достигнуты какие бы то ни были договоренности относительно «одного Китая».

В период правления Чэнь Шуйбяня Гоминьдан превратился в оппозиционную партию. В 2005 г. председатель этой партии Лянь Чжань нанес визит в КНР. В текст коммюнике по итогам его встречи с генеральным секретарем ЦК КПК Ху Цзиньтао был включен термин «консенсус-92». С этих пор данный термин стал регулярно употребляться в официальных документах КНР и тайваньского Гоминьдана.

Следующим после «сепаратиста» Чэнь Шуйбяня «президентом» Тайваня в 2008 г. был избран представитель партии Гоминьдан Ма Инцзю. Он признавал «консенсус-92» как руководство к действию и трактовал его следующим образом: «оба берега Тайваньского пролива придерживаются принципа одного Китая, а его содержание каждая из сторон может в устной форме излагать по-своему. Как видим, здесь Ма Инцзю полностью повторил тайваньскую интерпретацию «консенсуса-92». Если бы это было сделано Ли Дэнхуэем или Чэнь Шуйбянем, то немедленно встретило бы самую жесткую отповедь со стороны Пекина. Применительно к Ма Инцзю «континентальный Китай» занял совсем иную позицию.

Для КНР главным было то, что 10 октября 2013 г. Ма Инцзю заявил: «Народ по обе стороны Пролива равным образом принадлежит к китайской нации, отношения между берегами пролива не являются международными отношениями» Такой подход к «консенсусу-92» и ориентированность Ма Инцзю на практическое взаимодействие с КНР позволили Пекину «прощать», не придавать особого значения некоторым взглядам тайваньского «президента», которые явно шли вразрез с позицией КНР – например с тезисом Ма Инцзю о том, что государственные образования по берегам пролива смогут сосуществовать и сотрудничать, если *«не станут взаимно признавать суверенитет друг друга и не будут отрицать право друг друга на управление (имеющимися у них. – С.Г.) территориями»* (互不承认主权, 互不否认治权). То же самое относится и к определению, данному Ма Инцзю нынешнему состоянию статус-кво: «отсутствие объединения, отсутствие независимости, отсутствие войны» (不统, 不獨, 不武).

Следующий после Ма Инцзю «президент» Тайваня, госпожа Цай Инвэнь, первоначально признавала, что «консенсус-92» является историческим фактом, однако отказывалась признавать его в качестве руководства в практической политике. Во время своего второго «президентского» срока она пошла еще дальше и в октябре 2021 г. сформулировала «четыре непреложных принципа» (四个坚持).

1. Вечно и непреложно придерживаться свободного и демократического конституционного устройства. 2. Непреложно придерживаться того, что Китайская Народная Республика и «Китайская Республика» не подчиняются друг другу. 3. Непреложно придерживаться того, что суверенитет не может быть ущемлен или поглощен. 4. Непреложно придерживаться того, что перспективы «Китайской Республики» на Тайване должны определяться волей тайваньского народа.

В КНР эта позиция была оценена как сугубо деструктивная и всецело противоречащая «принципу одного Китая».

Через месяц после этого выступления Цай Инвэнь в Китае был опубликован чрезвычайно важный для Си Цзиньпина документ – «Решение по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии» (关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议). Понятие «консенсус-92» было впервые включено в этот документ и таким образом стало частью официальной политики КНР на самом высоком уровне.

Библиографический список

Кашин В. Тайваньский вопрос: «один Китай» не может ждать вечно // Клуб Валдай. 31.08.2022. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tayvanskiy-vopros-odin-kitay/?sphrase_id=533114 (дата обращения: 30.06.2024).

Киреев Г.В. Россия – Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М.: РОССПЭН, 2006. 416 с.

References

Kashin V. Tayvan'skiy vopros: «odin Kitay» ne mozhет zhdat' vechno [Taiwan question: "One China" cannot wait forever]. Klub Valday. 31.08.2022. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tayvanskiy-vopros-odin-kitay/?sphrase_id=533114 (accessed: 30.06.2024).

Kireyev G.V. Rossiya – Kitay. Neizvestnyye stranitsy pogranichnykh peregovorov [Russia – China. Unknown pages of border negotiations]. M.: ROSSPEN, 2006. 416 p.

* * *

“5.20” hou xiang yu dalu hudong? Lai Qingde xian yao zhi “taidu” xinbing. “5.20”后想与大陆互动? 赖清德先要治“台独”心病 [After the inauguration on May 20, does he think about interacting with the mainland? Lai Qingde should first cure the mental illness that is “Taiwan independence”]. Taiwan.cn. 29.03.2024. URL: (http://www.taiwan.cn/plzhx/plyzl/202403/t20240329_12609420.htm (accessed: 30.06.2024)). (In Chinese).

Cancian M.F., Cancian M., Heginbotham E. (2023). The First Battle of the Next War. Wargaming a Chinese Invasion of Taiwan. A Report of the CSIS International Security Program. Washington, D.C., CSIS. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/230109_Cancian_FirstBattle_NextWar.pdf (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Chang G. (2023). China is going to war. Encounter Broadside. № 69. New York, Encounter Books, 2023. 56 p.

Chen P., Kastner S., Reed W. (2017). 12. A Farewell to Arms? US Security Relations with Taiwan and the Prospects for Stability in the Taiwan Strait. L. Dittmer (ed.). Taiwan and China: Fitful Embrace. Berkeley, University of California Press. Pp. 221–238.

Dalu jiu Taihai hua xia hongxian, Lai Qingde cheng jiang lixing duidai liang'an guanxi, bu hui taidu 大陆就台海划下红线, 赖清德称将理性对待两岸关系, 不会“台独” [Mainland China has drawn a red line in the Taiwan Strait, Lai Qingde says he will take a reasonable approach to relations between the two sides of the strait and will not go for “Taiwan independence”]. Sohu.com. 27.04.2024. URL: https://www.sohu.com/a/774425333_121450515 (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Dlackwill R.D., Zelikov P. (2021). The United States, China and Taiwan: A Strategy to Prevent War. Council on Foreign Relations. Pp. 30–40. URL: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/the-united-states-china-and-taiwan-a-strategy-to-prevent-war.pdf (accessed: 30.06.2024).

Fu Gaoyi 傅高义 Ezra F. Vogel (2013). 邓小平时代 [The Deng Xiaoping Era]. Shenghuo dushu xin-zhi sanlian shudian 生活·读书·新知三联书店 [The association of three publishing houses – “Life”, “Reading books” and “New Knowledge”]. 754 p.

Gompert D.C., Cevallos A.S., Garafola C.L. (2016). War with China. Thinking Through the Unthinkable. RAND Corporation, Santa Monica, California. Pp. 41–47.

Guandian toushu: ke P yiwu xin guandian shi liang'an jiangju de wan ling dan? 觀點投書: 柯 P 「一五新觀點」是兩岸僵局的萬靈丹? [Petition with a Viewpoint: Is Mr. Ke's 'New Viewpoint on 'One' and 'Five' an Almighty Elixir to Break the Deadlock in Cross-Strait Relations?]. 风传媒 [Storm Media]. 08.05.2018. URL: <https://www.storm.mg/article/472971> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Guowuyuan tai ban xinwen fabu hui jilu 国务院台办新闻发布会辑录 [Excerpts from the press conference of the Taiwan Affairs Office of the State Council]. Taiwan Affairs Office of the State Council. 26.04.2024. URL: http://www.gwytb.gov.cn/m/speech/202406/t20240626_12630835.htm (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Jiang Yi-huah (2017). “2. Taiwan's National Identity and Cross-Strait Relations”. Taiwan and China: Fitful Embrace, ed. by Lowell Dittmer, Berkeley, University of California Press.

“Jiu er gong shi” mian mian guan – qinlizhe de jiangshu “九二共识”面面观 — 亲历者的讲述 [A look at “Consensus 92” from different sides – descriptions made by direct participants in the events]. Taiwan Work Office of Beijing Municipal Committee of the Communist Party of China. Taiwan Affairs Office of Beijing Municipal People's Government]. 25.12.2020. URL: <https://www.bjstb.gov.cn/bjtb/jtfc/qwsl/jegs/1283646/index.html> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Jiu er gong shi you lai 九二共识由来 [How the “Consensus 92” came about]. University of Electronic Technologies. United Front. URL: <https://tz.uestc.edu.cn/info/1022/1364.htm> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Kaichuang zhonghua minzu de xin shidai. Zhonghua Minguo di ba ren zongtong jiuzhi yanshuo. Zongtong Li Denghui 开创中华民族的新时代。中华民国第八任总统就职演说。总统李登辉 [Opening

a New Era for the Chinese Nation. Inaugural Address of the Eighth President of the Republic of China. President Lee Teng-hui]. 1990. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/中華民國第八任總統就職演說> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Ke Wenzhe zhi lu mei duanzhang quyì, ti yiwu xin guandian 柯文哲指陆媒断章取义，提一五新观点 [Ke Wenzhe Points Out Mainland Media Quoting Him Out of Context, Puts Forward 'New View on 'One' and 'Five']. 中央社，台北 [Central News Agency, Taipei]. 31.03.2015. URL: <https://www.cna.com.tw/news/firstnews/201503310145.aspx> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese)

Lai Qingde liang'an renshi renming "huan tang bu huan yao" 赖清德两岸人事任命“换汤不换药” [Lai Qingde's personnel appointments on issues (of contacts) between the two banks are "a change in form without changing the essence"]. Takungpao. com. 26.04.2024. URL: <https://www.takungpao.com/news/232110/2024/0426/965658.html> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Lai Qingde zongtong jiu zhi yanshuo: Dazao minzhu heping fanrong de xin taiwan (quanwen) 赖清德总统就职演说：打造民主和平繁荣的新台湾(全文) [President Lai Ching-te's inaugural speech: Building a new Taiwan of democracy, peace and prosperity (full text)]. 20.05.2024. URL: <https://www.sef.org.tw/article-2-14-14966> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Lu xuezhe: Chufei laiqingde fengle, fouze bu hui chu peng yi zhong dixian 陆学者：除非赖清德疯了，否则不会触碰一中底线 [Mainland Chinese Scholar: If Lai Qingde Isn't Crazy, He Won't Cross One China's Red Line]. 经济日报（台北） [Economic Daily News (Taipei)]. URL: <https://money.udn.com/money/story/5603/78057050> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Military Power of the People's Republic of China. Washington, 2006. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/citations/ADA449718> (accessed: 30.06.2024).

Pouxì Ke Wenzhe "yi wu xin guandian" 剖析柯文哲“一五新观点” [Analyzing the New Viewpoint on "One" and "Five" Put Forward by Ke Wenzhe]. National Policy Foundation. 28.04.2015. URL: <https://www.npf.org.tw/3/14965> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Roy D. (2021). Rumors of the War in the Taiwan Strait. The Diplomat. 20.03.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/rumors-of-war-in-the-taiwan-strait/> (accessed: 30.06.2024).

Ruqi shixian jian jun yibai nian fendou mubiao 如期实现建军一百年奋斗目标 [Achieve the goal of the 100th anniversary of the founding of the army as scheduled]. Guofang daxue Xi Jinping xin shidai zhongguo tese shehui zhuyi sixiang yanjiu zhongxin 国防大学习近平新时代中国特色社会主义思想研究中心 [National Defense University Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era Research Center]. URL: <https://www.12371.cn/2023/04/03/ARTI1680514567486110.shtml> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Saunders P.C., Wuthnow J. (2022). Crossing the Strait: PLA Modernization and Taiwan. In Crossing the Strait. China's Military Prepares for War with Taiwan. Ed. by Wuthnow J. et al. Washington, D.C., National Defence University Press. Pp. 1–34.

Shambaugh D. (2000). A Matter of Time: Taiwan's Eroding Military Advantage. The Washington Quarterly. March 1. Pp. 119–133.

Shelbourne M. (2021). Davidson: China could Try to Take Control of Taiwan In "Next Six Years". USNI News. 09.03.2021. URL: <https://news.usni.org/2021/03/09/davidson-china-could-try-to-take-control-of-taiwan-in-next-six-years> (accessed: 30.06.2024).

Statement of Admiral Philip S. Davidson, US Navy commander, US Indo-Pacific Command before the Senate Armed Services Committee on US Indo-Pacific command posture 09.03.2021. URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Davidson_03-09-21.pdf (accessed: 30.06.2024).

The Global Economic Disruption from a Taiwan Conflict. Rhodium Group. 12.12.2022. URL: <https://rhg.com/research/taiwan-economic-disruptions/> (accessed: 30.06.2024).

The real reasons for Taiwan's weapons backlog – and how to help fill it. War on the Rocks. 13.01.2023. URL: <https://warontherocks.com/2023/01/the-real-reasons-for-taiwans-arms-backlog-and-how-to-help-fill-it/> (accessed: 30.06.2024).

Tung Chen-Yuan, Chen Shuo-Ting (2004). 童振源，陳碩廷. 九二共識的形成，實踐與瓦解 [The Formation, Implementation and Dissolution of the "Consensus 92"]. 展望與探索 [Prospects and Research]. No. 2(12). Pp. 33–46.

Understanding Beijing's motives regarding Taiwan, and America's role. Brookings. 30.03.2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/understanding-beijings-motives-regarding-taiwan-and-americas-role/> (accessed: 30.06.2024).

Zai Lai Qingde shang tai qian, dalu qiangxian yibu chouhua lian chu 2 zhao, min jin dang faxian dashi bu miao 在赖清德上台前，大陆抢先一步筹划连出 2 招，民进党发现大事不妙 [Before Lai Qingde came to power, the mainland took the lead and planned two moves in a row. The DPP discovered that something was seriously wrong]. 163. com. URL: www.163.com/dy/article/J06UL67B05567K46.html (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Zhiyue Lai Qingde jijin liang'an luxian zhi jiegou yinsu 制约赖清德激进两岸路线之结构因素 [Structural Factors Restraining Lai Qingde's Radical Policy on Cross-Strait Contacts]. Huaxia.com. 31.01.2024. URL: <https://www.huaxia.com/c/2024/01/31/1877402.shtml> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Zhongghua Minguo di shisan ren zongtong jiuzhi yanshuo. Zongtong Ma Yingjiu 中华民国第十三任总统就职演说。总统马英九 [Inaugural Speech of the 13th President of the Republic of China. President Ma Ying-jeou]. Zongtong fu gongbao di 7033 总统府公报第 7033 [Presidential Office Communiqué No. 7033]. 20.05.2012. (In Chinese).

Zhonghua Minguo di 14 ren zongtong cai yingwen nushi jiuzhi yanshuo 中华民国第 14 任总统蔡英文女士就职演说 [Inaugural Speech of the Fourteenth President of the "Republic of China" Ms. Tsai Ing-wen]. Zongtong liang'an zhengce tanhua 总统两岸政策谈话 [Speeches by the "president" on cross-strait policy]. 20.05.2016. (In Chinese).

Zongtong jiuzhi yanshuo, Zhonghua Minguo 85 nian 05 nian 05 yue 19 ri 总统就职演说，中华民国 85 年 05 月 19 日 [The President's Inaugural Address, May 19, 1996]. Zongtong fu, xinwen yu huodong 总统府，新闻与活动 [Office of the President, Press Releases and Events]. URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/22070> (accessed: 30.06.2024). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 19.09.2024. Received: 19 September 2024.

Принята к публикации: 11.10.2024 Accepted: 11 October 2024.

А.Н. Карнеев, В.Б. Кашин

Опыт преодоления кризиса в Китае в первые годы после создания Китайской Народной Республики

Аннотация: На рубеже 1940-х и 1950-х годов Китай переживал острейший социально-экономический кризис, связанный с большим количеством факторов, часть из которых уходили корнями еще в имперский период истории Китая, и обусловивших крах Китайской Республики и победу новой «красной династии» в лице КПК. Достаточно неожиданным было достаточно быстрое и эффективное решение значительной части проблем, которые новая власть в кратчайший период взяла под контроль. В данной статье этот опыт рассматривается через призму многочисленных современных рассуждений и дискуссий в экспертной среде относительно способности КПК успешно находить ответы на современные вызовы и относительно перспектив дальнейшего развития Китая. Также взгляд в эпоху рождения нового государства актуален сегодня в контексте отмечаемого в 2024 г. 75-летия КНР.

Ключевые слова: образование КНР, кризис, инфляция, стабилизация финансов, подавление контрреволюции, технологии социального контроля.

Авторы: *Карнеев Андрей Ниязович*, кандидат исторических наук, руководитель Школы востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: akarnee@hse.ru; *Кашин Василий Борисович*, кандидат политических наук, директор Центра комплексных европейских и международных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент Факультета мировой политики и мировой экономики НИУ ВШЭ. E-mail: vkashin@hse.ru

А·Н·卡尔涅耶夫, В·Б·卡申

中华人民共和国在其成立后最初几年克服危机的经验

摘要: 20 世纪 40-50 年代之交, 中国正在经历一场严重的社会经济危机, 其原因是多方面的, 其中一些根源于中国历史上的帝制时期, 还包括了导致中华民国崩溃和中共领导的新“红色王朝”胜利的因素。出乎意料的是, 新政权在最短的时间内就控制了大部分问题, 并将其相当迅速和有效的解决。本文通过专家界众多现代争论和讨论的角度研究了这一经验, 探讨了中国共产党成功应对现代挑战的能力以及中国进一步发展的前景。此外, 在 2024 年庆祝中华人民共和国成立 75 周年的背景下, 审视一个新国家诞生的时代也具有现实意义。

关键词：中华人民共和国成立；危机；通货膨胀；稳定金融；镇压反革命；社会管控技术。

作者：安德烈·尼亚佐维奇·卡尔涅耶夫，历史学副博士，国家研究型高等经济大学东方学院院长，教授，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所首席研究员。E-mail: akarneevev@hse.ru；瓦西里·鲍里索维奇·卡申，政治学副博士，国家研究型高等经济大学欧洲与国际问题综合研究中心主任，国家研究型高等经济大学世界经济与世界经济政治系副教授。E-mail: vkashin@hse.ru

Andrei N. Karneev, Vasily B. Kashin

China's Crisis Management in the Initial Years following the Establishment of the People's Republic of China

Abstract: At the turn of the 1940s and 1950s, China was in the midst of an acute socio-economic crisis stemming from numerous factors, some rooted in the imperial period of Chinese history. These challenges contributed to the collapse of the Republic of China and the victory of the new “red dynasty” represented by the Communist Party of China (CPC). Rather unexpectedly, the new government managed to address and effectively resolve a significant portion of these issues in a short time. This article examines that experience through the prism of contemporary discussions and debates within the expert community regarding the CPC's ability to tackle modern challenges and the prospects for China's future development. Additionally, revisiting the era of the new state's formation is particularly relevant in the context of the PRC's 75th anniversary celebrated in 2024.

Keywords: establishment of the PRC, crisis, inflation, financial stabilization, suppression of counterrevolution, technologies of social control.

Authors: *Karneev Andrei N.*, Candidate of Sciences (History), Head of School of Oriental Studies, Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, Higher School of Economics, Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: akarneevev@hse.ru; *Kashin Vasily B.*, Candidate of Sciences (Politics), Director, Center for Complex European and International Studies, Higher School of Economics. E-mail: vkashin@hse.ru

Социально-экономическое развитие Китая всегда было одной из приоритетных тем международной аналитики, но в последние годы на фоне обострения отношений КНР и США хорошим тоном в западных англоязычных публикациях стали негативные прогнозы в духе предсказания «конца китайского чуда» – от серьезного финансового кризиса вплоть до экономического коллапса. Так, накануне важного для определения дальнейшей стратегии развития китайской экономики 3-го пленума 20-го созыва (15–18 июля 2024 г.), журнал «The Economist» предсказывал, что с учетом слабого внутреннего спроса и растущего протекционизма на Западе, обвала на рынке недви-

жимости в мае текущего года и других стоящих перед страной проблем команде Си Цзиньпина вряд ли удастся внушить внутренним и зарубежным инвесторам необходимую уверенность в перспективах роста [A pivotal moment for China's...]. Однако несмотря на все трудности, перспективы продолжения торговой войны с США после выборов в США, беспрецедентные стихийные бедствия (ливни и наводнения в южных провинциях КНР), проблемы в фискальной и финансовой сфере [Why Chinese banks...], не следует недооценивать способность китайского правительства к адекватной оценке ситуации и эффективному применению широкого арсенала средств макроэкономического регулирования. Сегодня, в год 75-летия КНР, полезно посмотреть на некоторые сегодняшние проблемы через призму исторического опыта правящей в стране КПК.

Успешный опыт преодоления глубокого политического и социально-экономического кризиса, в котором находился Китай в конце гражданской войны между коммунистами и националистами, консолидации власти в огромной стране новым режимом представляет значительный интерес в ряду других примеров выхода крупных стран из серьезных социально-политических потрясений. Новая власть, провозглашенная в Китае в 1949 г., смогла в исторически кратчайший срок стабилизировать экономику и финансы, подавить вышедшую из-под контроля инфляцию, создать эффективный механизм политического регулирования и контроля за социумом, провести аграрную реформу, и все это на фоне начавшейся в середине 1950 г. Корейской войны. В то же время целый ряд аспектов этого опыта продолжают вызывать дискуссии в среде специалистов, а опыт финансово-экономической стабилизации первых лет КНР сравнивают с более поздними периодами применения антикризисных мер.

На рубеже создания КНР Китай находился в состоянии глубокой разрухи после восьми лет Антияпонской войны (1937–1945) и четырех лет гражданской войны (1946–1949), свирепствовала инфляция, на правительство легло тяжелейшее бремя разнообразных острых проблем. Согласно статистическим данным, в 1949 г. по сравнению с довоенным уровнем (то есть уровнем 1936 г.) промышленное производство сократилось наполовину, причем тяжелая промышленность упала на 70%, легкая – на 30%. Подушевой доход составлял всего 27 долл. США. Дефицит бюджета составлял 46,5 % от объема расходной части бюджета. Если из статистики по всему Китаю вычесть китайский Северо-Восток, то дефицит составлял уже 65,9 % [Wen Tiejun, 2019]. Фактически, на каждый юань расходной части бюджета в Китае за вычетом Дунбэй¹ только одна треть была покрыта доходной частью, а оставшиеся две трети – эмиссией. С декабря 1948 г., когда новая власть стала выпускать «народные деньги» (*жэньминь би*), до февраля 1950 г. эмиссия выросла в 270 раз. В целом с апреля 1949 г. по февраль 1950 г. произошли четыре масштабных вспышки инфляции [Liu Fengbo, Han Dandan, 2019].

Восстановление экономического благополучия требовало сотрудничества со стороны предпринимательского класса, поэтому новые власти дали понять населению, что они не намереваются немедленно осуществлять социализм, за который партия боролась с самого момента основания КПК [Chen Yongfa, 2001, pp. 484–485].

¹ Дунбэй – Северо-Восток Китая.

1 октября 1949 г. в Пекине на площади Тяньаньмэнь в присутствии 300 тыс. человек состоялась историческая церемония провозглашения нового государства.

Одновременно с установлением власти КПК в материковой части страны происходило перемещение руководства и огромного количества военных и гражданских функционеров (почти 2 млн человек) гоминьдановского правительства на Тайвань. В условиях островного существования режим Чан Кайши при поддержке и защите со стороны США приступил к новой попытке реализации «трех народных принципов» доктора Сунь Ятсена.

Дипломатическое положение КНР характеризовалось конфронтационными отношениями со странами западного мира, что обуславливалось обстоятельствами еще не полностью завершившейся гражданской войны. С другой стороны, сразу после провозглашения КНР последовало признание со стороны СССР и других социалистических стран, от которых можно было ожидать помощи. Заключение советско-китайского договора о дружбе 14 февраля 1950 г. было важной вехой в становлении нового этапа советско-китайских отношений, приобретших характер военно-политического союза, базировавшегося на единой идеологической основе. Китайское руководство также рассчитывало на поддержку других в прошлом угнетенных и зависимых стран, однако в 1949 г. количество освободившихся стран было еще невелико, да и само понятие «страны третьего мира» появилось позднее, в 60-е годы.

В последние месяцы существования режима Чан Кайши в стране нарастал в обстановке гражданской войны системный хаос: галолирующая инфляция, повсеместная безработица в городах, открытая коррупция в бюрократических структурах, паралич административной системы, реальная угроза голода в различных провинциях.

В сфере сельского хозяйства в 1949 г. объем продукции животноводства упал по сравнению с довоенным уровнем на одну треть, серьезно сократился объем занятой в хозяйствах рабочей силы. Стихийными бедствиями были затронуты 127 млрд му², что составляло 8,7% всех пахотных площадей в стране. Падение промышленного производства, которое было значительнее чем падение производства в сельском хозяйстве, обострило проблему «ножниц цен» между продукцией города и деревни. Гоминьдановское правительство успело также переместить в Гонконг значительную часть оборудования госпредприятий и монополий, вывезло на Тайвань практически весь золотой запас государства (было вывезено 2,7 млн лянов³ золота, 15,2 млн серебряных юаней) [Wen Tiejun, 2019]. Наконец, многие прибрежные провинции были фактически блокированы возможными нападениями гоминьдановских сил и не могли осуществлять в нормальном режиме экспортно-импортные операции.

В силу того, что денежная эмиссия, которую осуществляли коммунисты в «освобожденных районах» (то есть еще до полной победы над Гоминьданом), не была обеспечена производством соответствующего количества товаров, стремительно росли цены на многие товары. С декабря 1948 г. по декабрь 1949 г. оптовые цены в Пекине и 13 других городах выросли в 73,4 раза.

Руководство КПК со всей серьезностью подошло к необходимости срочных мер по восстановлению управляемости экономики и денежной системы. Для координа-

---

² Му – единица измерения площади, равняется 0,06 га.

³ Лян – единица веса, около 50 г.

ции соответствующей работы была создана Центральная финансово-экономическая комиссия во главе с известным деятелем КПК Чэнь Юнем. До этого все доходы и поступления администрировали местные правительства, теперь появилась возможность централизации.

С целью сбалансировать финансовую систему новые власти сосредоточили усилия на том, чтобы упорядочить денежно-кредитную систему, бороться за стабильность «народных денег», сократить расходы местных правительств, увеличить финансовые поступления. Было необходимо увеличить объемы производства в сельском хозяйстве, торговле, производстве кустарных и промышленных товаров, а также наладить необходимую логистику (транспорт, дороги, пункты хранения и т.д.). Власти оперативно создали крупные торговые корпорации, принадлежавшие государству, которые стали вести бизнес наряду с частными предприятиями, конкурируя с ними. В промышленности и на транспорте позиции госсектора были сильнее за счет того, что огосударствление экономики активно происходило еще при правительстве Гоминьдана, особенно в годы Второй мировой войны (около трети промышленных предприятий в той или иной мере были огосударствлены еще при Гоминьдане).

Перед тем как в стране утвердилась новая денежная единица (народные юани – *жэньминьби*), денежная система характеризовалась хождением разнообразных платежных средств: серебряного юаня, двугривенной монеты (*шунхао*), медной монеты, «золотого юаня» (золотого ваучера), «серебряного ваучера», мексиканского доллара (*даян*), американского доллара и другой иностранной валюты [Zhonghua renmin gongheguo shigao, 2012, vol. 1, p. 64]. Введение новой денежной единицы было далеко не простым делом, оно столкнулось с противодействием собственнической части населения, лиц, связанных с денежными операциями, а также с недоверием простых граждан к новым деньгам.

С тем чтобы одержать победу в «битве за народный юань», власти предприняли целый комплекс мер: По мере занятия НОАК тех или иных территорий производился обмен старых денег на новые, причем чем сильнее становились позиции новой власти, тем меньше можно было получить за старые деньги и тем короче давался срок на такой обмен. С момента занятия территорий новой властью уплата налогов, расчет цен на товары, кредитные операции было предписано осуществлять исключительно в *жэньминьби*, старые денежные единицы объявлялись незаконными. Также были поставлены под запрет обращение золота, серебра (в том числе в виде монет) и иностранной валюты. Чтобы обеспечить запреты, власти организовывали постоянные рейды и проверки. Наиболее острой борьба была в Шанхае, где в июне 1949 г. серебряный юань все еще оставался главным инструментом денежного обращения. Ответом на эту ситуацию стали силовые меры, аресты крупнейших «спекулянтов» и конфискация их собственности. Например, только в один день 10 июня 1949 г. в здании фондовой биржи в одном из районов Шанхая было арестовано 238 чел. Еще одной мерой была борьба против подпольных ломбардов и меняльных лавок, практиковавших ростовщические операции. Наконец, одной из необходимых мер стало устранение региональных и местных денежных единиц, ходивших в тех или иных регионах страны. Например, таковыми являлись «чжунчжоуская монета», «монета южного Хэбэя», «бэйянская монета», «монета Центрального Китая», а также денежные единицы различных «освобожденных районов».

Вскоре после так называемой «битвы за народный юань», ведшейся в основном административными и силовыми методами (запреты, аресты, конфискации имущества и т.д.), последовала еще одна кампания – «битва за рис и хлопок» (то есть за наиболее популярные товары повседневного спроса). Помимо борьбы за стабильность новой денежной единицы, власти столкнулись с проблемой бесконтрольного роста цен на многие товары. Как было отмечено выше, одной из главных причин было недостаточное предложение соответствующих товаров в силу хозяйственной разрухи, несовершенства транспортной логистики, отсталых технологий и т.д. Кроме того, дефицит бюджета новой власти можно было восполнять в основном печатанием денег. В описании «битвы за рис и хлопок» китайские авторы подчеркивают еще и то, что против действий властей по наведению порядка и финансовой стабильности выступил спекулятивный капитал, который, «обломав себе зубы» на финансовых спекуляциях, теперь попытался заработать на резком росте стоимости продовольствия, тканей, спичек, угля и т.д. Отмечается, что спекулянты Шанхая, Пекина, Тяньцзиня и ряда других крупных городов страны были в состоянии даже координировать свои действия, запасая товары, не только блокируя их реализацию, но еще и скупая с рынка то, что было доступно, создавая тем самым искусственную нехватку наиболее важных видов потребительских товаров, панику среди потребителей и ажиотажный спрос [Zhonghua renmin gongheguo shigao, 2012, vol. 1, p. 68]. Поддерживались эти действия, по всей видимости, и гоминьдановским подпольем, так как враги новой власти рассчитывали на то, что в сфере экономики и финансов КПК не имеет большого опыта, и экономический хаос может привести ее к краху.

Понимая, что ситуация крайне серьезная, руководители КПК, включая Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Чэнь Юня, Бо Ибо и др., решились на крупную операцию, которая должна была обеспечить победу в «битве за рис и хлопок». Конкретно ситуацией руководила уже упоминавшаяся Центральная финансово-экономическая комиссия. Поскольку крупнейшим экономическим центром страны был Шанхай, где определялись оптовые цены на большинство товаров, важнейшей задачей было сконцентрировать в Восточном Китае необходимые ресурсы и затем, выждав благоприятный момент, выбросить на рынок большой объем товарной массы, нанеся таким образом «уничтожающий удар» по спекулятивному капиталу. С конца июля по 15 августа 1949 г. Чэнь Юнь провел целую серию совещаний с руководящими работниками Восточного, Северного, Центрального, Северо-Восточного и Северо-Западного Китая. В ходе этих совещаний было заявлено, что для того, чтобы полностью овладеть обстановкой в Шанхае и стабилизировать цены по всей стране, необходимо решить проблему «двух белых и одного черного» («два белых» – это рис и хлопок, а «черный» – уголь). Из этих трех товаров ключевыми были рис и хлопчатобумажная ткань. Первое было базовым продуктом питания, второе – важнейшим материалом для изготовления одежды, то есть двумя базовыми потребностями населения. От цен на эти два товара зависели цены на многие остальные товары. Вот почему события того периода времени вошли в историю как «битва за рис и хлопок».

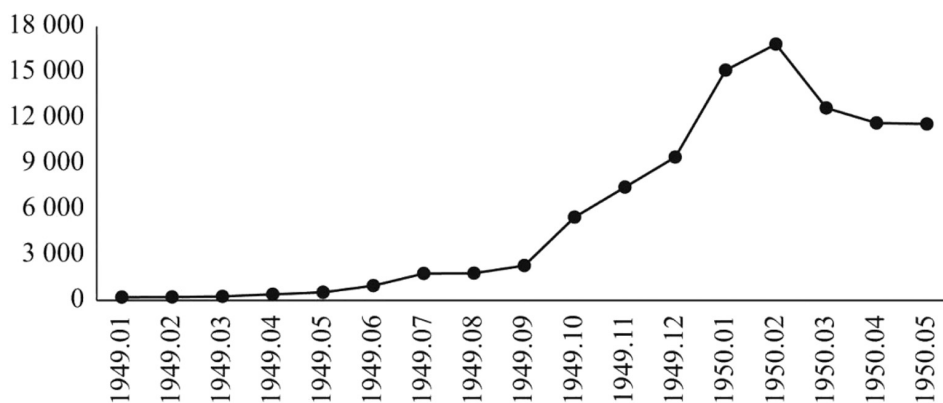
Центральное правительство смогло в целом провести подготовку к операции втайне. С 15 по 30 ноября 1949 г. из Северо-Восточного Китая было перебросено 10 млн т зерна, из провинций Центрального Китая в Восточный Китай транспортиро-

вали большие объемы хлопка, в Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Ухани, Гуанчжоу, Сиани, Нанкине и других крупных городах были созданы крупные запасы продовольствия, хлопка, тканей, масла и т.д. 25 ноября, когда цены на товары первой необходимости достигли очередного пика, по сигналу из Пекина по всей стране одновременно на рынок было выброшено большое количество товарной продукции, что оказалось полной неожиданностью для спекулянтов, игравших на повышение цен. Начиная с 26 ноября цены начали падать. После десяти дней падения многие предприниматели, создавшие спекулятивные запасы товаров первой необходимости, поняли, что надо выходить из длинных позиций, но в силу перенасыщения рынка это было сделать крайне затруднительно. К тому же многие запасали товары на ссудные деньги под ростовщические проценты. Большое количество спекулянтов в результате серьезно пострадали, разорилось значительное число меняльных лавок и ссудных домов. Чтобы не дать спекулятивному капиталу перевести дух и перегруппироваться, были приняты дополнительные меры, такие как запрет государственным предприятиям кредитовать частные предприятия и банки, усиление строгости при взимании налогов и т.д. [Zhonghua renmin gongheguo shigao, 2012, vol. 1, pp. 69–70].

Считается, что «битва за рис и хлопок» стала в психологическом смысле переломным моментом в консолидации власти КПК в экономической сфере, а Мао Цзэдун даже сравнил эту схватку с Хуайхайской битвой⁴.

Индекс общекитайских оптовых цен с января 1949 по июнь 1950 г.

Источник: [Wen Tiejun et al., 2019].

Еще одним направлением работы по стабилизации финансово-экономического положения стал банковский сектор. В условиях высоких показателей инфляции одним из способов уменьшения скорости оборота денег было предложение населению банковских депозитов, которые не обесценивались бы в связи с ростом цен. В противном случае вкладчики стремились бы как можно скорее забрать свои депозиты

⁴ Хуайхайская битва – одно из трех решающих сражений гражданской войны между Гоминьданом и КПК в 1948 г.

для того, чтобы приобрести товары. В апреле (по другим данным – в июне) 1949 г. такую систему (折实储蓄) ввел Народный Банк Китая, при том, что депозиты индексировались, будучи «привязанными» к стоимости корзины из нескольких базовых предметов потребления. Сначала определялось соотношение и количество товаров, составляющих «единицу пересчета на твердые цены» (折实单位), куда, как правило входили рис, лапша, (пищевое) масло, соль, уголь, ткань и др. Индексация производилась на ежедневной или еженедельной основе. Все это позволило серьезно нарастить объемы привлекаемых на банковские депозиты средств. Например, в Тяньцзине за один месяц объем банковских депозитов вырос в 20 раз! Этот опыт индексирования банковских депозитов впоследствии был повторен впоследствии в истории КНР, как минимум один раз, в 1988 г., когда в Китае отмечался резкий всплеск инфляции.

Политика индексации была также использована применительно к зарплатам работников бюджетной сферы. Рассчитывалась корзина потребительских товаров, которая представляла собой месячную норму потребления в той или иной провинции. После расчета физического объема зерна, масла, ткани, соли и угля, необходимого для потребления одного человека, сумма ежемесячной зарплаты высчитывалась как количество денег, необходимых для покупки этого количества товаров.

Народный банк также старался гибко использовать процентную ставку для регулирования финансовой сферы, поднимая ставку при росте цен и опуская при их снижении. Использование индексированных на «товарные юани» депозитов достигло своего пика в феврале 1950 г., а после стабилизации ситуации с инфляцией (март 1950 г.) банки постепенно стали возвращаться к нормальным депозитам в национальной валюте.

Несмотря на очевидную эффективность перечисленных выше мер, вплоть до весны 1950 г. важным обстоятельством, мешавшим окончательной победе над инфляцией, был огромный дефицит бюджета (более 40% всех государственных расходов в первой половине 1950 г.). Одним из механизмов финансирования этого дефицита был выпуск (так же индексированных на основе привязки к стоимости отдельных потребительских товаров) государственных облигаций (с января 1950 г.). Некоторые специалисты полагают, что более половины объема дефицита бюджета в тот период покрывалось продажей гособлигаций, в основном приобретаемых частными предприятиями. К марту 1950 г. удалось достичь стабилизации цен на основные товары, при этом произошло это еще в условиях очень значительного бюджетного дефицита. В исследовательской литературе высказываются мнения, что успех в таких условиях можно объяснить ролью государственных торговых компаний, сумевших через механизмы прямых закупок у производителей (по, возможно, заниженным ценам) и по каналам налогообложения мобилизовать значительные ресурсы, в нужные периоды выбрасывая их на рынок, и таким образом непосредственно влиять на процессы ценообразования [Burdekin R., Wang Fang, 1999].

Таким образом, представляется обоснованным считать, что достигнутая в марте 1950 г. стабилизация цен задолго до того, как была решена проблема сбалансирования бюджета, объясняется комбинацией целого ряда мер, стимулировавших накопление и предотвращавших повышенное потребление и запасание товаров, плюс ролью государственных торговых корпораций, прямо вмешивавшихся в работу рынка.

К концу 1950 г. окончательно удалось взять под контроль инфляцию, обеспечить устойчивость финансовой системы. Столь быстрая стабилизация положения объяснялась, помимо отмеченных выше действий, применением фактически мер чрезвычайного характера, а также тем, что за десятилетия гражданской войны КПК (в отличие от Гоминьдана) сумела стать партией с железной дисциплиной и безусловным подчинением всех уровней указаниям свыше.

Уроки этого периода в основном состоят в следующих нескольких моментах.

- Способность КПК проводить эффективные действия, удачно сочетающие административные, силовые мероприятия с макроэкономическими решениями, стимулирующими накопление, предотвращающими повышенное потребление и запасы товаров, с использованием крупных госпредприятий в сфере торговли.
- В стабилизации цен главную роль сыграли не сжатие денежной массы (и спроса), а меры по стимулированию предложения за счет создания условий для восстановления производства в масштабе всей страны.
- В стабилизации кредитно-денежной сферы основную роль сыграла как «невидимая», так и «видимая рука» китайского государства.
- Впервые за полвека в стране был установлен реально действенный контроль за всей территорией страны, и за десятилетия гражданской войны КПК сумела стать партией, отличающейся высокой дисциплиной своих рядов и безусловным подчинением организаций всех уровней указаниям сверху.

Еще одним элементом борьбы за сбалансированный бюджет стала кампания борьбы «против трех и пяти зол» (в конце 1951 – начале 1952 г.), которая была официально направлена против расточительства и злоупотреблений госаппарата. 1 декабря 1951 г. ЦК КПК принял «Решение об осуществлении сокращения штатов, экономии средств, борьбе против коррупции, расточительности, против бюрократизма». В рамках борьбы против «трех зол» удар наносился против предполагавшегося сговора представителей буржуазии с коррумпированными элементами в госаппарате, в рамках борьбы против «пяти зол» – взяточничества, уклонения от налогов, воровства материалов подрядчиками, расхищения государственной собственности, незаконного использования государственной экономической информации. Эта кампания стала еще одним инструментом овладения государством «командными высотами в экономике». В то же время данные меры также имели значение в плане сокращения разного рода нерациональных трат, оптимизации расходов местных правительств, сокращения штатов и, таким образом, выхода на сбалансированный бюджет.

Земельная реформа была одним из первых серьезных ударов по собственническим группам населения, хотя номинально она преследовала цель перераспределения земли в пользу бедных и беднейших крестьян, не ставя цели огосударствления земельной собственности. Примерно 40% обрабатываемых земель были перераспределены в ходе реформы, по сути, представлявшей из себя еще одну революцию в новейшей истории Китая. К весне 1953 г. около 300 млн крестьян получили землю в результате перераспределения.

В первые годы существования КНР новый режим был вынужден решать сложнейшие задачи, связанные с восстановлением системы государственного управления на занятой территории и противостоянием многочисленным внутренним и внешним врагам. На фоне начавшейся в июне 1950 г. Корейской войны, полноценное вовлечение в которую Китая началось в октябре 1950 г., новые власти должны были иметь дело с периодическими рейдами на свою территорию вооруженных сил Гоминьдана с Тайваня и бороться с весьма многочисленным движением сопротивления, основу которого составляли оставшиеся на материке после поражения части гоминьдановских войск [North Kwantung Column, 1950].

При этом участок сухопутной границы с Бирмой в провинции Юньнань оставался охваченным противопартизанской войной вплоть до 1960-х годов, а отступившие в этот район в конце Гражданской войны части армии Китайской республики неоднократно пытались вторгнуться в провинцию Юньнань и возобновить партизанскую войну на материке. Параллельно перед Коммунистической партией Китая и Народно-Освободительной Армией Китая стояли задачи восстановления экономической деятельности и обеспечения поддержки новой власти со стороны населения. Эти задачи были решены с крайне высокой эффективностью.

Опыт КПК по укреплению своего контроля на вновь занятых территориях в период до 1953 г. представляет практический интерес по двум причинам. Во-первых, эта борьба оказала несомненное влияние на подходы партии к вопросам обеспечения внутренней власти в критических, по сути, катастрофических условиях, действия КПК в этот период представляют собой важный, хотя не всегда применимый по моральным и идеологическим причинам опыт кризисного управления. Они интересны, поскольку демонстрируют границы возможного при проведении жесткой и хорошо продуманной политики по установлению контроля над территорией после захвата политической власти.

Издание Мао Цзэдуном общенациональной директивы о подавлении контрреволюционных движений было приурочено по времени к вступлению Китая в Корейскую войну в октябре 1950 г. 10 октября была издана так называемая «Директива двух десятков», содержащая меры по борьбе с контрреволюционной активностью по всей стране. Причиной того, что такая кампания не была предпринята раньше, являлись, согласно воспоминаниям министра общественной безопасности КНР Ло Жуйцина, сославшегося на самого Мао, слабость государственного аппарата, экономики и финансов в первые месяцы после образования КНР [Yin Shusheng, 2014]. Другими объяснениями для выбора времени проведения кампании было то, что Корейская война отвлекла внимание от внутренних проблем КНР и, одновременно, создала благоприятный фон для массовой мобилизации.

Кампания проводилась на основе масштабного профайлинга для выявления потенциально неблагонадежных лиц с использованием ранее накопленных данных, полученных в ходе регистрации «реакционернов». Местным властям спускались планы по репрессиям и расстрелам. Помимо подозреваемых в реальных «контрреволюционных преступлениях» (имелся перечень таких преступлений, начиная от шпионажа и убийств до распространения слухов), репрессии были направлены против представителей «старого режима», разжигания «недовольство масс» ими с целью дальнейшей массовой мобилизации [Yang Kuisong, 2008].

В результате КПК сумела в короткие сроки подавить сопротивление и упрочить свою власть на материке. Созданная коммунистами система контроля и обеспечения внутренней безопасности позволила укреплять их власть на фоне продолжавшейся войны в Корее и столкновений в Тайваньском проливе. Она обеспечила сохранение власти КПК над страной и в последующем, на фоне катастрофических потрясений, связанных с «большим скачком» и начальной фазой «культурной революции».

Причинами успеха стали успешная мобилизация части населения в поддержку КПК за счет силового перераспределения собственности и показательных расправ над непопулярными фигурами «старого режима» (чиновники, помещики, силовики, представители криминала); масштабный профайлинг с заблаговременным составлением списка потенциальных объектов для репрессий; увязка кампании по подавлению оппозиции с изменениями во внешней политике и на фронте (успехи армии в Корее); координация действий войск, аппарата безопасности, партийного аппарата, сторонников из числа населения; решительность, беспощадность и беспринципность инициаторов репрессий.

Действия КПК в начале 1950-х годов могут выступать в качестве модели, которая может быть избрана некоторыми мировыми игроками в условиях масштабной политической и экономической дестабилизации на фоне современного кризиса.

1 октября 2024 г. Китайской Народной Республике исполнилось 75 лет. Ретроспективный взгляд на период конца 1940-х – начала 1950-х годов, на противоречивую и насыщенную перипетиями эпоху создания современного китайского государства может оказаться весьма полезен для лучшего понимания исторического опыта КПК, для мобилизации человеческого и интеллектуального потенциала в сложных ситуациях, и способен дать определенные практические и аналитические инструменты для реагирования на текущие и будущие вызовы.

References

A pivotal moment for China's Communist Party. Will Xi Jinping keep ignoring good advice at the party's third plenum? *The Economist*. 27.06.2024. URL: <https://www.economist.com/leaders/2024/06/27/a-pivotal-moment-for-chinas-communist-party> (accessed 07.07.2024).

Burdekin R., Wang Fang (1999). A Novel End to the Big Inflation in China in 1950. *Economics of Planning*. No. 32(3) (February). Pp. 211–229.

Chen Yongfa 陳永發 (2001). *Zhongguo gongchan geming qishi nian 中國共產革命七十年* [Seventy years of the communist revolution in China]. In 2 vols. Vol. 1. Taipei, Lianjing chuban shiye gongsi, 1st edition: 1998, 2nd edition: 2001. 1146 p.

Liu Fengbo, Han Dandan 刘峰搏, 韩丹丹 (2019). *Xin zhongguo chengli qianhou de tonghuo pengzhang wenti ji qi zhili 新中国成立前后的通货膨胀问题及其治理* [The Problem of Inflation at the Very Beginning of the New China Period and Its Solution]. *Xingzhi Buluo*. URL: <https://www.xzbu.com/2/view-4326421.htm> (accessed 02.05.2024).

North Kwantung Column of Anti-Communist, Anti-Soviet National Salvation Army (1950). CIA Report. 29.05. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R004900500010-6.pdf> (accessed 02.03.2024)

Wen Tiejun 温铁军(2019). *Jianguo chuqi gongchandang ruhe xunsu er biaooben jianzhi de jiejueminguo de tonghuopengzhang? 建国初期共产党如何迅速而标本兼治的解决了民国的通货膨胀?* [How, at the beginning of the PRC's existence, the CPC managed to radically solve the problem of inflation inher-

ited from the Republic of China in the shortest possible time?] Guanchazhe. 12.10. URL: https://www.guancha.cn/WenTieJun/2019_10_11_520825_2.shtml (accessed 05.12.2023).

Wen Tiejun 温铁军等 (2019). 土地改革与货币主权：建国初期的“去依附”与反危机 | 新书预告 [Land reform and sovereignty of the national currency: liberation from dependence and anti-crisis measures in the first period after the creation of the state]. Xiangcun jianshe yanjiu. URL: http://www.ruralstudies.com/prod_view.aspx?TypeId=68&Id=524&Fid=t3:68:3 (accessed 09.03.2024).

Why Chinese banks are now vanishing. The state is struggling to deal with troubled institutions. The Economist. 04.07.2024. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/07/04/why-chinese-banks-are-now-vanishing> (accessed 19.07.2024).

Yang Kuisong (2008). Reconsidering the Campaign to Suppress Counter-revolutionaries. The China Quarterly. No. 193 (Mar., 2008). Pp. 102–121.

Yin Shusheng 尹曙生 (2014). Mao Zedong yu di san ci quanguo gongan huiyi 毛泽东与第三次全国公安会议 [Mao Zedong and the third National Public Security conference]. URL: <https://www.robertsuettinger.com/wp-content/uploads/2024/10/Chapter-3-FN-102-Yin-Shusheng-on-Mao-at-3rd-Public-Security-Meeting-1951.pdf> (accessed 01.11.2023).

Zhonghua renmin gongheguo shigao 中华人民共和国史稿 [Essays on the History of the People's Republic of China]. Vol. 1. 1949–1956. Institute of Contemporary China. Beijing, China's Publishing House, People's Publishing House, 2012. 340 p.

Поступила в редакцию: 17.09.2024. Received: 17 September 2024.

Принята к публикации: 22.10.2024 Accepted: 22 October 2024.

А.Г. Юркевич

Учебное пособие по истории отношений СССР и Китая: каким ему быть?

К публикации книги В.Г. Дацышена

«История русско-китайских отношений. 1917–1949 гг.:
учебное пособие» (Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023).

Аннотация: В статье рассматриваются подходы к теме советско-китайских отношений в первой половине XX в., предложенные в имеющих статус учебных пособий работах А.А. Писарева (2013) и В.Г. Дацышена (2023). Сопоставление методологических принципов, примененных к одной и той же проблематике с интервалом в десятилетие, приводит к выводу: преодолеть ограниченность подхода, сводящего взаимодействие России/СССР с Китаем исключительно к сфере политики, невозможно лишь за счет отказа от рассмотрения политических программ и стратегий, усиления акцентов на якобы самодостаточной фактографии, а также на региональных и культурных аспектах темы. Продуктивность любого рода подходов будет зависеть от того, насколько обоснованным и отчетливо артикулированным будет концептуальный каркас изложения, в какой степени он позволит учесть и продемонстрировать в учебном пособии взаимовлияние политического, регионального, культурного и иных факторов двусторонних отношений.

Ключевые слова: Китай, СССР, история советско-китайских отношений, русско-китайские отношения, учебные пособия, В.Г. Дацышен, А.А. Писарев.

Автор: Юркевич Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: yurkevich@mail.iccaras.ru

А·G·尤尔克维奇

苏中关系史教材：它们应该是什么样子？

致 V·G·达奇申《1917–1949 俄中关系史教材》

(克拉斯诺亚尔斯克：西伯利亚联邦大学，2023 年) 出版。

摘要: 本文探讨了 А·А·皮萨列夫 (2013) 和 V·G·达奇申 (2023) 具有教科书地位的著作中提出的二十世纪上半叶苏中关系主题的研究方法。对适用于相隔十年的相同问题的方法论原则进行比较得出的结论是，仅通过拒绝考虑政治纲领和战略并加强对主题的区域和文化方面观点的罗列，不可能克服将俄罗斯/苏联与中国的互动仅限于政治领域的解释的局限性。这种强调的效果取决于表述的概念框架的合理性和清

晰性，在多大程度上能在教材上顾及和展示政治、区域、文化等双边关系因素的相互影响。

关键词：中国；苏联；苏中关系史；俄中关系；教材；V·G·达奇申；A·A·皮萨列夫。

作者：亚历山大·根纳季耶维奇·尤尔克维奇，历史学副博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所当代中国史及中俄关系部首席研究员。E-mail: yurkevich@mail.iccaras.ru

A. G. Yurkevich

Textbook on the History of the Relations between the USSR and China: What Should It Be Like?

To the publication of the book by V.G. Datsyshen
“History of Russian-Chinese relations. 1917–1949: textbook”
(Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2023).

Abstract: The article examines approaches to the topic of Soviet-Chinese relations between 1917 and 1949 as presented in textbooks published by A.A. Pisarev in 2013 and V.G. Datsyshen in 2023. A comparison of the approaches in the newer textbook with the methodological principles applied a decade earlier suggests that overcoming the limitations of interpreting USSR/Russia-China interaction solely in political terms cannot be achieved simply by disregarding political programs and strategies while placing greater emphasis on regional and cultural aspects. The potential success of such an approach depends on how well-founded and clearly articulated the assessment of the interplay between political, regional, and cultural factors in bilateral relations is.

Keywords: China, the USSR, the history of Soviet-Chinese relations, textbooks on Russian-Chinese relations, V.G. Datsyshen, A.A. Pisarev.

Author: Yurkevich Alexander G., Candidate of Historical Sciences, Leading researcher at the Center of the Modern History of China and its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. Email: yurkevich@mail.iccaras.ru

Подготовка учебников и пособий – важная отрасль академической практики, обусловленная прогрессом научного знания и изменениями требований к учебному контенту. Его обновление применительно к исторической науке связано с изменением угла зрения на рассматриваемые события и процессы, подхода к отбору необходимого и ненужного, главного и второстепенного, а нередко и самой логики «сцепления»

фактов между собой в синхронном и асинхронном аспектах, которая формирует целостную картину исторической реальности. Создание учебного пособия невозможно без корреляции с опытом предыдущих проектов и должно открывать какие-то новые возможности для учебного процесса, адаптировать его под потребности более широкой или, наоборот, специализированной аудитории и т.п.

Поэтому новое учебное пособие профессора Сибирского федерального университета В.Г. Дацышена, вышедшее в 2023 г., не может не привлечь внимание коллег. Книга призвана продемонстрировать читателю «комплекс проблем и противоречий, связанных со становлением и развитием советско-китайских отношений до середины XX в.» [Дацышен, 2023, с. 2] и тематически продолжает принадлежащую перу того же автора публикацию аналогичного жанра, посвященную периоду 1618–1917 гг. [Дацышэн, 2004].

По тематике наиболее близка пособию В.Г. Дацышена публикация историка-китаиста А.А. Писарева, ныне работающего в Даньцзянском университете на Тайване. Это глава 3 «Эпоха гражданских войн и революций. СССР и республиканский Китай (с 1917 до 1949 г.)» [Писарев, 2013] из известного обобщающего издания по истории отношений России и Китая за последние четыре столетия, вышедшего под редакцией профессора А.В. Лукина. Книга, частью которой данная глава является, носит обобщающий характер и создавалась с прицелом на использование в качестве пропагандистического материала – как свидетельствует информация, помещенная на обороте титула, издание «допущено... в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) „Международные отношения“»¹.

Помимо тематики и изучаемого периода два рассматриваемых пособия роднит существенное внимание к событиям, происходившим в приграничных регионах: у А.А. Писарева им посвящены четыре подпараграфа из 12, у В.Г. Дацышена – семь параграфов из 20. Но если Александр Александрович описывает случившееся в Монголии, Маньчжурии и Синьцзяне, то Владимир Григорьевич, потомственный сибиряк, позиционирующий себя в первую очередь как краеведа, освещает также то, что происходило в Сибири и на российском Дальнем Востоке. Обширные фрагменты текста уделены этим территориям и в других разделах его книги, которая адресуется более широкому кругу пользователей, нежели вдвое меньшая по объему публикация А.А. Писарева – всем студентам, «изучающим отечественную и всеобщую историю по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры» [Дацышен, 2023, с. 2].

Чтобы выяснить, чем, помимо целевой аудитории и объема, различаются два учебных пособия, изданных с интервалом в 10 лет, что нового предлагает издание 2023 г., необходимо прежде всего рассмотреть теоретико-методологические установки авторов.

---

¹ В создании этой книги принимал участие и В.Г. Дацышен – в качестве соавтора главы, посвященной отношениям приграничных регионов России/СССР и Китая (Дацышен В.Г., Ларин В.Л., Романова Г.Н. Замок с границы снят. Приграничные регионы в российско-китайских отношениях // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под. ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. Сс. 409–519).

Различия в подходах к теме и структуре материала

Как можно понять из введения к книге В.Г. Дацышена, он предлагает рассматривать историю русско-китайских отношений в качестве процесса взаимодействия не только и не столько *государств* – объединяющих некие территории политических структур, сколько *стран* – населенных пространств, имеющих этнокультурные, во многом субъективно определяемые измерения и границы. Прямого противопоставления двух понятий автор избегает, но о том, что оно подразумевается, говорит намек на первенство культурного и лингвопсихологического ракурсов специфики русско-китайского взаимодействия: «Понятия „русский“ и „китайский“ являются сложными и многогранными. В основе понятия „русский“ лежит русский язык и культура во всех их проявлениях, и объединяют это понятие социальные и политические институты, созданные и развивающиеся в рамках языка, на фундаменте русской материальной и духовной культуры» [там же, с. 5].

Таким образом, социальные (во-первых) и политические (во-вторых) факторы для автора теоретически выступают вторичными конструкциями, вырастающими из формообразующего (задающего «рамки») культурного основания.

«То же самое – продолжает В.Г. Дацышен – лежит в основе понятия „китайский“, с учетом того, что последнее является преломлением через русскую культуру материальной и духовной культуры *чжунго-чжунвэнь* (Срединного государства и китайской письменной культуры). Взаимодействие между двумя государствами – это лишь вершина айсберга, основу которого составляют связи и взаимодействие на уровне *регионов* (курсив мой. – А.Ю.), общественно-политических организаций, социальных институтов, промышленных предприятий и хозяйствующих субъектов, культурных институций, малых социальных групп и отдельных личностей» [там же].

Не вдаваясь в анализ небезынтересного тезиса по поводу многогранности понятий «русское» и «китайское», отметим, что целостная концепция двусторонних отношений как системы, в основании которой лежит взаимодействие таких трудноопределимых предметов, как страны и народы, во введении отсутствует. Скорее, там отражено неприятие того обстоятельства, что история советско-китайских отношений до сих пор «остается вопросом в первую очередь политическим» [там же], и высказано намерение от этой односторонности отказаться.

Что касается работы А.А. Писарева, то она, будучи главой в книге, отдельного введения не имеет. Но авторские методологические принципы вытекают из содержания первого подпараграфа начального раздела. Тот открывается обоснованием важности *идеологически обусловленных теоретических программных установок* для внешнеполитической стратегии Советской России – на примере решений II конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам, определивших главные направления внешней политики РСФСР/СССР на Востоке в 20-е годы, а соответственно и отношения со многими странами Азии [Писарев, 2013, с. 119–120]. Принятому II конгрессом курсу на поддержку коммунистами национальных движений на Востоке, предполагавшему союз с демократическими партиями в решении задач буржуазного этапа революции и содействие революционизации стран Азии для ослабления там позиций империалистических держав, с тех пор на довольно длительное

время была подчинена как деятельность Коминтерна и РКП/ВКП(б) по созданию компартий в странах Азии и поиску союзников для них, так и работа официальных дипломатических представительств. Поэтому учет указанных теоретических умозрений и соответствующих директив А.А. Писарев предлагает в качестве своего рода ключа к поиску стратегических мотивов внешнеполитической политической активности Москвы в восточной части Евразии по крайней мере в 20-е годы. И он в этом мнении не одинок (о роли решений II и IV конгрессов Коминтерна во внешнеполитической стратегии Советской России см., например [ВКП(б), Коминтерн..., т. 1, с. 10–12, 22–25 и др.]).

Пик влияния идейно-теоретических мотиваторов на внешнюю политику СССР фиксирует у А.А. Писарева заглавие второго параграфа («Идеология и внешняя политика: советско-китайские отношения в 1924–1931 гг.»). Идеологическим установкам, определявшим внешнеполитическую риторiku и реальные направления внешней активности СССР, уделено существенное внимание и при освещении событий 30-х годов (см. [Писарев, 2013, с. 156–158 и др.]), когда власти СССР еще испытывали нужду в согласовании внешнеполитической стратегии с теоретическими моделями, закреплявшимися в решениях конгрессов Коминтерна. Впоследствии официальные установки такого рода фиксировались в документах правящей партии, возрастала роль секретных решений, которая и раньше была значительной, а также утилитарных тактических соображений. Но идеологическая составляющая никогда не уходила из советской внешнеполитической стратегии, установки которой А.А. Писарев неуклонно учитывает, рассматривая ситуации, складывавшиеся в советско-китайских отношениях в конце 1930-х – 1940-е годы (см., например, [там же, с. 199–200 и др.]). Выделение главных акторов двустороннего взаимодействия и их стратегических установок позволяет выстроить иерархию участников процесса, планы и замыслы которых в той или иной степени влияли на его ход, определяли те или иные его аспекты.

Для сравнения: у В.Г. Дацышена ни решения II конгресса, ни стратегии акторов международного взаимодействия отношений почти не упоминаются (если не считать начала гл. 1 и заключения, где мельком и очень общо говорится об отношении сторон к международному праву и традициям после 1917 г.). И это больше похоже на принцип, нежели на случайное упущение. Разница методологических подходов к *учебному материалу* проявляется у двух авторов в структуре изложения и маркировке ее компонентов.

В.Г. Дацышен разбивает текст на три главы по хронологическому принципу: «Становление советско-китайских отношений» (до 1924 г.), «Советско-китайские отношения в 1924–1931 гг.» и «Советско-китайское взаимодействие в 1931–1949 гг.». Хотя рамки каждого из параграфов фиксируют вехи пути от почти полного разрыва двусторонних связей к их возобновлению и развитию или в обратном направлении – от пика к разрушению, однако формулировки заголовков носят подчеркнуто «непроблемный» характер, в том числе не обозначают векторы процесса. Даже небезнадежное в этом плане название гл. 1 не вполне точно: «становление» предполагает однонаправленность, тогда как в реальности поначалу (в 1917–1920 гг.) имел место распад прежней системы контактов.

Если на уровне глав структура учебного пособия В.Г. Дацышена подчинена хронологическому принципу, то на уровне параграфов у него с проблемным подходом, требующим заостренности на определенном комплексе вопросов (ответы на них в случае исследования необходимо *отыскать*, а в учебном пособии в систематизированном виде *представить* читателю) конкурирует нацеленность на группировку фактов по тематическому признаку. Исходя из формулировок заголовков, в гл. 1 к «тематически ориентированным» правомерно отнести параграфы 1.2. «Отношения на уровне регионов и общественно-политических организаций», 1.3. «Китайская интервенция на востоке России», 1.4. «Китайцы в Красной Армии» и 1.7. «Торгово-экономические отношения». Соответственно, в группу «проблемно ориентированных» допустимо включить параграфы 1.8. «Русское китаеведение и взаимодействие в гуманитарной сфере» и 1.9. «Завершение процесса установления советско-китайских отношений». Проблемный характер заголовков здесь проявляется в соположении отдельных явлений с системным комплексом (параграфы 1.5., 1.6., 1.8.) или выделением вектора и этапа рассматриваемого процесса (1.9.).

В гл. 2 (включает параграфы 2.1. «Межгосударственные отношения: от установления до разрыва», 2.2. «Сотрудничество с Гоминьданом и КПК», 2.3. «КВЖД в 1924–1929 гг.: от соглашения до конфликта», 2.4. «Китайские эмигранты в системе советско-китайских отношений» и 2.5. «Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г.») к «тематически ориентированным» справедливо отнести по крайней мере параграфы 2.2. и 2.5; в гл. 3 (3.1. «Японская агрессия и восстановление советско-китайских отношений», 3.2. «Синьцзян в советско-китайских отношениях», 3.3. «Советская помощь Китаю в начале Второй мировой войны», 3.4. «Советско-китайские отношения во время Великой Отечественной войны», 3.5. «Советско-китайский союзный договор и окончание Второй мировой войны» и 3.6. «Проблемы советско-китайских отношений в 1946–1949 гг.») – как минимум параграфы 3.3. и 3.4. Хотя союз «и», примененный в заголовках параграфов 3.1. и 3.5., в принципе означает лишь неопределенное соположение объектов, но оно может расцениваться и как отсылка к взаимодействию явлений и процессов, подразумевающему «проблемность».

Подчеркнем, что речь идет о критерии формальном и условном: подразумеваемая заголовком «проблемность» не обязательно будет реализована в тексте.

Так или иначе, у В.Г. Дацышена ее внешние признаки в большей или меньшей степени наличествуют в 12 заголовках из 20, у А.А. Писарева – практически во всех: «Советско-китайские связи в 1917–1924 гг.: от первых контактов к установлению дипломатических отношений» (подпараграфы «Первые контакты между Советской Россией и правительствами Северного и Южного Китая», «Монгольский вопрос в советско-китайских отношениях», «Советско-китайский договор 1924 года и проблема КВЖД»); «Идеология и внешняя политика: советско-китайские отношения в 1924–1931 гг.» («Советский Союз и революция в Китае», «Советско-китайский конфликт 1929 года»); «Японское вторжение и советско-китайские межгосударственные отношения в 1931–1937 гг.» («СССР и нарастание угрозы японской агрессии против Китая», «Советский Союз и прекращение гражданской войны в Китае»); «Эволюция советско-китайских отношений накануне и в годы Второй мировой войны (1937–1945)» («Помощь СССР Китаю в отражении японской агрессии», «Синьцзян в совет-

ско-китайских связях накануне и во время антияпонской войны»); «Советско-китайские отношения и гражданская война в Китае (1945–1949)» («Советская дипломатия и проблемы послевоенного урегулирования в Китае. Советско-китайский договор 1945 года», «СССР и Маньчжурская революционная база», «Политика СССР на завершающем этапе гражданской войны в Китае»). Здесь при четкой хронологической последовательности параграфов почти каждый заголовок содержит маркеры взаимосвязанных комплексов проблем. Исключением с натяжкой можно считать первый подпараграф начального параграфа, последний подпараграф второго и последний же – заключительного параграфа, но в двух заголовках – там, где фигурируют понятия «конфликт» и «политика», могут подразумеваться сопутствующие этим понятиям проблемные комплексы (причины и поводы, декларированные и скрываемые цели и задачи сторон, факторы, обусловившие неудачи или успех и т.п.).

Таким образом, уже формальные признаки позволяют заключить, что для А.А. Писарева принципиален проблемный подход, тогда как для В.Г. Дацышена он менее важен, и в первую очередь автор нацелен на выход за пределы политических аспектов проблематики и расширение ее регионального и культурного ракурсов. Примечательно в этой связи, что гл. 1 учебного пособия В.Г. Дацышена, охватывающая самый короткий, по сравнению с 2-й и 3-й главами, период (семь лет против соответственно восьми и 19), существенно превосходит их по объему (84 страницы против 54 и 52) и числу параграфов (девять против пяти и шести). Это легко объяснить: роль приграничных регионов и диаспорального фактора в отношениях двух стран в советский период никогда не была столь велика, как в 1918–1920-х годах.

Посмотрим, как сказываются такие предпочтения на изложении материала, который должен задать читателю парадигму объективного видения советско-китайских отношений в первой половине XX в.

Могут ли факты «говорить сами за себя»?

Книга В.Г. Дацышена отличается обширной фактографией и значительно подробнее, чем имеющиеся обобщающие публикации по близкой тематике, освещает малоизвестные широкой аудитории региональные факторы советской внешней политики и двусторонних отношений. В гл. 1 сообщаются детали, касающиеся существования китайской диаспоры в нашей стране, особенностей участия китайцев в гражданской войне в России, роль местных белых и красных властей, а также приграничных областей в осуществлении контактов с Китаем, особенности поддержания культурных связей с ним до 1924 г. Гл. 2 рассматривает противоречивый процесс параллельного развертывания отношений по официальной линии с пекинским правительством и, большей частью конспиративно, а также под прикрытием якобы независимых от Москвы советнических групп, с Гоминьданом и другими оппозиционными Пекину некоммунистическими силами, а также с КПК; показано, как активность, связанная со стимулированием революционного процесса в Китае, привела СССР к разрыву не только с Пекином, но и с Гоминьданом, и к деградации советско-китайских отношений, вплоть до вооруженного конфликта в 1929 г. 3-я глава, охватывающая

самый протяженный из трех рассматриваемых периодов, но при этом самая короткая (ее материал оставляет меньше всего места для фактографии краеведческого характера), посвящена процессам эволюции советско-китайских отношений от их возобновления после начала японской агрессии в 1931 г. и до создания КНР в 1949 г., когда новое китайское государство стало налаживать отношения с Советским Союзом.

Все параграфы (а не только отдельные, как можно было ожидать, исходя из заголовков) представляют собой автономные тематические очерки, где сгруппированы факты, соответствующие определенному аспекту темы в рамках периода, которому посвящена глава. Если в работе А.А. Писарева общая логика изложения опирается на артикуляцию стратегий взаимодействующих сторон, действия которых выступают тактическими экспликациями общих замыслов, то у В.Г. Дацышена такая единая логическая канва отсутствует.

И это затрудняет ориентацию в обилии фактов, играющих не иллюстративную, а самодовлеющую роль.

Во-первых, есть опасность не вполне верно оценить их соотносительную важность. Например, сотрудники НКВД Китаевед А.Н. Воскресенский и сибиревед В.Г. Виленский действительно немало сделали для выработки внешней политики советского государства в отношении Китая, как указано на с. 79. Но вряд ли их усилия затмят не упомянутый в книге вклад, внесенный в тот же процесс В.И. Лениным и другими фигурами близкого уровня. Например, в основу резолюций упомянутого выше II конгресса Коминтерна (1920 г.) легли ленинские «Тезисы по национальному и колониальному вопросам» в редакции одного из ведущих в тот период деятелей Коминтерна индийского коммуниста М.Н. Роя.

Во-вторых, то обстоятельство, что в книге В.Г. Дацышена не принимаются во внимание стратегические установки взаимодействовавших сторон, создает риск нарушения логической и хронологической связи фактов.

Например, в параграфе 2.1. сообщается о захвате китайской полицией советского посольства и генконсульства в Пекине в апреле 1927 г. [Дацышен, 2023, с. 95]. Однако мотивы этого действия несколько проясняются только на с. 96–97: оказывается, что деятельность дипломатов была «несамостоятельной», консульства служили придатком нелегального аппарата. Но такая ситуация вытекала как раз из тех стратегических намерений Москвы в Китае, о которых читателю не сообщается, и способов их реализации, зачастую конспиративных и нацеленных на развертывание массовых движений, миролюбивым не отличавшихся. В том же параграфе повествуется о начале пути в политику северокитайского генерала Фэн Юйсяна, впоследствии маршала, объявившего свои войска Национальными армиями и выразившего симпатии лидеру Гоминьдана Сунь Ятсену [там же, с. 105–106]. Информация не лишняя, однако ее смысл можно понять лишь в контексте *предшествовавших* событий и процессов, на которые намекает имя Сунь Ятсена и которые освещаются только в *следующем* параграфе 2.2. [там же, с. 109–119], где идет речь о сотрудничестве Москвы с Гоминьданом и КПК. Таким образом, обстоятельства, раскрывающие логику развития советско-китайских отношений, рассматриваются *после* освещения тех акций, которые этой логикой определялись, и даже не в прямой связи с такими акциями.

Последовательность и причины исторических событий ускользают от читателя и там, где сообщается, что «в *марте 1925 г.*» (так в тексте. – А.Ю.) в Гуанчжоу появилась делегация во главе с начальником Политуправления РККА А.С. Бубновым. В продолжение данной информации идут сведения о том, что в конце 1925 г. прибыл в Москву и в апреле 1926 г. был во Владивостоке деятель Гоминьдана Ху Ханьминь, а с сентября 1926 г. по апрель 1927 г. в Москве находился Шао Ли-цзы, представитель ЦИК Гоминьдана и лично Чан Кайши [там же, сс. 111–112]. Вроде бы налицо некое перечисление фактов политико-дипломатического обмена факультативной значимости – захочет читатель их запомнить, запомнит, не пожелает – и не надо. Но непонятно, почему речь только об этих трех событиях и именно в такой последовательности. «Комиссия Ивановского» (псевдоним Бубнова) была в Гуанчжоу на самом деле годом позже – в *марте 1926 г.* и известна главным образом тем, что оправдала перед Москвой случившийся тогда же «переворот» Чан Кайши, скорее демонстрацию, приуроченную как раз к прибытию московских функционеров (см. [Юркевич, 2013, с. 274–277; Панцов, 2019, сс. 114–120]) и приблизившую Чана к лидерству в партии и армии. Ху Ханьминь, один из соперников Чан Кайши, был еще осенью 1925 г., задолго до «комиссии Бубнова», направлен в СССР в качестве представителя Гоминьдана в Коминтерне, фактически в ссылку, которая позволяла убрать его из Гуанчжоу в момент драматического передела власти в Гоминьдане и в то же время избавить от судебного преследования со стороны конкурентов (см. [Семенов, 1985, сс. 112–114; Юркевич, 2013, сс. 251–252]); в апреле 1926 г. он через Владивосток возвращался в Китай. А ставленник Чан Кайши Шао Ли-цзы отправился в Москву, тоже как представитель Гоминьдана в Коминтерне, в конце 1926 г., когда Чан отстаивал свои претензии на первенство в партии. Связь событий с политическими комбинациями, касающимися борьбы за власть в Гоминьдане и одновременно затрагивающими отношения этой партии с Москвой, теряется за перечислением самоценных единиц информации.

«Фактический переворот» Чан Кайши, одно из главных политических событий 1926 г., характеризуется в книге В.Г. Дацышена цитатой, неточно приведенной В.Б. Воронцовым в 1990 г.: Чан *тогда* якобы утверждал, что он «не против русских коммунистов, а только против правого крыла в ВКП(б), во главе которого стоит (в тексте настоящее время. – А.Ю.) Сталин» [Дацышен, 2023, сс. 113; Воронцов, 1990, сс. 141]. Из этой цитаты буквально следует, что Чан в ходе событий 1926 г. зачем-то бросил вызов Сталину. Но этого не было – Чан Кайши в то время всячески убеждал Москву в своей лояльности и склонности к политическому самоубийству не проявлял.

Вместе со смыслом событий подвергаются деконструкции их причинно-следственные связи и хронология. Так, в качестве доказательства того, что Москва в *марте 1926 г.* не обиделась на «переворот», предпринятый Чаном, повторно приведены факты, имевшие место значительно позже, когда все проблемы, связанные с мартовскими событиями, были забыты: откомандирование Шао Ли-цзы в Коминтерн в *конце 1926 г.* (сообщено повторно) и его вхождение в ИККИ в *1927 г.* [Дацышен, 2023, сс. 113]. Затем следует сюжет о расхождении во мнениях между главным политическим советником М.М. Бородиным и главным военным советником В.К. Блюхером относительно сотрудничества с Чан Кайши (без уточнения, что речь идет о *конце 1926* – на-

чале 1927 г.), а далее излагается требование Москвы к Гоминьдану, имевшее место в первой половине – середине 1926 г. и как бы связанное с разногласиями Чана и его главного военного советника – об отказе Гоминьдану в ведении наступательных операций за пределами Гуандуна [там же], что дает читателю основание связывать этот запрет с недоверием к Чану.

Однако требование к Гоминьдану не выходить за границы Гуандуна в первой половине – середине 1926 г. не имело в виду какие-то претензии к Чан Кайши, а отражало желание советского руководства дожидаться должной радикализации Гоминьдана и опасения утратить южнокитайскую революционную базу (см. [Панцов, 2001, с. 136–137; Картунова, 2000, с. 141]). Бородин, отсутствовавший в Китае с осени 1925 г. и возвращенный туда (по требованию Чан Кайши) к маю 1926 г., вовсе не был против начавшегося в июне 1926 г. Северного похода – напротив, считал его желательным, ибо полагал, что нелюбимый им Чан в ходе кампании непременно потеряет политический авторитет, и это пойдет на пользу «левым» в Гоминьдане (см. [Юркевич, 2013, с. 296–297]).

Стратегическим целям Гоминьдана, которые могли бы прояснить вытекающие из них действия, уделяется столь же мало внимания, как и долгосрочным установкам Москвы. Например, понятие «Северный поход», связанное с суньятсеновской программой трех этапов национальной революции и всеми важными процессами и событиями в Китае с середины 1926 г. до августа 1928 г., в книге вовсе отсутствует, как и упоминания о существовании у Гоминьдана стратегии. А ведь последняя худо-бедно привела эту партию в 1928 г. к объединению Китая наперекор историческому материализму. Умолчание о таких факторах двусторонних отношений, как стратегии и программы, становится источником странных недоразумений.

В частности, сразу после изложения требования к Гоминьдану «никуда не уходить» из Гуандуна, относящемуся к первой половине 1926 г., сообщается, что в декабре (на самом деле в ноябре) того же года гоминьдановская Национально-революционная армия как-то вдруг почему-то заняла Наньчан [Дацышен, 2023, с. 114]. При этом читатель не имеет возможности оценить значение этого события, так как не знает, что в ходе того же не известного ему Северного похода ранее, в *октябре* 1926 г., уже было занято троюградье Ухань на Янцзы, где утвердилась «левая» часть Национального правительства, сотрудничавшая с КПК, и только *потом* был захвачен Наньчан, в котором укрепился Чан Кайши, коммунистов недолголюбивший. Именно с того и началось *противостояние двух центров власти Гоминьдана*, создавшее головную боль для Москвы и завершившееся тем, о чем говорилось в *предыдущем* параграфе книги.

А поскольку появление трещины в Гоминьдане и вызвавшие ее причины остались за пределами внимания автора и читателя, то не вполне мотивированным выглядит и превращение этой трещины в пропасть. *Сразу* после информации о захвате Наньчана (ноябрь 1926 г.) сообщается: «В апреле 1927 г. произошел разрыв отношений Советского Союза с лидером ГМД Чан Кайши» [Дацышен, 2023, с. 114]. Формулировка по поводу лидерства не точна – месяцем ранее пленум ЦИК Гоминьдана в Ухане уже освободил Чана от поста председателя Политсовета ЦИК, даже был отдан секретный приказ о его аресте (см. [Панцов, 2019, с. 132; Юркевич, 2013, с. 304]). И поэтому он в апреле хотя и оставался главкомом, но был вождем только той части Гоминьдана,

базой которой вместо Наньчана стал Нанкин. «Поводом [к разрыву. – А.Ю.] послужили события, произошедшие в Шанхае 12 апреля, когда гоминьдановские войска *расстреляли рабочую демонстрацию* (курсив мой. – А.Ю.)» [Дацьшен, 2023, с. 114]. Здесь тоже принципиальная неточность. Шанхай в преддверии наступления войск НРА был освобожден отрядами повстанцев, которые организовали коммунисты и «левые» гоминьдановцы. Войска подчиненного Чан Кайши генерала Бай Чунси 20 марта вошли в город без боя, а 12 апреля, дождавшись, когда криминальные структуры, следуя намеченному плану, начали громить штаб-квартиры коммунистов и рабочих организаций, под предлогом «наведения порядка» поддержали мафию, устроив массовые казни. Так что дело было не в расстреле некоей демонстрации. Было заранее спланированное антикоммунистическое выступление, которое, тоже согласно предварительным договоренностям, нашло продолжение в целом ряде крупных городов, занятых НРА (см. описание шанхайских и последующих событий в книгах [Картунова, 2000, сс. 243–247; Юркевич, 2013, сс. 308–311]).

Примечательно в свете «рассинхронизации» фактов и утраты связи между ними то обстоятельство, что лишь в конце с. 115, почти двумя страницами *ниже* сообщения о шанхайской резне, появляется *первое* упоминание о «левогоминьдановском правительстве в Ухане», непонятно как, когда и почему там возникшем и зачем-то противостоявшем Чан Кайши.

Богатство фактографии, которое могло стать преимуществом пособия, из-за отсутствия концептуального стержня превращается в фактор, провоцирующий логические и хронологические сбивы: факты не помогают, а мешают читателю уяснить логику событий. Но сведения, которые не позволяют составить целостную и адекватную картину исторической реальности, справедливо признать как минимум не полезными для учебного процесса. Так, заявление Сталина о том, что «нужно вычистить из Китая и Бородина и Роя, и всех тех оппозиционеров, которые мешают там работе» [Дацьшен, 2023, с. 115], может быть информативно только для читателя, уже знающего, кто такой Рой, что он натворил, и чем оппозиционеры огорчили руководителя аппарата ЦК ВКП(б). Однако информацию об этом читателю придется искать в других источниках.

К сожалению, останется не известным ему даже факт *начала гражданской войны* между Гоминьданом и КПК в августе 1927 г.², очень многое объясняющий в эволюции советско-китайских отношений, а из вооруженных выступлений КПК в 1927 г. упомянуто только декабрьское Гуанчжоуское восстание, к тому же описанное не вполне удачно [там же].

Надо признать: когда повествование переходит на сибирско-дальневосточную почву, в него возвращается и хронологическая последовательность, и связность событий. Об этом свидетельствуют 3-й и 5-й параграфы гл. 2, посвященные соответствен-

² В словарно-энциклопедических изданиях статьи о гражданской войне в Китае могут начинаться с сообщения об апрельских 1927 г. событиях в Шанхае. Однако тогда имел место раскол в самом Гоминьдане, а не вооруженное противостояние КПК со всеми гоминьдановскими фракциями разом, которое началось с Наньчанского восстания 1 августа 1927 г. (дата отмечается как день создания НОАК), спланированного с участием советских эмиссаров [Григорьев, 1980, сс. 16–70]. Факты начала гражданской войны и Наньчанского восстания не нашли упоминания в книге В.Г. Дацьшена.

но ситуации на КВЖД в 1924–1929 гг. и вооруженному конфликту между СССР и властями Маньчжурии, а также 4-й параграф – об эволюции китайской диаспоры в СССР. Но и в этих разделах не обошлось без неточностей. Так, Л.Д. Троцкий никогда не был председателем Китайской комиссии – постоянного органа Политбюро ЦК ВКП(б), существовавшего в 1925–1926 гг., а лишь возглавлял в марте 1926 г. специализированную комиссию, готовившую для Политбюро решение по политике в отношении Китая (Панцов, 2001, сс. 158–159). Создание общества «Руки прочь от Китая!» на с. 132 отнесено к 1924 г., что верно (оно было вызвано событиями, связанными с противостоянием Сунь Ятсена и местного купечества, поддержанного администрацией Гонконга), а на с. 135 – к 1927 г. (т.е. ассоциировано с конфронтацией КПК и Москвы с Гоминьданом), чего быть не могло, и т.п.

Существенно более «отработанным» предстает текст 3-й главы, самой краткой, хотя и охватывающей более половины всего рассматриваемого в книге периода: с 1931 г. (восстановление отношений СССР и Китайской Республики после захвата японцами Маньчжурии) до 1949 г. (образование КНР и установление Москвой дипломатических связей с новым китайским государством). Неожиданная лапидарность этого раздела, как отмечалось выше, может быть объяснена тем, что он не дает достаточных поводов для освещения вклада Сибири и Дальнего Востока в развитие советско-китайских отношений: «региональная» врезка в структуру текста представлена только одним параграфом, посвященным Синьцзяну. Неточностей здесь меньше, но они тоже встречаются. Так, глава администрации Синьцзяна Шэн Шицай в 1938 г. мог вступить в ВКП(б), но никак не в КПСС [Дацышен, 2023, с. 160]. Вряд ли можно полностью согласиться с утверждением о том, что в 1937 г. «и советское, и китайское руководство не скрывали своего общего понимания ситуации» [там же, с. 165]. Тезису об «общем понимании» противоречат приведенные далее факты, свидетельствующие о попытках Китая склонить СССР к подписанию договора о взаимопомощи и втянуть его в войну, чему Москва всячески противилась. Понятие «единый фронт» применительно к отношениям Гоминьдана и КПК, чрезвычайно важное для понимания и советской политики, и отношений в треугольнике «СССР – Гоминьдан – КПК», появляется в книге лишь однажды, в цитате, иллюстрирующей тематику переговоров и дипломатической переписки с Китаем в 1940–1941 гг., и то мельком, тогда как оно имело общее *стратегическое* значение (не только в связи с Китаем) для Коминтерна, ВКП(б) и, соответственно, советских государственных институций, в том числе зарубежных представительств, с середины 1930-х годов [там же, с. 169].

Приходится констатировать, что подход к проблематике двусторонних отношений, предложенный в более позднем учебном пособии, не всегда оптимален для организации и верификации материала. Отказ от выявления стратегических принципов и программ политических акторов международного взаимодействия лишает книгу концептуального каркаса, который может не только структурировать текст, но и дать основания для отбора фактов, определения их иерархии и места в изложении. Примечательно, что намерение преодолеть политическую доминанту в освещении двусторонних отношений не отменило того обстоятельства, что общую канву повествования в книге определяют событийно-хронологические вехи, знаменующие ситуации разрыва и возобновления официальных связей именно между *государствами*. Другое дело,

что эта канва не находит последовательного продолжения в ткани текста, тематически сгруппированные факты фрагментируются, а версии их взаимосвязей не всегда оказываются корректными.

Но сказанное отнюдь не означает, что подходы, опробованные в новом учебном пособии, и содержащийся в нем материал не привносят ничего позитивного в практику изучения и презентации проблем международных отношений.

Перспективы развития учебной литературы об отношениях СССР/России и Китая

Нельзя забывать, что материал, предложенный В.Г. Дацышеном, предназначен для широкого круга гуманитариев и обществоведов. Книга откроет им целый ряд фактов, которые редко затрагиваются или вовсе не упоминаются в учебниках, а также отечественные источники по новейшей истории отношений нашей страны с Китаем, продемонстрирует значимость приграничных регионов для международных отношений, многоаспектность темы, для раскрытия которой необходимо принять во внимание культурное, экономическое и другие виды двустороннего взаимодействия. Хотя полезность пособия в его нынешнем виде именно для будущих историков и международников, особенно китаеведов, не во всем выглядит безусловной, нет сомнения, что в последующих изданиях, исправленных и дополненных, замысел известного ученого может получить более полное и завершённое воплощение.

Заслуживает отдельного внимания культурологический аспект этого замысла, намеченный во введении. Не исключено, что указание на «преломление через русскую культуру материальной и духовной культуры *чжунго-чжунвэнь*» [Дацышен, 2023, с. 5] представляет собой только политкорректный намек на традиционное видение китайцами своего места в мире через призму лингвистического самоопределения как «срединного» (что предполагает и проявления в сфере международной политики). Но более вероятным кажется, что читателю предлагают задуматься о том, насколько условна однозначность «китайского» и «китайскости» в понимании, заданном русскими лексемами. К сожалению, далее в книге эта тема прямого продолжения не нашла, однако она имеет потенциал развития. Разноморфемные лексико-смысловые ипостаси того, что для нас предстает однозначно «китайским» (*хань* – китайское-ханьское в этническом смысле, *чжунхуа* – «срединное и цветущее» в универсализирующем цивилизационном плане, *чжунго* – «[принадлежащее к] Срединному государству» как полиэтническому культурно-политическому пространству и т.д.), вполне корреспондируют с многомерностью и многослойностью русского/российского.

Углубление этой темы возможно в формате коллективной обобщающей публикации, которая имела бы не только утилитарно учебный, но и, в широком смысле, энциклопедический характер и создавалась с участием специалистов в разных областях советско/российско-китайского взаимодействия – международной политики, экономики, военного дела и военной истории, культуры, науки, искусства, приграничных отношений – на основе проблемного каркаса, включающего органичную культурологическую компоненту.

Пока в роли такого каркаса нет альтернативы внешнеполитическим стратегиям, которым большое внимание обоснованно уделено в работе А.А. Писарева. Они позволяют соотносить общие стратегические установки и их изменчивые тактические проявления, декларированные и тайные планы и намерения, исходящие из субъективных оценок замыслы и объективные условия их реализации, главные и сопутствующие факторы, обуславливающие характер действия и его результат, а также подталкивают к тому, чтобы не ограничиваться констатацией противоречивости политических доктрин и действий государства (не имеющими второго и третьего дна они предстают только в пропагандистской риторике), но вскрывать характер и содержание противоречий. В книге В.Г. Дацышена неоднократно отмечается противоречивость советской политики, но артикулируется фактически единственное противоречие – «между интернационализмом мировой революции и национальными интересами России» [Дацышен, 2023, с. 126]. Однако в других местах той же работы явно подразумеваются иные коллизии разных уровней: между публично декларируемыми и тайными целями, принципами международного права и интересами революционного движения, гуманистическими идеалами и классовой непримиримостью, централизацией внешней политики и самостоятельностью эмиссаров на местах, директивным характером установок Москвы и возможностью разных их толкований исполнителями и др. Такого рода противоречия вполне заслуживают отчетливой артикуляции в тексте, хотя это, безусловно, и требует тщательного учета не только особенностей прошедшей исторической эпохи, но и политического такта, соответствующего требованиям текущего момента.

Полезным для учебных пособий по истории отношений СССР/России и Китая представляется изложение не только мнений авторов, но и альтернативных точек зрения по наиболее дискуссионным проблемам. Особенно это существенно для обучения по тем специальностям, которые предполагают подготовку исследователей, способных посвятить себя указанной проблематике («Международные отношения», «Востоковедение», «Всеобщая история» и «История России»). Ознакомление с противоречащими друг другу экспертными оценками – наиболее наглядный и убедительный способ настроить обучаемых на восприятие соответствующей области знания как сферы дискуссий и научного поиска, показать особенности подходов к теме со стороны разных историографических школ, мнения которых необходимо принимать во внимание и подвергать анализу в ходе собственных исследований. К этому приему прибегает в своей работе А.А. Писарев, но, к сожалению, такой подход к презентации учебного материала разделяют даже не все его коллеги, вместе с ним участвовавшие в подготовке книги 2013 г.

Недооценивается авторами и составителями учебных пособий также значимость справочного аппарата. В книге под редакцией А.В. Лукина применяются ссылки, главы снабжены списками литературы, биографическими вставками в основной текст и перечнями важнейших событий из области отношений двух стран для каждого значительного периода. Но отсутствие именных, предметных и других указателей снижает функциональную ценность издания – затрудняет быстрое обнаружение информации о конкретных лицах в определенных обстоятельствах, о связях между событиями, персоналиями, организациями и т.п., т.е. *работу с учебным материалом*, для осмысления которого недостаточно разового прочтения.

В нынешних усилиях по созданию учебных пособий, преимущественно индивидуальных, хотелось бы видеть подготовку к будущим крупным коллективным изданиям. Опираясь на опыт предыдущих проектов, они должны не просто собирать под одной обложкой тексты разных авторов, а, подобно томам энциклопедии «Духовная культура Китая» [Духовная культура..., 2006–2010], выстраиваться в соответствии с общей, согласованной в подробностях методологией подбора и выстраивания контента, учитывать существование дискуссионных проблем, альтернативных подходов к историческому материалу и многообразию его аспектов, использовать современный, гибкий и функциональный научный аппарат.

Библиографический список

- ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. I. М.: Буклет, 1994. 792 с.
- Воронцов В. Михаил Бородин: жизненный подвиг и трагедия // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. Сс. 135–147.
- Григорьев А.М. Революционное движение в Китае в 1927–1931 гг. (Проблемы стратегии и тактики). М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1980. 295 с.
- Дацышен В.Г. История русско-китайских отношений (1618–1917 гг.): учеб. пособие. Красноярск: Изд-во КГПУ, 2004. 230 с.
- Дацышен В.Г. История русско-китайских отношений. 1917–1949 гг.: учеб. пособие. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. 216 с.
- Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. (+ доп.) / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. Москва: Вост. лит. РАН, 2006–2010.
- Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). М.: ИДВ РАН, 2000. 290 с.
- Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан, 1919–1929. М.: РОССПЭН, 1999. 376 с.
- Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. 456 с.
- Панцов А. Чан Кайши. М.: Молодая гвардия, 2019. (ЖЗЛ: сер. биогр.; вып. 1051). 867 с.
- Писарев А.А. Эпоха гражданских войн и революций. СССР и республиканский Китай (с 1917 до 1949 г.) // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под. ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. Сс. 109–221.
- Юркевич А.Г. Москва – Кантон, 1924: Помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая. М.: Вариант, 2013. 424 с.

References

- Datsyshen V.G. (2004). *Istoriya russko-kitajskih otnoshenij (1618–1917 gg.): ucheb. posobie* [The History of Russian-Chinese Relations (1618–1917): Textbook]. Krasnoyarsk: Izd-vo KGPU. 230 s. (In Russian).
- Dacyshen V.G. (2023). *Istoriya russko-kitajskih otnoshenij. 1917–1949 gg.: ucheb. posobie* [History of Russian-Chinese Relations. 1917–1949: Textbook]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. 216 s. (In Russian).
- Duhovnaya kul'tura Kitaya (2006–2010). *Enciklopediya v 5 t. (+ dop.)* [Spiritual Culture of China (2006–2010). Encyclopedia in 5 volumes (+ add.)]. Ch. ed. M.L. Titarenko. M.: Vost. lit. RAN. (In Russian).

Grigoriev A.M. (1980). Revolyucionnoe dvizhenie v Kitae v 1927–1931 gg. Problemy strategii i takiki [The Revolutionary Movement in China in 1927–1931. Problems of Strategy and Tactics]. M.: Gl. red. vost. lit. izd-va “Nauka”. 295 s. (In Russian).

Kartunova A.I. (2000). Politika Moskvyy v nacional’no-revolucionnom dvizhenii v Kitae: voennyi aspekt (1923 g. – iyul’ 1927 g.) [Moscow’s Policy in the National Revolutionary Movement in China: the Military Aspect (1923 – July 1927)]. M.: IDV RAS. 290 s. (In Russian).

Mamaeva N.L. (1999). Komintern i Gomin’dan, 1919–1929 [The Comintern and the Kuomintang, 1919–1929]. M.: ROSSPEN. 376 s. (In Russian).

Pancov A.V. (2001). Tajnaya istoriya sovetsko-kitajskih otnoshenij. Bol’sheviki i kitajskaya revolyuciya (1919–1927) [The Secret History of Soviet-Chinese Relations. The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919–1927)]. M.: Muravey-Guide. 456 s. (In Russian).

Pantsov A. (2019). Chan Kajshi [Chiang Kai-shek]. M.: Molodaya gvardiya. (ZhZL: ser. biogr.; issue 1051). 867 s. (In Russian).

Pisarev A.A. (2013). Epoha grazhdanskih vojn i revolyucij. SSSR i respublikanskij Kitaj (s 1917 do 1949 g.) [The era of civil wars and revolutions. USSR and Republican China (from 1917 to 1949)]. Rossiya i Kitaj: chetyre veka vzaimodejstviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih otnoshenij / pod. red. A.V. Lukina. M.: Ves’ Mir. Ss. 109–221. (In Russian).

VKP(b), Komintern i nacional’no-revolucionnoe dvizhenie v Kitae. T. I [The CPSU(b), the Comintern and the National Revolutionary Movement in China. Vol. I]. M.: Buklet, 1994. 792 s. (In Russian).

Vorontsov V. (1990). Mihail Borodin: zhiznennyj podvig i tragediya [Mikhail Borodin: life’s feat and tragedy]. Problemy Dal’nego Vostoka. N 6. Ss. 135–147. (In Russian).

Yurkevich A.G. (2013). Moskva–Kanton, 1924: Pomoshch’ SSSR Gomin’danu i dve strategii ob’edineniya Kitaya [Moscow–Canton, 1924: Soviet Aid to the Kuomintang and Two Strategies for the Unification of China]. M.: Variant. 424 s. (In Russian).

Поступила в редакцию: 20.11.2024. Received: 20 November 2024.

Принята к публикации: 03.12.2024. Accepted: 3 December 2024.

Р.О. Сафронов

Китайское законодательство в сфере государственно-конфессиональных отношений: основные тенденции развития и актуальные изменения в 2023 г.

Аннотация: В статье рассматриваются основные вехи эволюции китайского законодательства в отношении религии за последние 40 лет, с начала периода реформ и открытости. Отмечается особое значение для правового регулирования в указанной области принятых в 1982 г. новой Конституции КНР и так называемого Документа № 19, предусматривавшего усиление партийного и государственного контроля над религиозной деятельностью. На первый план была выдвинута донныне актуальная идея активного участия верующих в социалистическом строительстве. Определенная либерализация политического курса в данной области по сравнению с периодом «культурной революции» привели к росту числа верующих официально признанных конфессий. Количественный рост прежде всего христианских общин привел к ужесточению политики в отношении соответствующих религиозных организаций. В результате был принят ряд документов, ограничивающих свободы религиозных сообществ и деятельность иностранцев во избежание контроля за религиозными группами из-за рубежа. Существующие ныне законодательные акты КНР настаивают на том, что государство защищает «нормальную» религиозную деятельность», под которой подразумевается функционирование объединенных в патриотические ассоциации религиозных групп в рамках, предписанных партийными и государственными установлениями. Важной вехой в развитии партийно-государственного регулирования религиозной жизни стало принятие в 2018 г. новой версии Положения о религиозной деятельности, которое в 2023 г. было дополнено Мерами по управлению местами религиозной деятельности. Данные и другие нормативные акты предписывают государству поощрение и поддержку той деятельности религиозных групп, религиозных учреждений и мест религиозной активности, которая нацелена на патриотическое воспитание, укрепление у работников сферы религии и верующих чувства общей принадлежности к китайской нации (中华民族¹), адаптацию религии к социалистическому обществу. Это предполагает дальнейшее усиление политики китаизации всех сфер деятельности религиозных организаций, положительное отношение к которым обуславливается их участием в патриотическом воспитании и адаптации религий к потребностям строительства социализма с китайской спецификой.

---

¹ Данное понятие подразумевает историческое единство всех народов Китая.

Ключевые слова: китаизация религии, адаптация к социалистическому обществу, нормальная религиозная деятельность, меры по управлению местами религиозной деятельности, Документ № 19, Положение о религиозной деятельности.

Автор: Сафронов Роман Олегович, научный сотрудник Центра Государство и религия в Азии Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-5320-7289. E-mail: roman.safronov@gmail.com

R·O·萨夫罗诺夫

中国国家与宗教信仰关系领域的立法及其最新变化(2023 年)

摘要: 自 1949 年中华人民共和国成立以来, 中国实行宗教自由政策。文化大革命时期是反宗教运动非常强大的时期。本文考察了改革开放 40 年来中国宗教立法演变的主要里程碑。

1976 年文化大革命失败后, 国家宗教政策开始朝着先前的方向发展。1982 年成为具有里程碑意义的一年, 中华人民共和国新宪法和所谓的 19 号文件确定了宗教政策多年来的发展方向。

19 号文件旨在加强国家对宗教活动的控制。由于该文件提出的措施, 国家控制下的官方宗教组织的影响力增强了, 这促进了将宗教组织纳入国家政策框架。同样推进的是存在至今的思想, 即信教和不信教的群众应该共同建设一个强大的社会主义国家。

经过一定程度的政治自由化和改革开放政策的实施, 中国承认的各种宗教信仰的信徒数量开始增长, 其中基督教徒增长最快。这种增长导致对宗教组织, 特别是中国境外的基督教教派采取更严厉的政策。于是, 一系列文件出台, 限制宗教组织的自由和外国人的活动, 以避免出现宗教组织受到境外控制的情况。

如今, 中国法律坚持国家依法保护正常的宗教活动(同时没有界定“正常”的概念)。2018 年出台了新版《宗教事务条例》, 2023 年又补充了《宗教活动场所管理办法》。

在宗教工作中, 国家鼓励和支持宗教团体、宗教机构、宗教活动场所开展爱国主义教育, 增强宗教工作者和信教群众的中华民族共同体意识; 组织要引导宗教与社会主义社会相适应。

这意味着, 在爱国主义教育的框架内, 宗教组织的角色只有在适应中国特色社会主义这个前提下才能得到认可, 因此宗教中国化政策只会不断加强。

关键词: 宗教中国化; 适应社会主义社会; 正常宗教活动; 宗教活动场所管理办法; 19 号文件; 宗教事务条例。

作者: 罗曼·奥列戈维奇·萨夫罗诺夫, 俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所亚洲国家与宗教中心研究员。 ORCID : 0000-0002-5320-7289 。 E-mail : roman.safronov@gmail.com

Roman O. Safronov

Chinese Legislation in the Sphere of State-Confessional Relations and Its Current Changes (2023)

Abstract: The article reviews the key milestones in the evolution of Chinese legislation regarding religion over the past 40 years, beginning with the reform and opening-up pe-

riod. It highlights the significant impact of the new Constitution of the People's Republic of China, adopted in 1982, and the so-called Document No. 19, which mandated the strengthening of party and state control over religious activities. The concept of active participation by believers in socialist construction was emphasized. A degree of liberalization in the political approach to religion, compared to the period of the Cultural Revolution, resulted in an increase in the number of adherents to officially recognized faiths. This quantitative growth, particularly among Christian communities, prompted a tightening of policies toward these religious organizations. Consequently, several documents were enacted to restrict the freedoms of religious communities and the activities of foreign entities, aiming to prevent external control over domestic religious groups. Current legislation in the People's Republic of China asserts that the state protects of patriotic-affiliated religious groups within the framework established by party and state regulations. A significant milestone in the development of party-state regulation of religious life was the adoption of a revised version of the Regulations on Religious Activities in 2018, which were further supplemented by the Measures on the Management of Places of Religious Activities in 2023. These and other regulations stipulate that the state should encourage and support the activities of religious groups, institutions, and places of worship that aim to promote patriotic education, enhance the sense of common belonging to the Chinese nation (中华民族) among religious workers and believers, and adapt religion to socialist society. This indicates a continued emphasis on the policy of Sinicization across all spheres of religious organizations, with a favorable view contingent upon their involvement in patriotic education and the adaptation of religions to meet the needs of building socialism with Chinese characteristics.

Keywords: Sinicization of religion, adaptation to socialist society, normal religious activities, measures to manage places of religious activities, Document No. 19, regulations on religious activities

Author: Roman O. Safronov, Researcher at the Center for State and Religion in Asia, Institute of China and Contemporary Asia, RAS. ORCID: 0000-0002-5320-7289. E-mail: roman.safronov@gmail.com

Политика КНР в отношении религии на протяжении истории страны с 1949 г. претерпела множество изменений. Базовая идеология Китая – это марксизм, классическая версия которого считает, что религия представляет собой часть надстройки и часть механизма, закрепляющего нормальность эксплуатации человека человеком, следовательно, с построением справедливого социального порядка религия должна просто исчезнуть. В связи с этой концепцией в 1950-е годы в Китае была провозглашена политика религиозной свободы. В 1958 г. Ли Вэйхань (李维汉, 1896–1984), один из ведущих теоретиков КПК в области национального и религиозного вопросов²,

² Руководство религиозной работой в КНР осуществляется по партийной линии через Отдел Единого фронта Центрального комитета Коммунистической партии Китая (中共中央统一战线工作部), а со стороны государственной власти – Государственным управлением по делам религий (ГУДР) (国家宗教事务局). До марта 2018 г. ГУДР находился в подчинении Государственного совета КНР – высшего государственного исполнительного органа. В 2018 г. в соответствии с решениями XIX съезда КПК началась реформа, затронувшая структуры правящей партии и Госсовета. В результате управление подчинили ЦК КПК, но для рабочих целей оно сохранило свое прежнее название.

основываясь на идеях Мао Цзэдуна, представил интерпретацию этой политики применительно к текущему моменту: каждый гражданин свободен исповедовать или не исповедовать религию, при этом никто не может принуждаться к вере или атеизму, однако члены партии не могут исповедовать никакой религии [Li Weihai, 2016, pp. 580–581]. Партия прямо заявляла: цель политики религиозной свободы состоит в том, чтобы привести людей к отказу от религии [Leung, 2005, p. 898].

В годы «культурной революции» положения о религиозной свободе оставались исключительно номинальными. В реальности проводилась мощная антирелигиозная кампания, сопровождавшаяся массовым закрытием храмов, которые использовались под хозяйственные нужды, а также массовыми репрессиями против священнослужителей.

После сворачивания «культурной революции» государственная политика в отношении религии возвратилась к прежним принципам регулирования религиозной жизни. В 1982 г. вместе с принятием новой Конституции КНР в силу вступил соответствующий ее нормам партийный акт – «Основные взгляды и политика ЦК КПК по религиозным вопросам в период социализма» (中共中央关于我国社会主义时期宗教问题的基本观点和基本政策), также известный как Документ № 19.

Ст. 36 Конституции утверждает свободу религиозных убеждений, под которой понимается невозможность принуждения кем бы то ни было к религиозной деятельности или отказу от нее, а также невозможность дискриминации по религиозному признаку. Кроме того, утверждается, что государство защищает нормальную религиозную деятельность (正常的宗教活动), а религия не может использоваться для подрыва общественного порядка, причинения вреда здоровью граждан и внедряться в государственную систему образования. Отдельной нормой прописывается невозможность религиозной организации управляться из-за границы [Zhonghua..., 2018]. Следует отметить, что еще со времени образования КНР религиозные организации вообще рассматривались руководством КПК как очаги приверженности старым порядкам, феодализму (буддизм и даосизм) и зарубежному культурному империализму (христианские конфессии) [Zhou Enlai, 1992, pp. 60–71, 190–197]. Можно предположить, что именно здесь берет начало положение Конституции КНР о том, что религиозная организация не может контролироваться из-за границы.

С 1982 г. религиозные отношения становились, с точки зрения правительства Китая, всё более значимыми и в итоге были признаны одним из пяти наиболее важных типов отношений для политической и социальной жизни современного Китая, наряду с партийными, этническими, классовыми и отношениями с соотечественниками за рубежом. На это обстоятельство, в частности, указывает Чжан Чжиган (张志刚), директор Института религии и культуры Пекинского университета и один из самых заметных сторонников китаизации религии [Zhang Zhigang, 2017, p. 25]. Опубликованные с начала 80-х годов законы, циркуляры и приказы, регулирующие вопросы религиозных отношений, достаточно подробно освещены Л.А. Афоной [Афоной, 2016].

Важно отметить, что для рабочих целей новое подразделение ОЕФ сохранило свое прежнее название – Государственное управление КНР по делам религий (国家宗教事务局). Правительство Китая жестко не разделяет религиозные и национальные вопросы, и по этой причине решение последних входит в полномочия местных отделов по делам религий и национальностей.

Мы же обратимся к наиболее важным документам и затем рассмотрим произошедшие в 2023 г. изменения в соответствующей части законодательства КНР.

В китайской литературе высказывается мнение [см., например, Tong, 2013, pp. 286–306], что кроме Документа № 19 (1982), наиболее важными в данной сфере являются Отчет о реализации религиозной политики партии и связанных с ней вопросов (1985), Документ № 6 (1991), Документы № 144 и № 145 (1994), Положение о религиозной деятельности (2005, 2018), а также Меры по управлению местами религиозной деятельности 2005 года. Последний нормативный акт был практически полностью переработан, и в результате в 2023 г. вступил в силу новый вариант Мер, о чем подробнее будет сказано ниже.

Документ № 19

Текст документа состоит из 12 частей [Zhonggong..., 2013, pp. 121–143], каждая из которых посвящена определенной теме. Так, ч. 1–3 говорят о месте и функциях религии в старом и современном китайском обществе, а также о положительных достижениях политики КПК в этой области; ч. 4 и 5 – о необходимости уважения свободы религиозных убеждений, объединяющей функции партии и обязательном вовлечении верующих в общую работу по строительству социалистического общества. Ч. 6–8 касаются вопросов функционирования и строительства мест религиозной деятельности (宗教活动场, так в Китае называют постройки и специальные оборудованные места для совершения обрядово-литургических и иных религиозных действий, имеющие управляющие структуры, необходимый персонал и функционирующие в соответствии с законом), необходимости проводить всю соответствующую работу через «патриотические религиозные организации», а также системы религиозного образования; ч. 9 четко указывает на невозможность для членов КПК иметь религиозные убеждения, ч. 10 отстаивает жесткую необходимость ограничения любых незаконных действий с использованием религии. Ч. 11 касается вопросов правильного взаимодействия с иностранными религиозными организациями, а ч. 12 утверждает необходимость укрепления руководящей роли КПК.

Наиболее значимые положения документа можно свести к изложенным ниже.

- Влияние религии среди части населения социалистического общества неизбежно сохранится надолго, а КПК должна иметь ясное представление о долгосрочном характере проблемы религии при социализме.
- Политика партии в отношении религии – это ни в коем случае не временная целесообразность, а стратегический план, имеющий целью объединение всех этнических групп страны в строительстве современного социалистического государства.
- Основная задача партии состоит в объединении верующих и неверующих, а потому следует отказаться от методов принуждения, поскольку они приводят к росту фанатизма и религиозного сектанства; марксисты и патриотически настроенные верующие могут и должны образовать единый фронт для общей борьбы за социалистическую модернизацию.

- Благодаря КПК стала проводиться правильная политика «трех самостоятельности» (三自), включающая самоуправление (自治), самообеспечение (自养) и самостоятельную проповедь (自传), благодаря чему католицизм и протестантизм превратились из орудий империалистической агрессии в независимые и самостоятельные религиозные начинания китайских верующих.
- Верующих следует ориентировать на то, чтобы они как можно меньше самостоятельно собирали средства на строительство храмов, а вся работа такого рода должна проводиться через патриотические религиозные организации³; основная функция последних состоит в содействии партии в проведении политики свободы религиозных убеждений, помощь массам верующих в повышении их патриотического и социалистического сознания, организация нормальной религиозной деятельности, для чего следует выстраивать правильную систему религиозного образования.
- Нельзя допускать, чтобы религия вмешивалась в управление государством, в отправление правосудия, в систему образования, принуждала кого-либо, особенно детей и подростков до 18 лет, к вступлению в ту или иную организацию; обеспечение нормальной религиозной деятельности означает в то же время решительную борьбу со всеми незаконными и преступными действиями под прикрытием религии; необходимо внимательно следить за созданием враждебными силами иностранных религий подпольных церквей и других незаконных организаций в Китае для осуществления шпионажа и диверсионной деятельности и решительно пресекать эти действия.

Таким образом, Документ № 19 был направлен на усиление государственного контроля над религиозной деятельностью. На первый план выдвигалась донныне актуальная идея о том, что верующие и неверующие должны совместно строить сильное социалистическое государство [Mong, 2012, pp. 28–29]. Благодаря принятию изложенных в документе мер, усилилось влияние официальных религиозных организаций, которые находились под контролем государства, что способствовало интеграции религиозных организаций в рамках государственной политики и идеологии и позволило снизить потенциальные угрозы стабильности государства.

Дальнейшая организация работы с религиозными организациями

Достижения и проблемы, с которыми была сопряжена реализация положений, содержащихся в Документе № 19, были изложены в партийном «Отчете о реализации

---

³ В Китае существует пять общекитайских религиозных организаций, признаваемых государством: Китайская буддийская ассоциация (中国佛教协会), Китайская даосская ассоциация (中国道教协会), Китайская исламская ассоциация (中国伊斯兰教协会), протестантский Национальный комитет патриотического движения за три самостоятельности христианских церквей в Китае (中国基督教三自爱国运动委员会) и Китайская патриотическая католическая ассоциация (中国天主教爱国会).

религиозной политики партии и решении связанных с ней вопросов» (关于落实党的宗教政策及有关问题的调查报告), выпущенном в 1985 г. [Guanyu luoshi..., 1985].

Его содержание можно свести к нескольким пунктам.

Во-первых, сообщалось о передаче ряда храмов и монастырей буддийским и даосским организациям, что с воодушевлением было встречено массами верующих. В результате на территории переданных объектов были созданы предприятия по производству ряда традиционных продуктов питания и ремесленных изделий, а также по оказанию социальных услуг – чайные, детские сады, пансионаты, вегетарианские рестораны и т.п. Таким образом, за короткий срок не только были благоустроены ранее пришедшие в запустение храмы, но и улучшились условия жизни монахов.

Во-вторых, подчеркивалось, что на фоне этих успехов все монастыри и храмы должны адаптироваться к потребностям страны, активизировать работу по осуществлению реформы экономической системы.

В-третьих, указывалось на необходимость проработать вопрос о пожертвованиях от иностранных религиозных организаций и частных лиц, в том числе от живущих за границей китайцев, чтобы исключить возможность использовать религию для контроля над китайскими организациями извне.

В-четвертых, для достижения этой цели предписывалось повышать качество образования религиозного персонала, в религиозных организациях учреждать местные партийные комитеты для укрепления руководства, на местах иметь хотя бы одного специалиста, разбирающегося в религиозной политике партии и знакомого с религиозной ситуацией, а также периодически проводить проверки со стороны соответствующих государственных органов.

Наконец, в-пятых, уточнялось, что религиозным организациям следует передавать именно те объекты, в которых реально ведется религиозная деятельность и которые после образования КНР в 1949 г. были официально признаны находящимися в ведении буддийских и даосских организаций, однако не подлежат передаче объекты, которые долгое время находились в ведении и пользовании государственных органов, армии или использовались для нужд производства, а также те, от которых остался только фундамент.

Положения этого внутреннего партийного отчета были доработаны и в 1991 г. перенесены в Циркуляр ЦК КПК и Государственного совета по некоторым вопросам дальнейшего совершенствования религиозной работы (中共中央、国务院关于进一步做好宗教工作若干问题的通知), известный также как Документ № 6 [Zhonggong..., 2013, pp. 141–153]. В нем перечислялись основные проблемы работы в сфере религии: деятельность враждебных сил за пределами Китая и этнических сепаратистов, которые используют религию для проникновения в страну, саботажа, подстрекательства к беспорядкам и нападкам на руководство партии и социалистическую систему; активность враждебных элементов, создающих незаконные организации и конкурирующих с партией за руководство храмами и культовыми сооружениями; незаконное создание школ по изучению священных писаний, монастырей и семинарий, в результате чего возникает конкуренция с партией за молодежь.

Для противодействия этим тенденциям предлагается правильно выстроить работу в религиозной сфере, сохранять в ней жесткую преемственность и последователь-

но реализовывать политику партии. Предлагалось развивать работу, придерживаясь шести изложенных ниже основных направлений.

- Осуществление нормальной религиозной деятельности должно находиться под защитой государства, никто не вправе использовать религию для противодействия руководству со стороны партии и социалистическому строю, для нарушения национального единства, социальной стабильности и национальной солидарности.
- Управление религиозными делами находится исключительно в ведении правительства, поэтому все места осуществления религиозной деятельности должны быть зарегистрированы в соответствии с законом, а проповедническая деятельность самозванных проповедников, незаконные школы, семинарии и теологические колледжи запрещены, китайские религиозные организации должны придерживаться принципа автономии и не могут управляться из-за границы, в связи с чем не разрешается принимать религиозные пособия и другие материалы без одобрения соответствующими [партийными и государственными] организациями.
- Полноценная роль патриотических религиозных групп является важной организационной гарантией реализации религиозной политики партии и нормализации религиозной деятельности, поскольку эти группы являются связующим звеном между партией и правительством в деле объединения и просвещения верующих.
- Необходимо принимать решительные меры к тому, чтобы религиозная деятельность не нарушала общественный порядок, не подрывала национальное единство; незаконные религиозные организации должны быть запрещены.
- Большое значение следует придавать подготовке кадров для работы в области религии и постоянно повышать уровень их знаний в религиозной теории, марксистской философии и политике партии.
- Руководство работой в области религии со стороны партии носит политический характер, и для углубления этой работы следует укреплять контакты с представителями религиозных организаций, выслушивать их мнения и знакомить их с руководящими принципами и политикой партии.

Таким образом, оба документа подчеркивали необходимость строгого контроля над религиозной деятельностью, чтобы обеспечить соответствие религиозных практик государственной политике и законам, говорили о важности предотвращения распространения религиозных идей, которые могли бы подрывать социальную стабильность и политический порядок, а также подчеркивали необходимость повышения уровня образования религиозных лидеров и их подготовки в соответствии с государственной политикой и идеологией.

Следует также отметить, что в документах используется понятие «нормальная религиозная деятельность», которое обычно не определяется, однако из логики текста понятно, что это такая деятельность, которая санкционирована государственной властью, обусловлена прежде всего политическими соображениями и только во вторую очередь связана с собственно религиозными задачами.

На фоне принятия документов, четко регламентирующих требования к деятельности религиозных организаций, и после определенной либерализации политического курса число верующих, принадлежащих к признанным в Китае конфессиям, стало увеличиваться, при этом наибольший рост показывали христиане.

Рост числа верующих привел к ужесточению политики в отношении религиозных организаций и особенно внешних по отношению к Китаю христианских конфессий. В 1989 г. был опубликован Циркуляр об усилении контроля над Католической церковью в соответствии с новой ситуацией (Документ № 3) [Circular..., 2000, pp. 49–55; Chu, 2012, pp. 60–67], в котором подчеркивалось, что до 1949 г. империалистические государства и Ватикан полностью контролировали Католическую церковь в Китае, однако создание после образования КНР Китайской католической патриотической ассоциации (ККПА) позволило освободиться от внешнего влияния.

Дальнейшее развитие политики Китая в отношении религии выразилось в издании Госсоветом Документа № 144 – Положения об управлении религиозной деятельностью иностранцев на территории КНР (中华人民共和国境内外国人宗教活动管理规定) [Zhonghua renmin..., 1994, pp. 48–49] и Документа № 145⁴ – Положения об управлении местами религиозной деятельности (宗教活动场所管理条例) [Zongjiao huodong..., 1995, p. 1].

Документ о регламентации религиозной деятельности иностранцев действует по сей день. Его составляют только 13 статей. Он предоставляет иностранцам право на свободу религиозных убеждений (ст. 1), предусматривает поддержку и поощрение китайским государством международных культурных и академических обменов в религиозной сфере (ст. 2), по этой причине предоставляет иностранцам право принимать участие в религиозной деятельности на территории Китая (ст. 3) и даже проводить религиозные мероприятия, но только в местах, одобренных соответствующим департаментом по делам религий (ст. 4). Иностранцы могут привозить религиозную литературу и аудиовизуальную продукцию только для собственного пользования, им запрещен ввоз материалов, содержание которых угрожает интересам китайского общества (ст. 6).

Важнейшим положением является запрет для иностранцев на создание религиозных организаций или мест религиозной деятельности, руководство религиозными учебными заведениями, назначение священнослужителей и занятия любой миссионерской деятельностью (ст. 8). В случае нарушения этих требований к иностранцу применяются соответствующие нормы китайских законов (ст. 9).

Таким образом, документ продолжил тенденцию к ограничению религиозной деятельности иностранцев в Китае. Результатом его принятия стала необходимость для иностранных граждан регистрироваться и получать официальные разрешения для проведения религиозных мероприятий, получать специальное разрешение на распространение религиозной литературы. Иностранцам было разрешено сотрудничать исключительно с официально признанными религиозными организациями в Китае, что

---

⁴ Нормативные акты об управлении местами религиозной деятельности в Китае со временем проделали определенную эволюцию, поэтому подробнее об этом Положении будет сказано ниже. Его последняя редакция вступила в силу в 2023 г.

делало невозможным для них участие в религиозных собраниях вне официально определенных мест.

В более жесткой форме выражаются опасения по отношению к религии во внутренних партийных документах того времени [Luo Shugang, 1996, pp. 11–13]. Их главная идея состоит в том, что религия используется международными подрывными силами для вестернизации и разделения Китая, а также в том, что ключевым средством, используемым капиталистическим Западом для свержения правительств социалистических государств, является поддержка дестабилизирующих обстановку религиозных сил, поддержка религиозного плюрализма, использование религии для проникновения чуждых элементов на территорию страны, как произошло, в частности, в СССР в 1980-е годы.

Исходя из изложенных выше соображений, руководство КПК озвучило идею о необходимости побуждать религии к адаптации к социалистическому обществу. Для этого религии должны претерпеть теологические, концептуальные и организационные изменения, а верующие в результате такой адаптации должны поддерживать руководство КПК, идти по пути социализма и действовать в рамках закона. Такой взгляд на религию преобладал в периоды руководства Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао.

Дальнейшие изменения государственной политики в отношении религиозных организаций связаны с периодом пребывания Си Цзиньпина на высших партийном и государственных постах и понятием «китаизация религии» (宗教中国化). Отправной точкой этих изменений принято считать апрель 2016 г., когда Си Цзиньпин сделал доклад на Всекитайском совещании по религиозной работе [Xi Jinping zài..., 2016, p. 001]. С его точки зрения, адаптация религий к реалиям социалистического общества заключается в том, чтобы верующие служили высшим интересам государства и общим интересам китайской нации, поддерживали руководство КПК и социалистическую систему с китайской спецификой, активно исповедовали основные социалистические ценности⁵.

Кроме того, была озвучена идея о том, что социалистические базовые ценности должны стать руководством для воспитания религиозных деятелей и верующих. При сохранении основных верований, доктрин и ритуальных систем в религиях должны получить развитие те идеи, которые соответствуют требованиям развития и прогресса современного Китая.

Подробный анализ того, что собой представляет политика «китаизации» религии, не является целью настоящей статьи, поэтому мы вернемся к вопросу о том, какими нормами сегодня руководствуется КНР в управлении религиозной сферой. Наиболее значимыми здесь являются Положение о религиозной деятельности и Меры по управлению местами религиозной деятельности.

---

⁵ Следует подчеркнуть, что политика «китаизации религии» Си Цзиньпина не стала принципиально новой, поскольку идеи адаптации религии к конкретным современным условиям и использование религии как ресурса для строительства современного социалистического общества так или иначе уже присутствовала и в Документе № 19, и в Документе № 3, и затем в докладах Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао по религиозным вопросам. После прихода Си Цзиньпина к власти эти идеи и требования к их реализации конкретизируются и уточняются.

Положение о религиозной деятельности

Для дальнейшего упорядочения работы с религиозными организациями в 2004 г. был принят нормативный акт – Положение о религиозной деятельности (宗教事务条例) [Zongjiao shiwu..., 2013, pp. 209–222], отменивший действие Документа № 145. Положение о религиозной деятельности 2005 г. в 2018 г. сменил новый акт с таким же названием. Вполне логично, что последняя версия является более объемной и детализированной.

Формально в Положении 2018 г. 77 статей и девять разделов: «Общие положения», «Религиозные организации», «Религиозные колледжи и университеты», «Места религиозной деятельности», «Религиозный персонал», «Религиозная деятельность», «Религиозная собственность», «Юридическая ответственность» и «Дополнительные положения». В версии 2005 г. было 48 статей и семь разделов (отсутствовали разделы «Религиозные колледжи и университеты» и «Религиозная деятельность»).

В целом можно сказать, что основные различия между документами 2005 и 2018 гг. отражают изменения в подходе китайского правительства к управлению религиозной деятельностью и усилению контроля над религиозными организациями, а также тенденцию к повышению прозрачности религиозной деятельности и предотвращению таких ее проявлений, которые могут быть восприняты как угроза государственной безопасности или идеологии.

Нормы Положения 2018 г. значительно усилили контроль и надзор за религиозной деятельностью, предусмотрев более строгие требования к регистрации и отчетности. Устрожаются также требования к финансовой отчетности и управлению ресурсами религиозных организаций. Теперь последние обязаны предоставлять подробные отчеты о своих финансовых операциях и источниках финансирования, что позволяет государству лучше контролировать их финансовую деятельность.

Нормы 2018 г. включают новые правила, касающиеся религиозной деятельности в Интернете. Были введены ограничения на распространение религиозного контента в сети, а также требования к регистрации и лицензированию онлайн-ресурсов, связанных с религиозной деятельностью. Документ уделяет больше внимания образовательным программам для религиозных кадров, устанавливая стандарты для их подготовки и обучения и обязывая религиозные образовательные организации внедрять особую систему квалификации преподавателей и оценки знаний студентов.

В 2018 г. еще более усилился акцент на борьбе с религиозным экстремизмом и предотвращении использования религии для подрыва государственной безопасности, были детализированы санкции и наказания за нарушения установленных властями правил.

Места религиозной деятельности

Первым вариантом нормативного акта, регулирующего порядок создания и функционирования так называемых мест религиозной деятельности, то есть любых зданий и помещений, в которых такая деятельность осуществляется, был упоминавшийся

ся выше Документ № 145. Он содержит всего 20 статей, определяющих наиболее общие рамки законодательного регулирования в данной области организации религиозной жизни. Суть его состоит в положениях о том, что государство защищает нормальную религиозную деятельность, которая должна вестись в соответствии с законами Китая, соответствующие места не могут находиться в управлении каких бы то ни было иностранных организаций, должны в обязательном порядке пройти регистрацию, могут вести хозяйственную и коммерческую деятельность и обязаны отчитываться перед соответствующими государственными органами.

В данный момент очевидно, что документы, регулирующие правовое положение мест религиозной деятельности и определяющие требования к ним, в некоторых вопросах дублируют друг друга, а потому следует прояснить хронологию издания этих актов.

Итак, принятый в 1994 г. Документ № 145 был в 2005 г. заменен обобщающим Положением о религиозной деятельности, которое в том же году было дополнено документом под названием Меры по созданию, утверждению и регистрации мест религиозной деятельности (宗教活动场所设立审批和登记办法). В 2018 г. появилась новая версия Положения о религиозной деятельности, которое в 2023 г. было дополнено Мерами по управлению местами религиозной деятельности (宗教活动场所管理办法) [Zongjiao huodong..., 2023, pp. 5–13].

Проект последнего документа с 24 марта по 24 апреля 2023 г. проходил публичное обсуждение и вступил в силу с 1 сентября 2023 г. Прежняя редакция содержала всего 15 статей и предусматривала только самые общие нормы, поэтому правомерно заключить, что в 2023 г. принят совершенно новый акт.

Текст документа содержит 76 статей, которые группируются по следующим разделам: «Общие положения», «Разрешение на создание и регистрация», «Управляющая организация», «Управление персоналом», «Управление религиозной деятельностью», «Управление строительством», «Управление безопасностью, надзор и управление, юридическая ответственность».

В ст. 2 определяется понятие «места религиозной деятельности»; под ним понимаются монастыри, храмы, мечети, церкви и другие стационарные места религиозной деятельности, зарегистрированные в соответствии с Положением о религиозной деятельности и другими актами.

Ст. 3 определяет требования политико-идеологического характера к местам религиозной деятельности (по сути, к их руководству и персоналу): они должны поддерживать руководство КПК, социалистическую систему, реализовывать идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, соблюдать Конституцию, принципы независимости, автономии и самодостаточности, а также охранять национальное единство, государственное единство, религиозную гармонию и социальную стабильность.

Ст. 6 предусматривает создание в местах религиозной деятельности управляющих организаций и осуществление «демократического управления» ими. Между отдельными местами религиозной деятельности не должно быть аффилированности.

Согласно ст. 8, место религиозной деятельности создается при соблюдении следующих условий: цель его создания не противоречит положениям ст. 4 и 5 Положе-

ния о религиозной деятельности; определенное число местных верующих граждан имеет потребность в регулярном осуществлении коллективной религиозной деятельности; имеется религиозный учитель, который намерен руководить религиозной деятельностью, или другой персонал в соответствии с нормами и правилами, принятыми для национальной религиозной группы данного вероисповедания; оно располагает необходимыми средствами, и источники средств являются законными; планировка такого места является обоснованной и соответствует требованиям территориального планирования и экологической защиты окружающей среды.

Ст. 9 предусматривает, что для подготовки к созданию места религиозной деятельности религиозная группа должна подать заявление в управление по делам религий того уезда, на территории которого предполагается осуществлять соответствующую деятельность.

Ст. 12–17 определяют правила подачи заявок на регистрацию и ее порядок. Управление по делам религий на уровне округа в течение 30 рабочих дней со дня получения заявления представляет свое заключение о рассмотрении и утверждении и сообщает его в управление по делам религий на уровне муниципалитета округа. Городское управление по делам религий в течение 30 рабочих дней со дня получения материалов, представленных уездным управлением по делам религий, принимает решение о согласовании или несогласовании заявки на создание иных стационарных мест религиозной деятельности, о чем сообщает в провинциальное управление по делам религий для учета; заявка на создание монастырей и церквей направляется на рассмотрение и согласование в провинциальное управление по делам религий. Провинциальные управления по делам религий в течение 30 рабочих дней со дня получения материалов, представленных муниципальными управлениями по делам религий, принимают решение о согласовании или несогласовании (с. 12).

Решение вопросов, связанных с подготовкой к созданию места религиозной деятельности, должно быть завершено в течение утвержденного срока подготовки к его созданию. Срок подготовки, как правило, не должен превышать пяти лет. Подготовительная организация обязана незамедлительно сообщить о ходе подготовки в отдел по делам религий на уровне уезда, в котором находится место учреждения (с. 13). До регистрации места религиозной деятельности всю ответственность за ход работы несет подготовительная организация, и под руководством местной религиозной группы путем демократических консультаций создается орган управления местом религиозной деятельности (ст. 14). Регистрирующий орган в течение 30 рабочих дней со дня получения заявления рассматривает и утверждает название места, организацию управления им, правила, нормы и другие регламенты, касающиеся места религиозной деятельности, и если оно соответствует необходимым условиям, то совершается регистрация места религиозной деятельности и выдается соответствующее свидетельство. Место религиозной деятельности не может осуществлять религиозную деятельность до получения свидетельства о регистрации (ст. 17).

Управляющая организация места религиозной деятельности формируется на основе демократических консультаций и состоит из священнослужителей, представителей верующих граждан, проживающих в данном районе, и других заинтересованных лиц. Управляющая организация состоит не менее чем из трех членов, один из

которых является руководителем (ст. 24). Члены управляющей организации места религиозной деятельности должны обладать следующими основными качествами: любить родину, поддерживать руководство Коммунистической партии Китая и социалистическую систему; соблюдать Конституцию, законы, постановления, правила и инструкции, а также соответствующие положения об управлении религиозными делами; соблюдать нормы и правила, сформулированные религиозной группой данного вероисповедания и местом, где осуществляется религиозная деятельность; обладать определенными религиозными знаниями, организаторскими и управленческими способностями; придерживаться должного стиля работы, быть порядочным, справедливым и обладать высоким чувством ответственности (ст. 27).

Места отправления религиозного культа устанавливают систему оценки членов управляющих организаций и незамедлительно корректируют тех членов, которые некомпетентны или не выполняют свои обязанности в соответствии с положениями закона (ст. 28). Управляющая организация места религиозной деятельности выполняет следующие обязанности: объединять и воспитывать религиозных граждан в духе любви к Родине, поддержки руководства КПК, исповедования основных социалистических ценностей, следования курсу на китаизацию религии в Китае, соблюдения Конституции, законов, постановлений, правил и положений и соответствующих положений об управлении религиозными делами; выполнять нормы и правила, сформулированные религиозными группами данной конфессии; создавать и совершенствовать систему управления персоналом, финансами, имуществом, бухгалтерией, архивами, общественной безопасностью, пожарной охраной, охраной культурных реликвий, безопасностью и гигиеной питания, профилактикой эпидемий в данном месте; управление духовенством и другим персоналом данного места (ст. 30).

Места религиозной деятельности обязываются создавать и совершенствовать систему управления персоналом, регулировать религиозную деятельность персонала (ст. 32); завести личные дела на религиозный персонал и в течение 30 дней направить их в местные религиозные группы и регистрационные органы для внесения записей о приеме, изменении, наказании сотрудников и другой соответствующей информации (ст. 35); создать систему обучения и организовывать регулярное изучение персоналом руководящих принципов и политики КПК, национальных законов и правил, китайской традиционной культуры (ст. 36), поощрять и поддерживать участие своего персонала в учебных мероприятиях, организуемых религиозными группами, религиозными колледжами и университетами, а также соответствующими органами власти.

Особое внимание обращается на необходимость участия мест религиозной деятельности в усилении пропаганды и воспитания чувства общности китайской нации, укрепляют использование общего языка и письменности государства, способствуют национальному единству и прогрессу, ориентируют религиозных граждан на повышение национального самосознания, гражданственности, правильное разграничение национальных обычаев и религиозных верований, недопущение использования религии для вмешательства в административную, судебную, образовательную и общественную жизнь (ст. 40).

Местам религиозной деятельности предписывается в архитектуре, скульптуре, живописи, декоре и других аспектах убранства быть интегрированными в китайскую

культуру, отражать китайский стиль. Запрещается возводить большие религиозные статуи под открытым небом за пределами храмов и церквей (ст. 50). Ст. 56 обязывает места религиозной деятельности создавать и совершенствовать систему управления безопасностью, внедрять систему ответственности за безопасность, проводить регулярные обучающие мероприятия для обеспечения личной безопасности, безопасности имущества и религиозной деятельности. Следует пресекать незаконную религиозную деятельность, противодействовать религиозно-экстремистским идеям, не допускать использования религии иностранными силами для проникновения в Китай (ст. 56).

Места религиозной деятельности должны иметь кураторов, осуществляющих надзор за организацией управления соответствующими местами и их персоналом в части соблюдения законности, а также правил и норм, сформулированных религиозной организацией. При проведении собрания управляющей организации места религиозной деятельности должны присутствовать кураторы (совет кураторов). Кураторы избираются местными религиозными группами, представителями верующих граждан и органами регистрации и управления, срок их полномочий совпадает со сроком полномочий членов управляющей организации и может быть переназначен по истечении срока их полномочий. Члены управляющей организации, их близкие родственники и финансовые работники не могут выполнять функции кураторов (ст. 65).

В новом тексте можно выделить несколько тенденций.

- Ужесточение требований к религиозным организациям по поддержке руководства КПК, социалистической системы, реализации идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, а также по охране национального и государственного единства, обеспечении религиозной гармонии и социальной стабильности.
- Ужесточение требований по китаизации соответствующих религиозных конфессий.
- Многократное увеличение сроков регистрации новой организации. Подготовка к ее созданию может занимать до семи лет, при этом организация в течение всего подготовительного периода не может вести никакую деятельность.
- Усиление контроля за религиозными организациями как со стороны государственной администрации, так и со стороны верующих.
- Рост числа требований по проведению обязательных мероприятий с целью ознакомления работников религиозных организаций и верующих с политикой КПК.
- Ужесточение контроля за финансовой деятельностью и усиление бдительности в отношении иностранных учителей, кроме того, отдельно оговаривается невозможность использования религии иностранными силами для проникновения в Китай, а также проведения любых мероприятий через сеть Интернет.
- Тенденция к изменению внешнего вида культовых сооружений с тем, чтобы они меньше выделялись в городской среде и в большей степени использовали китайские элементы в архитектуре.

Примечательно, что в тексте документа используется словосочетание «религиозные чувства верующих» (信教公民宗教感情) (ст. 58), которое также используется в Российской Федерации и, по мнению некоторых исследователей (см. [Kolkunova, 2020, p. 64]), стало использоваться В.И. Лениным еще в 1918–1921 гг.⁶

Кроме того, в 2023 г. вопросы религии были затронуты и в иных документах. Так, 16 октября ЦК КПК опубликовал «Национальный план образования и подготовки кадров на 2023–2027 гг.» (中共中央印发《全国干部教育培训规划(2023–2027年)》) [Zhonggong zhongyang..., 2023, p. 1], в котором вопросам религии хотя уделено и не слишком много места, однако продемонстрировано, что они становятся устойчивой и важной темой применительно к задачам подготовки кадров.

24 октября был опубликован новый Закон о патриотическом воспитании (中华人民共和国爱国主义教育法) [Zhonghua renmin..., 2023, pp. 771–775]. Его текст также предлагает вполне стандартные формулировки, гласящие, что «патриотическое воспитание должно высоко поднимать великое знамя социализма с китайской спецификой», «придерживаться идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху», «поддерживать руководящую роль КПК» и т.п. (ст. 22).

Содержание рассмотренных документов свидетельствует, что положительная роль религиозных организаций как орудий патриотического воспитания признается только в рамках адаптации к социализму с китайской спецификой. Это предполагает усиление курса на китаизацию религии.

Пятилетние планы китаизации религии

В связи с расширением политики китаизации религии следует обратить внимание на изменения в пятилетних планах соответствующей деятельности для каждой общегосударственной религиозной организации Китая, впервые принятых в 2018–2019 гг.: «Основные положения пятилетнего плана работы по китаизации даосизма (2019–2022 гг.)» (坚持道教中国化方向五年工作规划纲要 (2019–2022)) [Jianchi daojiao..., 2019, pp. 11–16], «Основные положения пятилетнего плана работы по китаизации буддизма (2019–2022 гг.)» (坚持佛教中国化方向五年工作规划纲要 (2019–2023)) [Jianchi fojiao..., 2019, pp. 22–28], «Основные положения пятилетнего плана работы по китаизации ислама (2018–2022 гг.)» (坚持我国伊斯兰教中国化方向五年工作规划纲要 (2018–2022)) [Jianchi woguo yisilan..., 2019, pp. 5–8], «Пятилетний план работы по продвижению китаизации католицизма (2018–2022 гг.)» (推进我国天主教坚持中国化方向五年工作规划 (2018–2022)) [Tuijin woguo tianzhujiao..., 2018, pp. 6–11], «Пятилетний план работы по продвижению китаизации христианства (2018–2022 гг.)» (推进我国基督教中国化五年工作规划纲要 (2018–2022)) [Tuijin woguo jidujiao..., 2018].

⁶ Ленин, выступая на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г., отметил: «Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства» (цит. по [Смирнов, 2011, p. 111]; см. также [Ленин, 1969, p. 186]).

Эти документы можно разделить на три группы. Первая из них посвящена даосизму как исконно китайской религии и буддизму, который существует на территории Китая издревле и потому считается вполне китайским⁷. Вторая группа документов относится к исламу как религии, которая проникла на территорию страны так же достаточно давно, более тысячи лет назад, и с которой связаны определенные национальные и социальные проблемы, особенно в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Третью группу составляют католицизм и протестантизм как внешние для Китая религии.

В тот период основные требования к китаизации предполагали, что все религиозные организации должны следовать политическому руководству Коммунистической партии Китая, придерживаться курса партии в вопросах религиозной работы, опираться на ключевые идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, воплощать дух XIX Всекитайского съезда КПК, принимать социалистические ценности в качестве основного принципа своей деятельности. Кроме того, религиозным организациям предписывалось адаптироваться к современному социалистическому обществу, продвигать идею верховенства закона и активно участвовать в благотворительной деятельности.

Кроме того, религиозным организациям предписывалось продвигать идеи патриотизма и идею единства китайской нации, избегать любого иностранного влияния, постоянно делая упор на самостоятельности религии в Китае, а также воспитывать «религиозные таланты», то есть людей, профессионально владеющих как политико-идеологическим, так и религиозным инструментарием для более глубокого следования политике китаизации в будущем.

К отдельным конфессиям предъявлялись и особые требования.

Для даосизма – это модернизация, борьба с ростом коммерциализации, стандартизация обрядовой системы [Jianchi daojiao..., 2019, p. 13]; для буддистов – контроль коммерциализации, развитие «гуманистического» буддизма, следование исключительно китайскому вектору развития буддизма в стране и мире [Jianchi fojiao..., 2019, p. 25]. От мусульман требуется противодействие получаемой извне религиозно-экстремистской идеологии, недопущение использования религии для вмешательства в общественную жизнь, отказ чрезмерного обобщения понятия «халаль», которое не может распространяться ни на что более, кроме как на используемые в пищу продукты; улучшение качества образования в учебных заведениях, создание китайских толкований Корана и хадисов в соответствии с требованиями современного китайского общества и традиционной китайской культуры, максимальное использование китайских элементов в архитектуре [Jianchi woguo yisilan..., 2019, pp. 6–7].

От католиков власти требуют большей степени политической, правовой и социальной интеграции, поддержки независимости церкви в Китае; формирование китайской католической истории, богословской мысли с китайской спецификой, обязательное привнесение китайских элементов в литургическую жизнь и формирование собственной литургической традиции; создание собственного церковного стиля с преоб-

⁷ Относительное расположение властей КНР к китайскому буддизму не распространяется на северный (тибетский) буддизм, который исповедуется главным образом в Тибете и Внутренней Монголии; данная ветвь буддизма контролируется властями особенно тщательно.

ладанием китайской эстетики в музыке, живописи, архитектуре (в порядке противостояния вестернизации) [Tuijin woguo tianzhujiao..., 2018, pp. 7–8].

Протестантов обязывают формировать собственную богословскую систему, проводить собственные исследования Библии и создавать систему толкований, соответствующих современному развитию Китая и социалистической системе с китайской спецификой, пропагандировать широкое включение китайских элементов в богослужение, музыку, живопись, архитектуру [Tuijin woguo jidujiao..., 2018].

Таким образом, общей установкой всех пятилетних планов китаизации религий с 2018/2019 по 2023 г. было следование курсу партии в религиозной работе и выстраивание собственных, имеющих яркую китайскую специфику религиозных систем для всех религиозных организаций.

В 2023 г. все пять таких общегосударственных организаций разработали новые пятилетние планы на 2023–2027 гг.

Все их объединяет увеличение объема политической терминологии, акцент на необходимость придерживаться руководства «Идей о социализме с китайской спецификой в новую эпоху»⁸ Си Цзиньпина, требования внимательно изучать и претворять в жизнь дух XX Всекитайского съезда КПК, следовать положениям «двух установлений»⁹ (两个确立) и «двух гарантий»¹⁰ (两个维护), а также «четырех осознаний»¹¹ (四个意识) и «четырех уверенностей в себе»¹² (四个自信). В русле дальнейшего развития политики китаизации снова озвучивается необходимость руководствоваться социалистическими ценностями и адаптировать религию к ним, укреплять патриотические тенденции и чувство общности китайской нации, а также концепцию верховенства закона. Иными словами, подтверждается, что китаизация религии – это прежде всего политический процесс, целью которого является укрепление руководящей позиции партии во всех сферах общественной жизни.

⁸ «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху представляют собой продолжение и развитие положений марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, важной идеи „трех представительств“ и концепции научного развития. Это новое достижение в китаизации марксизма, квинтэссенция практического опыта партии и народа и их коллективной мудрости». См.: URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2018-10/23/content_67737165.htm (дата обращения 01.03.2024). В 2017 г. на XIX съезде КПК Си Цзиньпин в докладе впервые выдвинул идею о социализме с китайской спецификой в новую эпоху. Затем эти идеи Си были внесены в Устав КПК, а затем и в Конституцию КНР (2018).

⁹ Основной смысл «двух установлений» заключается в утверждении статуса Си Цзиньпина в качестве «ядра ЦК партии и партии в целом», а также в установлении руководящего статуса «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху».

¹⁰ Под «двумя гарантиями» подразумевается сохранение позиции генерального секретаря Си Цзиньпина как «ядра партии», а также сохранение авторитета и централизованного руководства ЦК партии.

¹¹ Под «четырьмя сознаниями» подразумеваются политическое сознание (политическое мышление, политические взгляды, отношение к политическим явлениям и их оценка), сознание общей ситуации (способность исходить из интересов объективного целого, «стоять в общей перспективе»), «осознание ядра» (приверженность руководству со стороны КПК) и осознание согласованности [с партией] (сделать себя достойным участия в реализации политики партии).

¹² «Четыре уверенности в себе» – это уверенность в пути, теории, системе и культуре социализма с китайской спецификой.

Общим местом во всех пяти планах является тенденция на максимальное увеличение числа элементов традиционной китайской культуры в работе любой религиозной организации и укрепление принципов «пяти идентичностей»¹³ (五个认同). В связи с этим религиозные организации должны создать систему по возвращению «религиозных талантов» (人才队伍) и даже создания соответствующих баз данных (это предусмотрено в планах для даосизма) [Jianchi daojiao..., 2019, p. 15; Jianchi fojiao..., 2019, p. 26; Jianchi woguo yisilan..., 2019, p. 8; Tuijin woguo jidujiao..., 2018].

Интересно отметить, что в новых планах китаизации даосизма [Shenru tuijin woguo daojiao..., 2024], буддизма [Shenru tuijin woguo fojiao, 2023, pp. 40–47] и ислама [Shenru tuijin woguo yisilan..., 2023, pp. 16–20] отмечается выполнение основных задач предыдущих планов в целом, из чего следует необходимость дальнейшего продвижения и углубления начатой работы.

Для даосов выдвигаются требования к росту самостоятельности организации и повышению эффективности ее самоуправления, а также к толкованию религиозных доктрин в соответствии с потребностями развития и прогресса в современном Китае. В разделе 3 «Основные задачи» предлагается добиваться стандартизации деятельности религиозных организаций и системы образования, формирования команды даосских преподавателей, которые будут политически надежными, религиозными, морально убедительными и полезными в будущем [Shenru tuijin woguo daojiao..., 2024].

Буддистам, помимо выдвинутой в предыдущем плане задачи построения идеологии гуманистического буддизма и упорядочения ритуальной жизни, теперь (раздел 3 «Ключевые направления работы») предписывается укрепление руководства преподавательской деятельностью и усиление академической работы в сферах современного перевода и комментирования буддийской классики в соответствии с государственной доктриной [Shenru tuijin woguo fojiao, 2023, p. 42].

Стоит отметить, что в новом плане китаизации ислама вновь идет речь о необходимости противодействия экстремизму, для чего следует укреплять чувства патриотизма и общности китайской нации, создавать новые комментарии базовых религиозных текстов, укреплять систему образования через стандартизацию преподавания и учебных материалов, и также надзор над исламским духовенством [Shenru tuijin woguo yisilan..., 2023, pp. 17–18].

Наконец, в нынешних планах по китаизации протестантизма и католицизма не говорится об успешности реализации предыдущих. Для католицизма предлагается продолжить уже начатую работу: содействовать формированию китайских особенностей в области религиозной доктрины, литургической практики и церковного искусства, продвижению теологической дискуссии о китаизации католицизма, продолжение строительства китайского католицизма, интегрированного с традиционной китайской культурой и совместимого с социалистическим обществом.

В рамках китаизации католицизма планируется поощрять пресвитеров и мирян включать в ежедневную молитвенную практику церкви молитвы о процветании родины и благополучии народа, чтобы развивать и укреплять семейные и национальные

¹³ То есть идентификации с китайской нацией, социализмом с китайской спецификой, с китайской культурой, с Великой Родиной и партией.

чувства духовенства и верующих (пункт 22 документа) [Shenru tuijin woguo tianzhijiao..., 2024].

В пятилетний период планируется создать группу по вопросу китаизации церковной архитектуры, «собрать воедино китайские формы», используемые в общей планировке существующих в Китае церквей, пригласить экспертов для разработки моделей китайской архитектуры для использования во вновь строящихся или ремонтируемых храмах.

Нужно подчеркнуть, что в новом плане китаизации католицизма отсутствует акцент на достижении абсолютной независимости Католической церкви в Китае от Ватикана. Особенно этот факт интересен на фоне заключенного в 2018 г. «Временного соглашения между Святым престолом и КНР о назначении епископов» [Provisional..., 2018] и некоторого налаживания отношений между сторонами. Вероятно, ослабление риторики о независимости Католической церкви в Китае было связано с необходимостью продлевать указанное соглашение в 2024 г., но определенно утверждать это невозможно, поскольку текст документа не был опубликован (хотя соглашение пролонгировалось в 2020 и 2022 гг.).

В новом плане китаизации протестантизма прямо говорится о недостатках в выполнении предыдущего плана. Сообщается, что некоторые пасторы не очень хорошо понимают концепцию, смысл и конкретные требования китаизации христианства, иногда лишь формально соблюдают предъявляемые к этой работе требования [Shenru tuijin woguo jidujiao..., 2024, p. 4]. Отмечается также нехватка «танталов», хорошо знающих и религиозную классику, и традиционную китайскую культуру, что не позволяет церкви в Китае предлагать толкования религиозных доктрин, соответствующие требованиям времени (пункты 25–28). Озвучивается идея о том, что китаизация протестантизма – это, по сути, глубокая самокоррекция, реформа устаревших концепций, не соответствующих времени и интерпретациям библейских принципов в духе социализма (раздел 1 «Общие требования») [Shenru tuijin woguo jidujiao..., 2024, p. 5].

Для протестантских церквей в Китае выдвигаются требования масштабного использования китайского языка в богослужении, глубокого изучения библейского текста и вычленения отрывков, совместимых с основными социалистическими ценностями, интеграции социалистических ценностей в проповеди (разделы 2 «Целевые принципы», 3 «Основные задачи» (пункты 5–6)) [Shenru tuijin woguo jidujiao..., 2024, pp. 5–6].

Предполагается, что основная работа будет нацелена на китаизацию богословской мысли. В связи с этим планируется сформировать «взгляд на Бога», присущий именно китайской церкви, постепенно пытаться выстроить китайскую христологию (п. 38) и соответствующие национальным традициям и библейскому учению гуманистические принципы, а также китайскую экклезиологию (п. 44) [Shenru tuijin woguo jidujiao..., 2024, pp. 8–9].

Регулирование религиозной ситуации в Тибете

В 2023 г. была опубликована Белая книга «Практическая реализация генерального плана Коммунистической партии Китая по управлению Тибетом в новую эпоху

и исторические достижения партии» (新时代党的治藏方略的实践及其历史性成就) [Xin shidai..., 2023, p. 1]. Она во многом развивает перечисляемые ниже руководящие принципы КПК по управлению Тибетом в новую эпоху, принятые в 2020 г. на 7-м Всекитайском совещании.

- Поддерживать руководство КПК, социализм с китайской спецификой и систему региональной этнической автономии.
- Придерживаться стратегии, согласно которой стабильность в Тибете имеет первостепенное значение для управления приграничными районами и страной в целом.
- Сосредоточиться на сохранении национального и укреплении этнического единства.
- Придерживаться политики китаизации религий и управлять религиозными делами в соответствии с законом.
- Усилить партийное и политическое строительство.

Религиозным и этническим вопросам в документе посвящен третий раздел. В нем подтверждается, что формирование чувства единства китайской нации (中华民族) – это главный приоритет партии в «урегулировании (治理) этнических вопросов» в новую эпоху и стратегическая задача руководства Тибета.

«Урегулирование религиозных вопросов» (букв. «управление религиозными вопросами». – *О.С*) должно осуществляться в соответствии с законом, в условиях поддержания стабильности в религиозной сфере и постоянной работы по реализации политики китаизации религии. Более того, в документе подчеркивается, что процедура отбора хубилганов – реинкарнированных «живых будд» (включая Далай-ламу) – это важная для современного Китая практика. Согласно принятому в 2007 г. документу, отбор хубилганов должен осуществляться в пределах Тибета с санкции правительства. В 2016 г. была запущена онлайн-система, позволяющая получать информацию о «живых буддах». К концу 2022 г. утвержденных и считающихся прошедшими реинкарнацию «живых будд» насчитывали 93.

Были изданы и введены в действие документы Меры для Тибетского автономного района по реализации Положения о религиозных делах и Меры для Тибетского автономного района по управлению основными видами религиозной деятельности. Кроме того, проводилась работа по повышению уровня осведомленности религиозных групп о том, что их деятельность должна осуществляться в соответствии с законами и правилами. Это подразумевает последовательное проведение политики китаизации религии, воспитания патриотизма и подготовки «религиозных талантов», которые могли бы вести и религиозную, и политическую работу на местах.

Таким образом, никаких изменений в политике Китая относительно Тибета не предвидится, любые изменения будут делаться в сторону более жесткого следования правилам правительства, следовательно, уровень критики Китая со стороны Запада также будет нарастать.

Заключение

С момента образования КНР в 1949 г. политика государства в отношении религии номинально основывалась на принципе свободы исповедания и отсутствия принуждения к религии или атеизму. Реализация такой политики прервалась в период гонения на религии в период «культурной революции» и была возобновлена после провозглашения политики реформ и открытости, когда партия и государство вернулись к нормативной регуляции отношений с религиозными организациями.

В 1982 г. были приняты новая Конституция, подтвердившая принцип свободы религиозных убеждений, а также первый партийный акт, определяющий принципы регулирования государственно-конфессиональных отношений – «Основные взгляды и политика ЦК КПК по религиозным вопросам в период социализма» (Документ № 19). За последующий период наиболее важными документами в указанной сфере следует считать Отчет о реализации религиозной политики партии и связанных с ней вопросов (1985), Документ № 6 (1991), Документы № 144 и № 145 (1994), Положение о религиозной деятельности (2005, 2018), а также Меры по управлению местами религиозной деятельности (документ 2005 г. и новую редакцию 2023 г).

Документ № 19 нацелил государство на усиление контроля за религиозной деятельностью и выдвинул на первый план идею о том, что верующие должны в обязательном порядке участвовать в строительстве социалистического государства.

В последующих документах помимо необходимости строгого контроля над религиозной деятельностью для обеспечения соответствия религиозных практик государственной политике и законам, неизменно подчеркивалась также важность предотвращения распространения религиозных идей, которые подрывали бы социальную стабильность и политический порядок, а также выдвигалось требование повышения уровня образования религиозных лидеров и их подготовки в соответствии с государственной политикой и идеологией.

Исходя из этих установок, Китай серьезно ограничивает религиозную деятельность иностранцев. Им запрещено вести любую миссионерскую деятельность, в том числе в сети Интернет, предписывается получать официальные разрешения для проведения религиозных мероприятий и на распространение религиозной литературы.

Изданные за последние пять-семь лет нормативные акты значительно усилили контроль и надзор за религиозной деятельностью, вводя более строгие требования для регистрации и отчетности. В них еще более усиливается акцент на борьбе с религиозным экстремизмом и предотвращении использования религии для подрыва государственной безопасности, детализируются санкции и наказания за нарушения религиозных правил. Общим для большинства документов является понятие «нормальная религиозная деятельность», не эксплицируемое в обобщающих формулировках, но имеющее в виду религиозную активность, санкционированную государственной властью. Предлагаемые нормативными актами регулятивные нормы последовательно развивают те принципы управления религиозной жизнью официально разрешенных конфессий, которые были заложены в начале 1980-х годов.

В 2023 г. в нормативной базе КНР в сфере религии произошли существенные изменения, свидетельствующие о дальнейшем ужесточении государственного контроля

над религиозными организациями и требований их адаптации к потребностям строительства социализма с китайской спецификой. Этим задачам служит, в частности, новая редакция Мер по управлению местами религиозной деятельности, которая предусматривает ужесточение требований к религиозным организациям, включая поддержку руководства КПК и социалистической системы; увеличение сроков регистрации новых организаций и усиление контроля над их деятельностью; повышение требований к углублению китаизации религии и контроля за финансовой деятельностью иностранных организаций и учителей; кардинальное изменение внешнего вида культовых сооружений в соответствии с китайскими традициями в архитектуре и убранстве. Повышаются также требования к образованию и подготовке кадров религиозных организаций, их участию в патриотическом воспитании.

К 2023 г. все признанные государством религиозные организации в Китае разработали новые пятилетние планы на период 2023–2027 гг., в том числе по китаизации своей деятельности. Общими их чертами являются повышенная насыщенность политической терминологией и акцентированная поддержка «идей о социализме с китайской спецификой в новую эпоху» Си Цзиньпина. Китаизация религии и в этих документах рассматривается как политический процесс, имеющий целью укрепление роли КПК в обществе.

Все планы призывают к укреплению патриотических чувств и чувства принадлежности к китайской нации. Для различных религиозных групп предусмотрены конкретные требования и меры китаизации, такие как усиление самоуправления, стандартизация деятельности и укрепление образовательной системы.

Наконец, в 2023 г. была опубликована Белая книга «Практическая реализация генерального плана КПК по управлению Тибетом в новую эпоху и исторические достижения партии». Изложенные там основные принципы управления Тибетом включают поддержку руководящей роли КПК, следование стратегии обеспечения стабильности в регионе, сохранение национального и этнического единства, политику китаизации религий и укрепление партийного и политического строительства. В рамках регулирования религиозной ситуации в Тибете упор делается прежде всего на китаизацию северного буддизма, контроль за процедурой легитимации «живых будд» и соблюдением законов и правил, установленных правительством.

В целом, текущая политика властей в области управления религиозной жизнью в КНР характеризуется тенденциями к более тесному включению практик религиозной индоктринации в арсенал средств патриотического воспитания и к усилению подчиненности собственно религиозных ценностей политико-идеологическим задачам.

Библиографический список

Афонина Л.А. Государственная политика Китайской народной республики в сфере религий в период реформ (1978–2015 гг.). Дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. М.: МГИМО, 2016. 218 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 186.

Смирнов М.Ю. Религия и Библия в трудах В.И. Ленина: новый взгляд на старую тему // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. Сс. 106–125.

References

Afonina L. (2016). Gosudarstvennaja politika Kitajskoj narodnoj respubliki v sfere religij v period reform (1978–2015 gg.) [State Policy of China Towards Religion in the Reform Period (1978–2015)]. Dis. kandidata istricheskikh nauk: 07.00.03 [Mesto zashchity: Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenij]. M.: MGIMO, 2016. 218 s. (In Russian).

Lenin V. (1969) Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]. V. 37. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969. 186 s. (in Russian).

Smirnov M (2011). Religiya i Bibliya v trudakh V. I. Lenina: novyi vzglyad na staruyu temu [Religion and the Bible in Lenin's Writings: New Look at an Old Theme]. Gosudarstvo, Religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom. No. 2. Ss. 106–125. (In Russian).

* * *

Chu C.Y. (2012). The Catholic Church in China: 1978 to the Present. New York, Springer. Pp. 60–67.

Circular on Stepping Up Control over the Catholic Church to Meet the New Situation. (2000). Document No. 3 (February 17, 1989). Chinese Law and Government. Vol. 33. No. 2. Pp. 49–55.

Guanyu luoshi dang de zongjiao zhengce ji youguan wenti de diaocha baogao 关于落实党的宗教政策及有关问题的调查报告 [Investigation Report on the Implementation of the Party's Religious Policy and Related Issues]. (1985). URL: <http://www.law-lib.com/lawhtml/1985/47092.htm> (accessed: 01.06.2024). (In Chinese).

Jianchi daojiao zhongguo hua fangxiang wu nian gongzuo guiha gangyao (2019–2023 nian) 坚持道教中国化方向五年工作规划纲要(2019–2023年) [Outline of the Five-Year Work Plan for Adhering to the Direction of Sinicization of Taoism (2019–2023)]. Zhongguo daojiao 中国道教 [Taoism in China]. 2019. No. 6. Pp. 11–16. (In Chinese).

Jianchi fojiao zhongguo hua fangxiang wu nian gongzuo guiha gangyao (2019–2023) 坚持佛教中国化方向五年工作规划纲要 (2019–2023) [Outline of the Five-Year Work Plan for Adhering to the Direction of Sinicization of Buddhism (2019–2023)]. Fa yin 法音 [Voice of Dharma]. 2019. No. 10. Pp. 22–28. (In Chinese).

Jianchi woguo yisilan jiao zhongguo hua fangxiang wu nian gongzuo guiha gangyao (2018–2022) 坚持我国伊斯兰教中国化方向五年工作规划纲要 (2018–2022) [Outline of the Five-Year Work Plan for Adhering to the Direction of Sinicization of Islam in China (2018–2022)]. Zhongguo musulim 中国穆斯林 [Chinese Muslim]. 2019. No. 1. Pp. 5–8. (In Chinese).

Kolkunova K. (2020). Rejected but not forgotten. Gutkowski S., Lee L., Quack J., ed. Communicating Religion and Atheism in Central and Eastern Europe. Berlin, Boston, Walter de Gruyter GmbH. Pp. 60–75. <https://doi.org/10.1515/9783110547085-004>. URL: <https://dokumen.pub/communicating-religion-and-atheism-in-central-and-eastern-europe-9783110547085-9783110546378.html> (accessed: 01.03.2024).

Leung B. (2005). China's Religious Freedom Policy: The Art of Managing Religious Activity. China Quarterly. Vol. 184. 05.12. Pp. 894–913.

Li Weihang 李维汉 (2016). Tongyi zhanxian wenti yu minzu wenti 统一战线问题与民族问题 [The United Front Issue and the National Question]. Beijing, Renmin chubanshe. 677 p. (In Chinese).

Luo Shugang 雒树刚 (1996). Zongjiao gongzuo fangmian de yixie redian wenti 宗教工作方面的一些热点问题 [Some hot issues in religious work]. Neibu wengao 内部文稿 [Internal Drafts]. 1996. No. 5. Pp. 11–13. (In Chinese).

Mong A. (2012). Sino-Vatican Relations: From Denunciation to Dialogue. Cambridge. James Clarke. 169 p.

Provisional Agreement between Holy See and China (2018). URL: <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2018-09/china-holy-see-agreement-appointment-bishops.html> (accessed: 01.03.2024).

Shenru tuijin woguo daojiao zhongguo hua wu nian gongzuo guiha gangyao (2023–2027 nian) 深入推进我国道教中国化五年工作规划纲要 (2023–2027年) [Outline of the Five-Year Work Plan for Deeply Promoting the Sinicization of Taoism in China (2023–2027)]. 2023. URL: <http://www.taoist.org.cn/showInfoContent.do?id=9516&p=%27p%27> (accessed: 01.03.2024). (In Chinese).

Shenru tuijin woguo fojiao zhongguo hua wu nian gongzuo guihua gangyao (2023–2027 nian) 深入推进我国佛教中国化五年工作规划纲要（2023–2027年） [Outline of the Five-Year Work Plan for Deeply Promoting the Sinicization of Buddhism in China (2023–2027)]. Fa yin 法音 [Voice of Dharma]. 2023. No. 11. Pp. 40–47. (In Chinese).

Shenru tuijin woguo jidujiao zhongguo hua wu nian gongzuo guihua gangyao (2023–2027 nián) 深入推进我国基督教中国化五年工作规划纲要（2023–2027年） [Outline of the Five-Year Work Plan for Deeply Promoting the Sinicization of Christianity in China (2023–2027)] // Tian feng 天风 [Tian Feng]. 2024. No. 01. Pp. 4–9. (In Chinese).

Shenru tuijin woguo tianzhijiao zhongguo hua wu nian gongzuo guihua gangyao (2023–2027 nian) 深入推进我国天主教中国化五年工作规划纲要（2023–2027年） [Outline of the Five-Year Work Plan for Deeply Promoting the Sinicization of Catholicism in China (2023–2027)]. 2024. URL: <https://www.chinacatholic.cn/html/report/23120485-1.htm> (accessed: 01.03.2024). (In Chinese).

Shenru tuijin woguo yisilan jiao zhongguo hua wu nian gongzuo guihua gangyao (2023–2027 nian) 深入推进我国伊斯兰教中国化五年工作规划纲要（2023–2027年） [Outline of the Five-Year Work Plan for Deepening the Sinicization of Islam in China (2023–2027)]. Zhongguo musilin. 2023. No. 06. Pp. 16–20. (In Chinese).

Tong J. (2013). A New Framework for State-Religion Relations: The Regulations on Religious Affairs of China, March 2005]. Chaihuile zhong jian geduan de qiang 拆毁了中间隔断的墙 [Demolition of the Wall Separating Centers]. Beijing, Zongjiao wenhua chubanshe. Pp. 286–306.

Tuijin woguo jidujiao zhongguo hua wu nian gongzuo guihua gangyao (2018–2022) 推进我国基督教中国化五年工作规划纲要（2018–2022） [Outline of the Five-Year Work Plan for Promoting the Sinicization of Christianity in China (2018–2022)]. 2018. URL: <https://www.ccctspm.org/cppccinfo/10283> (accessed: 01.03.2024). (In Chinese).

Tuijin woguo tianzhujiao jianchi zhongguo hua fangxiang wu nian gongzuo guihua (2018–2022) 推进我国天主教坚持中国化方向五年工作规划（2018–2022） [Five-Year Work Plan to Promote Catholicism's Adherence to Sinicization (2018–2022)]. Zhongguo tianzhujiao. 2018. No. 5. Pp. 6–11. (In Chinese).

Xijinning zai quanguo zongjiao gongzuo huiyi shang qiang tiao fazhan zhongguo tese shehui zhuyi zongjiao lilun quanmian tigao xin xingshi xia zongjiao gongzuo shuiping 习近平在全国宗教工作会议上强调 发展中国特色社会主义宗教理论 全面提高新形势下宗教工作水平 [Xi Jinping Emphasizes at National Conference on Religious Work Developing Socialist Theory of Religion with Chinese Characteristics Comprehensively Improving the Level of Religious Work Under New Circumstances]. Renmin ribao. Vol. 24760. 05.04.2017. (In Chinese).

Xin shidai dang de zhi cang fanglüe de shijian ji qi lishi xing chengjiu 新时代党的治藏方略的实践及其历史性成就 [Practice of the Party's Strategy for Governing Tibet in the New Era and Its Historic Achievements]. Renmin ribao. Nov 11. Vol. 27517. P. 5. (In Chinese).

Zhonggong zhongyang guanyu woguo shehui zhuyi shiqi zongjiao wenti de jiben guendien he jiben zhengce 中共中央关于我国社会主义时期宗教问题的基本观点和基本政策 [Basic Views and Policies of the Central Committee of the Communist Party of China on Religious Issues During Socialist Period in China]. Zhongguo tese shehui zhuyi zongjiao lilun xuexi duben / Guojia zongjiao shiwu ju dangzu lilun xuexi zhongxin zu bian. Beijing, Zongjiao wenhua chubanshe. 2013. Pp. 121–143. (In Chinese).

Zhonggong zhongyang yinfa “Quanguo ganbu jiaoyang peixun guihua (2023–2027 nian)” 中共中央印发《全国干部教育培训规划（2023–2027年）》 [The Central Committee of the Communist Party of China Issued the National Plan for Staff Education and Training (2023–2027)]. Zhonghua Renmin Gongheguo Zhongyang renmin zhengfu. 16.10.2023. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6909454.htm

Zhonggong zhongyang, guowuyuan guanyu jinyibu zuo hao zongjiao gongzuo ruogan wenti de tongzhi 中共中央、国务院关于进一步做好宗教工作若干问题的通知 [Circular of the Central Committee of the Communist Party of China and the State Council on Several Issues Concerning the Further Improvement of Religious Work]. Zhongguo tese shehui zhuyi zongjiao lilun xuexi duben/guojia zongjiao shiwu ju dangzu lilun xuexi zhongxin zu bian. Beijing, Zongjiao wenhua chubanshe. 2013. Pp. 143–153. (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo aiguo zhuyi jiaoyu fa 中华人民共和国爱国主义教育法 [People's Republic of China Law on Patriotic Education]. Zhonghua renmin gongheguo quanguo renmin daibiao dahui

changwu weiyuanhui gongbao 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报 [Communiqué of the Standing Committee of the National People's Congress of the People's Republic of China]. 2023. No. 7. Pp. 771–775. (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo jingnei waiguo ren zongjiao huodong guanli guiding 中华人民共和国境内外国人宗教活动管理规定 [Regulations of the People's Republic of China Governing the Religious Activities of Foreigners in the Territory of the People's Republic of China]. In: Zhonghua renmin gongheguo guowuyuan gongbao 中华人民共和国国务院公报 [Bulletin of the State Council of the People's Republic of China]. 1994. No. 2. Pp. 48–49. (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo xianfa 中华人民共和国宪法 [The Constitution of the People's Republic of China]. 2018. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (accessed: 01.06.2024). (In Chinese).

Zhou Enlai 周恩来 (1992). Dangqian caijing xingshi he xin Zhongguo jingji de jizhong guanxi 当前财经形势和新中国经济的击中关系 [Current financial situation and the new Chinese economy's hitting relationships]. Jianguo yilai zhongyao wenxian xuanbian 建国以来重要文献选编 [Selected important documents since the founding of the PRC]. Beijing, Zhongyang wenxian chubanshe. Pp. 60–71. (In Chinese).

Zhou Enlai 周恩来 (1992). Guanyu jidujiao wenti de shiji tanhua 关于基督教问题的四次谈话 [Four talks on Christianity]. Jianguo yilai zhongyao wenxian xuanbian 建国以来重要文献选编 [Selected Important Documents since the Founding of the PRC]. Beijing, Zhongyang wenxian chubanshe. Pp. 190–197. (In Chinese).

Zongjiao huodong changsuo guanli banfa 宗教活动场所管理办法 [Measures for the Management of Places of Religious Activities]. Zhongguo musuln. 2023. No. 6. Pp. 5–13. (In Chinese).

Zongjiao huodong changsuo guanli tiaoli 宗教活动场所管理条例 [Regulations on the Management of Places of Religious Activities]. Zhongguo zongjiao. 1995. No. 1. P. 1. (In Chinese).

Zongjiao shiwu tiaoli 宗教事务条例 [Regulations on Religious Affairs]. Zhongguo tese shehui zhuyi zongjiao lilun xuexi duben/guojia zongjiao shiwu ju dangzu lilun xuexi zhongxin zu bian 中国特色社会主义宗教理论学习读本/国家宗教事务局党组理论学习中心组编 [Readings on the Theory of Religion in Socialism with Chinese Characteristics / Edited by the Theoretical Study Center of the Party Group of the State Administration for Religious Affairs]. Beijing, Zongjiao wenhua chubanshe. 2013. Pp. 209–222. (In Chinese).

Zongjiao shiwu tiaoli 宗教事务条例 [Regulations on Religious Affairs]. 2017. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5225861.htm (accessed: 01.06.2024). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 20.08.2024. Received: 20 August 2024.

Принята к публикации: 10.09.2024. Accepted: 10 September 2024.

Сань Мао. Одержимость. Перевод с китайского Д.Ю. Вельмы¹

三毛. 惑. 翻译: D·Yu·韦利马

Obsession (A short story). Translation from Chinese by D.Yu. Velma

Об авторе и рассказе

Рассказ «Одержимость» (в оригинале «Хо» 惑) представляет собой значимую страницу в творчестве тайваньской писательницы Чэнь Пин 陳平 (26 марта 1943 – 4 января 1991)², более известной миру под псевдонимами Эхо Чэнь (Echo Chen) и Сань Мао 三毛³. Написанный в 1962 году и опубликованный в 15-м номере журнала «Сяньдай вэньсюэ» (現代文學, «Современная литература») в декабре того же года, этот рассказ стал литературным дебютом автора, которой на момент написания было всего 19 лет.

---

¹ Вельма Денис Юрьевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», E-mail: denisvelmanew@gmail.com

² Литературному наследию тайваньской писательницы Сань Мао посвящен ряд работ зарубежных исследователей, например, на английском языке: [Ward, 2017; Ives, Li, 2019; Kasareño, 2021; Wen, 2021; Zhen, 2022; Foscale, Galofré Pujol, 2024]. Основополагающую роль в изучении жизненного и творческого пути писательницы, однако, сыграла Мириам Ланг (Miriam Lang) из Австралийского национального университета. См.: [Lang, 1995; Lang, 1999; Lang, 2000; Lang, 2003; Lang, 2016]. На русском языке о творчестве Сань Мао можно прочесть в статье автора этих строк «До рождения Сань Мао. О раннем жизненном и творческом пути тайваньской писательницы Чэнь Пин» [Вельма, 2024], а также в публикациях С.Б. Батуевой [Батуева, 2016], С.В. Никольской [Никольская, 2021], Р.К. Баировой [Баирова, 2013], О.Л. Кореньковой и А.В. Воробьевой [Коренькова, Воробьева, 2017] и других.

³ Творческий псевдоним Сань Мао 三毛 (досл. Три волосинки, или Тридцать фэней) писательница, по одной из версий, позаимствовала у главного персонажа популярной серии комиксов Чжан Лэпина 張樂平 «Приключения беспризорника Сань Мао» («Сань Мао люлан цзи» 三毛流浪記). Согласно другой версии, Чэнь Пин могла выбрать данный псевдоним из-за своего личного отношения к собственным работам. На Тайване в то время выражение *сань мао* означало «что-то ненужное», «что-то, о чем даже не стоит и говорить», «дешевка», что отражало представления Чэнь Пин о своих работах. Псевдоним был взят в 1974 г., во время путешествия по Западной Сахаре.

Уже в первом произведении читатель без труда может разглядеть портрет самой писательницы – элементы автобиографичности впоследствии станут неотъемлемой частью авторского идиостиля, выражающегося в тесной связи личной жизни Чэнь Пин с ее творчеством. Рассказ был написан под влиянием таких литературных мастеров, как Франц Кафка, Джеймс Джойс и Вирджиния Вульф, с творчеством которых Сань Мао была знакома благодаря своему учителю Гу Фушэну 顧福生 – видному представителю новой тайваньской культуры, стоящему в авангарде ее развития. Конец 1960-х и начало 1970-х годов в целом характеризуются ростом числа переводов и популярностью писателей модернистов на Тайване. Литературные кумиры Сань Мао, такие как Чэнь Жоси 陳若曦 и Бай Сяньюн 白先勇, активно содействовали заимствованию и внедрению методов и художественного языка модернизма, а также других ключевых идей и тенденций западной (европейской) литературы в новую литературу Тайваня. Сюжет и стиль дебютного произведения молодой писательницы во многом были определены именно окружающей Чэнь Пин культурной средой.

Текст, написанный в стиле потока сознания, богатый на эллипсисы и парцелляцию, представляет собой необычный литературный опыт, раскрывающий внутренний мир автора в момент создания произведения.

«Одержимость», как и многие работы Сань Мао, обладает ярко выраженными автобиографическими чертами, отражающими реакцию Чэнь Пин на окружающий ее мир. В самом произведении автобиографизм проявляется через ряд связанных с юной девушкой и ее жизнью моментов – ее занятия живописью, проблемы с пониманием со стороны родителей и окружающих, конфликтами между ними. В рассказе также весьма детально открывается глубоко личная для самой Чэнь Пин тема – ее нестабильное душевное состояние, которое автор не просто «вкрапляет» в свой текст, но и использует как основу для всего сюжета. Говоря о сюжете, стоит отметить, что «Одержимость» носит ярко выраженный кафкианский характер. Молодая девушка становится одержима образом главной героини американского фильма «Портрет Дженни»⁴ («Portrait of Jennie») (1948) после его просмотра⁵ и обсуждения с братом. В процессе продолжительной болезни героиня понимает, что теряет чувство реальности, тогда как образ Дженни постепенно вытесняет ее из собственного тела. Автор использует резкий язык, сочетая насыщенные описания с короткими, отрывистыми фразами, что усиливает напряжение и драматизм рассказа.

Тем не менее, несмотря на свое изначальное стремление к «прогрессивности и новизне», Сань Мао вскоре отошла от основных принципов модернизма и его течений, обратившись в своем следующем рассказе «Лунная река» (*Юэ хэ 月河*) (1963)

⁴ По сюжету фильма некогда очень богатый художник Эбен Адамс (Eben Adams) встречается в Центральном парке загадочную девочку по имени Дженни Эпплтон (Jennie Appleton). Их встреча пробуждает в нем интерес к юной незнакомке, однако та вскоре неожиданно исчезает. Через некоторое время главный герой вновь встречается таинственную девушку и влюбляется в нее. Постепенно он узнает тайну Дженни – она призрак. Несмотря на это, она успевает стать для него настоящей музой, чей портрет он начинает писать. В финале фильма девушка, во время шторма, подобного тому, в котором она однажды погибла, снова приходит к главному герою в последний раз.

⁵ Весьма важно отметить, что этот фильм пользовался большой популярностью в тайваньском кинопрокате того времени и часто показывался в кинотеатрах крупных городов в 60-е годы, поэтому сюжет был знаком многим тайванцам.

уже к сентиментальной прозе⁶. Впоследствии Чэнь Пин лишь изредка возвращалась к более экспериментальным формам, что позволило критикам рассматривать ее ранние работы как «заигрывание» с этим жанром и лишь попытку привлечь внимание влиятельных деятелей культуры того времени. Однако все же справедливо полагать, что именно «Одержимость» стала мостом между Чэнь Пин и культурным миром Тайваня. Впоследствии «Одержимость» откроет вышедший в июле 1976 года второй сборник писательницы «Сезон дождей больше не наступит»⁷ (*Юйцзи бу цзай лай* 雨季不再來), в котором собраны наиболее ранние работы, написанные в 60-е годы.

Отдельно следует рассмотреть название рассказа и его перевод на русский язык. Иероглиф 惑, вынесенный в заглавие, имеет целый ряд значений – «сомнение», «тревога», «путаница», «хаос». Однако есть и еще одно весьма интересное значение – «быть очарованным», либо «стать жертвой увлечения», что сразу же отсылает к самому сюжету рассказа. Девушка становится одержимой Дженни после того, как услышит песню из кинофильма: «Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится... Завывающе дует ветер. Воды моря льются журча. Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда...»⁸. Главная героиня становится одержима и мелодией, и тем, кто поет эту песню. Понятие «одержимость» 惑 раскрывает идею

⁶ Более того, второй рассказ начинающей писательницы вышел в 6-м номере 19-го тома популярного и во многом «ортодоксального» журнала «Корона» (*Хуан гуань* 皇冠), который являлся полной противоположностью новаторскому журналу «Современная литература».

⁷ Сборник получил свое название в честь одноименного рассказа 1966 года, включенного в его состав.

⁸ В оригинале поется:

Where I come from
Nobody knows;
And where I'm going
Everything goes.
The wind blows,
The sea flows –
And nobody knows.

Песня также служит музыкальной темой главной героини и всего фильма. В 1970-е годы Сань Мао напишет слова одной из своих самых известных песен «Оливковое дерево» (*Ганьлань шу* 橄欖樹), которая имеет определенное сходство с «Песней Дженни» (Jennie's Theme) как в элементах мелодии, так и в создании особого настроения и эмоционального посыла. Песня Сань Мао начинается со слов:

橄欖樹

不要問我從哪裡來
我的故鄉在遠方
為什麼流浪
流浪遠方

Оливковое дерево

Не спрашивай меня, откуда я родом,
Моя родина далеко.
Почему я странствую,
Странствую в далекие края...

о том, что героиня оказалась зачарована образом из увиденного когда-то фильма, став жертвой своего же влечения.

Настоящий перевод рассказа «Одержимость» предоставляет русскоязычному читателю возможность познакомиться с самым ранним творчеством Сань Мао, а также раскрывает другую сторону ее литературного наследия, отличную от сентиментальной прозы и травелогов. Это произведение демонстрирует, что творческий путь тайваньской писательницы начался задолго до ее странствий по Сахаре в 70-е годы и выходит за пределы рамок жанров сентиментальной прозы и травелога.

Д.Ю. Вельма

Сань Мао. Одержимость⁹

Сумерки. Опустился туман. Густой, непроглядный туман.

Там за окном на столбе электропередач повис воздушный змей, оборвавший один из проводов. Стоит ветерку подуть, как он все в той же сумеречной мгле сразу начинает покачиваться взад-вперед, и кажется, что сам змей при этом пребывает в полном покое.

Смеркается. Фонари зажглись ярким желтым светом, пробивающим этот густой туман. Туман плотно ложится пеленой, окутывая все вокруг. Свет фонарей, рассеиваясь во мгле, начинает выглядеть еще более загадочно... Наступила ночь. Я сворачиваюсь в клубочек на краю кровати. Темно. Так темно! Я даже не осмеливаюсь встать и включить свет. Я лучше спрячусь в этой темноте. Именно! Я словно в бегах и скрываюсь. Но почему я скрываюсь?

Ветер врывается в комнату, принося с собой чувство прохлады, и все снова и снова звучит та песня, та непонятная песня:

«Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится... Завывает ветер. Шумит морская вода»

Я начинаю махать руками, пытаюсь отогнать от себя слова этой песни, но она снова, словно несясь по ветру, застигает меня; развеваясь в этом потоке воздуха, врывается в мою комнату, и теперь они оба – ветер и песня – заполняют меня, заполняют всю меня... Пришла, она пришла ко мне. Я напугана, ужасно напугана. Я срываюсь с кровати и мчусь в комнату матери. Вся бледная, будто объелась белены, хватаюсь за мамину руку, говорю: «Мамочка! скажи мне, скажи! Я ведь не Дженни, я не Дженни! Я не она!... В самом деле... Правда?»

---

⁹ Настоящий перевод выполнен по харбинскому изданию рассказов Сань Мао 2003 года (см.: [San Mao, 2003]). Лишь ограниченное число произведений писательницы было переведено на иностранные языки (преимущественно на английский и испанский). На данный момент отсутствуют официально опубликованные переводы писательского дебюта автора на иностранных языках. На русский язык рассказ также переводится впервые.

Уже много дней, так много дней, я плутаю в этой иллюзии.

«Портрет Дженни» я посмотрела еще в детстве, и за все эти годы этот фильм никогда не всплывал в моей памяти так отчетливо, как сейчас. Изредка мы говорили о нем с друзьями, но я продолжаю считать его одним из самых красивых, полных горечи и нежной грусти фильмов.

Около года назад двоюродный брат позвонил мне и сказал, что услышал новость: «Портрет Дженни» вновь покажут в кинотеатрах. Я тут же перебила его и сказала, что это и правда хороший фильм, вот только о чем он, я уже и не припомню. Тогда брат, не подумав ни секунды, стал сразу напевать по телефону ту повторяющуюся снова и снова песню Дженни:

«Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится... Завывает ветер. Шумит морская вода. Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда...»

Держа трубку телефона, я, словно околдованная, крича, встала с кровати:

«Эта мелодия!.. Да, эта мелодия... Я знаю ее. Я ее уже слышала... Правда слышала. Но нет, нет! Я слышала ее совсем не в фильме. Такое чувство, что когда-то очень давно, так давно, что не знаю когда, в каком-то незнакомом мире я ее слышала... Ведь у меня такая память, она хранит в себе недоступные для меня воспоминания. Брат! Я не дурачу тебя! В каком-то другом мире. Тамoshние ветра и моря. Тамoshние мрачные и таинственные песни... Не расспрашивай меня даже, брат, я ничего не скажу тебе. Только та песнь, лишь только она...»

Той ночью я заболела. Поднялся сильный жар, и песня Дженни, ее образ и голос, словно прибой, захлестнули меня. Они просачивались в мое тело, с головы до ног проникали в меня. И это чувство, которое трудно описать словами, окутывает меня. Вот он! Вот! Мир, за которым я гонюсь; родина, по которой я так тоскую.

После того, как я полностью вылечилась от той болезни, я достаточно довольно долго находилась в покое и отдыхала. Врачи разрешили мне вдоволь спать, не давая времени на какие-либо размышления и даже мельчайшего повода для тревоги. Со временем, постепенно я стала совсем спокойной, но это было только на первый взгляд. Бывали дни, когда внезапно, очертя голову, даже не получив на то мамино согласия, я хватала свои принадлежности для рисования и без промедления неслась из дома рисовать. Мама, заслышав звуки, сразу пускалась за мной вдогонку. Крепко вцепившись в мою одежду, будто моля меня о чем-то, говорила:

«Доченька, ты еще не окрепла до конца, а бежишь из дома на сильный ветер. Слышишь, что я говорю? Домой! Заходи! Слышишь?...»

И вдруг, не знаю даже почему, я внезапно начинаю рыдать. Я изо всех сил колочу в двери, сама вся белая, будто призрака увидела, кричу:

«Хватит меня воспитывать, позволь мне пойти, позволь... я хочу уйти... хочу... Ненавижу... Ненавижу вас...»

Мне так тоскливо на душе. Душно. Душно так, что вот-вот взорвусь. Мне так тоскливо... так тоскливо... Держа в руках ящичек с кистями и красками, я с порывом ветра все же покидаю свой дом.

Сажусь на обочину рисового поля и ставлю свой мольберт. Вытаращив глаза, я смотрю во все стороны. Но куда бы я ни посмотрела, везде только бесконечное белое рисовое поле и больше ничего.

Ветер подымается, мне становится холодно. Даже подняв воротник куртки, я не ощущаю тепла. И вот я начинаю немного сожалеть о своей же своенравности и грусти.

Ах! Но вот пришла Дженни! Дженни пришла ко мне! Я в спешке, впопыхах мчусь к миру, запечатленному в памяти. Вокруг лишь сплошной мрак. И кроме мрачного, расстроенного голоса Дженни, больше ничего нет. Пусто. Я и сама опустела. Я раскрываю руки и начинаю хвататься за небосвод, я мчусь в его сторону. Вокруг лишь сплошной мрак. Мне нужно найти, нужно найти что-то, найти вещь, которую не смогу потерять. Мне нужно... Вокруг темно. Все живое перестает существовать. Кроме Дженни... Дженни...

Неделю спустя после одурманившей меня болезни, я с грохотом встала с кровати. Доктор, отец и мать установили для меня ряд правил. Теперь мне разрешалось заниматься живописью, читать книги, слушать пластинки только дома. Мне отныне было запрещено бесцельно бродить по округе. Они говорят мне, что я больна (а я больна?). Спустя некоторое время мне запретили много думать и читать. Было запрещено упрямиться и злиться, а также плакать без всякого на то повода. И то нельзя, и это... Все было запрещено. И вот, после месяца взаперти я все же вышла за порог дома в первый раз. Мама повела меня в больницу Тайваньского государственного университета. Она сказала, что там есть хороший доктор, он может меня вылечить. Так, шагая дальше и дальше от дома, мы дошли и до дверей отделения психиатрии. Перепугавшись, я сразу же застыла на месте. Неужели... я...?

Мама оставила меня наедине с врачом. Он, стараясь вести себя, как друг, спросил: «Ты рисуешь?»

Я начала кивать головой, соглашаясь, но при этом испытывая ужасное отвращение к этому человеку, делающему вид, будто он сочувствует мне. Ведь отношения между мной и Дженни – вовсе не болезнь. Он снова, изображая из себя такого профессионала своего дела, улыбаясь спросил:

«Ты рисуешь картины в стиле... Ах, как его там... не понимаю этот стиль... импрессионизм?»

Я просто-напросто не могла этого вынести. Не выдержав больше, я встала и сказала ему:

«Импрессионизм – одно из направлений в живописи XIX века, и не имеет ничего общего с сегодняшним абстракционизмом. Вы, даже не зная таких простых вещей, собрались лечить меня. А я ведь еще живой человек. И не нужно так смотреть на меня».

То, что у нас с Дженни, – не болезнь и не расстройство. Я понимаю, все ясно понимаю – у меня лишь слабый организм, а вовсе не болезнь.

Дженни по-прежнему постоянно навещала меня. Навещала в ночной тиши, сумерках, когда шел дождь, на рассвете, когда еще было темно и даже в унылый полдень... Она говорила с каждым разом все больше и больше, не забывая про свою песню и свойственный только ей аромат. Раз за разом я проваливалась в тот неведомый мир, чтобы отдохнуть, а потом снова нестись и искать, нестись и искать... Просыпаться я стала вся в поту. Даже после сна я все еще была дико уставшей. Я словно потерялась в песне Дженни. Я поняла, что сошла с ума. Я ощутила, что тону в своих же муках. И, несмотря на это, я испытываю от того мгновения, когда я тону, ощущение незабываемого счастья и чувство ужасно противоречивой грусти.

Я не знаю, когда это началось, но я была опьянена настолько, что не могла более освободить себя от оков того мира. И, хотя я была напугана, я противоречила сама себе. Я не могу выразить словами свою одержимость таким странным видом наслаждения. Невзирая на время суток, я продолжаю бежать, продолжаю искать. Но я понимаю, что теперь я едина с Дженни. Мы слились с ней воедино. Я это знаю. Это действительно так. «Дженни!» «Дженни!» Я продолжаю кричать.

Теперь каждые вторник и пятница стали днями прививок. Вечерами я брала ампулы с лекарством и, предупредив домашних, шла к дядюшке Чжану – врачу, заботящемуся обо мне с самого детства. Пристально взглянув на меня, он заключил: «Деточка, ты снова похудела»

И тут я начала паниковать, словно было раскрыто какое-то мое преступление. Что же я опять сделала не так? Опустив голову, я, едва шевеля губами, проямлила:

«Дядюшка Чжан, у меня бессонница, Вы знаете, что мне не заснуть, а от сновидных нет никакой пользы»

Он приподнял мой подбородок и все тем же мягким и спокойным голосом спросил: «Почему ты так несчастна?»

«Я несчастна? Разве? Дядюшка Чжан, Вы не правы. Я счастлива, счастлива... Правда... То, что Вы считаете, что мне нехорошо, звучит как шутка. Дженни пришла, Вы знаете, Дженни пришла. Мне так хорошо, так хорошо... Нет, я не прекратила нестись сломя голову, но мне хорошо... И это правда... Разве я страдаю? Немного... Но разве это плохо? Я... Ах! Боже, не смотрите же так на меня! Дядюшка Чжан, я правда не больна... Мне хорошо... Со мной все хорошо...»

И тут я осознала, что без остановки вся в слезах говорю в какой-то истерике. Я не в силах больше сдерживать свои чувства. Я не в силах молчать. Дядюшка Чжан молча взял меня за руку и велел возвращаться домой. На прощание своим убаюкивающим голосом он лишь добавил: «Дитя, ты больна, больна. Нет никакой Дженни, Дженни нет. Тебе нужно успокоиться, успокоиться... Ты больна...»

Уколы, лекарства, сеансы психотерапии, успокоительные, чрезмерное внимание родных – ничего не помогало. А Дженни продолжала жить внутри меня. И тут я почувствовала, что Дженни не только овладевает мной, но и скоро вовсе заменит меня. Вытеснит меня из моего же тела. Однажды, в один прекрасный день, я исчезну. Исчезну, не оставив какого-либо следа. Исчезну бесследно. Я живу не своей жизнью, я уже прекратила существовать. Я вот-вот исчезну....

Снова и снова в какой-то непонятной борьбе я повторяла себе: «Дженни, нам нужно расстаться! Нам пора разойтись!»

Но Дженни не отвечала на мои просьбы, лишь только напевала мне своим призрачным голосом песню:

«Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится... Завывающее дует ветер. Воды моря льются журча. Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится...»

Ох, Дженни! Я пришла. Я пришла за тобой! И вот Дженни бросается с порывом ветра на меня. И я снова, не в силах противостоять, безропотно погружаюсь в ее мир. Погружаюсь в этот мрачный, абсолютно пустой мир. Я снова несусь сломя голову... ищу... Я будто одержима этим падением и самоистязанием. Я не могу освободиться.

«Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится... Завывающе дует ветер. Воды моря льются журча. Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится...»

Дженни! Дженни! Я здесь! Я пришла к тебе...

Библиографический список

Баирова Р.К. Творчество тайваньской писательницы Сань Мао на примере произведений «Немой раб» и «Смерть незнакомца» // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. №. 6. Сс. 54–56.

Батуева С.Б. Личность Сань Мао // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет. 2016. Сс. 162–163.

Вельма Д.Ю. До рождения Сань Мао. О раннем жизненном и творческом пути тайваньской писательницы Чэнь Пин // Женщины Китая. Памяти Э.А. Синецкой. В 2 т. Т. I. / Коллектив авторов; отв. ред. И.В. Белая. М.: ИВ РАН, 2024 (в печати).

Коренькова О.Л., Воробьева А.В. Проблема взаимодействия западной и восточной культурных традиций в рассказе Сань Мао «Бесчувственность западного мира» // Международные отношения: история, теория, практика: материалы VII научн.-практ. конф. молодых ученых, фак-т международных отношений БГУ. Минск: БГУ, 2017. Сс. 261–264.

Никольская С.В. Особенности межкультурной коммуникации, отраженные в творчестве китайской писательницы Сань Мао // Новый Язык. Новое Мышление. М.: Дипломатическая академия МИД России. 2021. Сс. 632–635.

References

Bairova R.K. (2013). Tvorchestvo tayvanskoy pisatel'nitsy San' Mao na primere proizvedeniy "Nemoy rab" i "Smert' neznakomtsa" [The Work of Taiwanese Writer San Mao on the Example of "Silent Slave" and "Death of a Stranger"]. *Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty*. N 6. Ss. 54–56. (In Russian).

Batuyeva S.B. (2016). Lichnost' San' Mao [The Personality of San Mao] // *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: istoriya i sovremennost'*. N 10. Ss. 162–163. (In Russian).

Koren'kova O.L. & Vorobyeva A.V. (2017). Problema vzaimodeystviya zapadnoy i vostochnoy kulturnykh traditsiy v rasskaze San' Mao «Bescuvstvennost' zapadnogo mira» [The Problem of Interaction Between Western and Eastern Cultural Traditions in San Mao's Story "The Insensitivity of the Western World"]. *Mezhdunarodnye otnosheniya: istoriya, teoriya, praktika: materialy VII nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh fak. mezhdunar. otnosheniy BGU. Minsk: Belarusian State University*. Ss. 261–264. (In Russian).

Nikolskaia S.V. (2021). Osobnosti mezhkul'turnoy kommunikatsii, otrazhennye v tvorchestve kitayskoy pisatel'nitsy San' Mao [Features of Intercultural Communication Reflected in the Works of Chinese Writer San Mao] // *Novyi Yazyk. Novoe Myshlenie*. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Ss. 632–635. (In Russian).

Velma D.Yu. (2024). Do rozhdeniya San' Mao. O rannem zhiznennom i tvorcheskoy puti tayvan'skoy pisatel'nitsy Chen' Pin [Before the Birth of San Mao. On the Early Life and Creative Path of Taiwanese Writer Chen Ping]. *Zhenshchiny Kitaya. Pamyati E.A. Sinetskoy*. V 2 tt. T. I. / Koll. Avtorov; otv. red. I.V. Belaya. M.: IV RAN, 2024 (In press). (In Russian).

* * *

Foscale G. & Galofré Pujol M. (2024). Literary tourism in the Canary Islands: the legacy of Sanmao. *Journal of China Tourism Research*. Vol. 20. Issue 1. Pp. 1–25.

Ives M., Li K. (2019). Overlooked No More: Sanmao, 'Wandering Writer' Who Found Her Voice in the Desert. *The New York Times*. Oct. 23.

Kasarekło L. (2021). Introducing Taiwan Chinese Contemporary Short Stories in Poland: Cultural Contexts, Fields of Representation and Equivalence. *Roczniki Humanistyczne*. No. 69 (9). Pp. 159–174.

Lang M. (1995). San Mao goes shopping: travel and consumption in a postcolonial world. *East Asian History*. No. 10. Pp. 127–164.

Lang M. (1999). San Mao and the known world. Canberra, Australian National University, 1999. 398 p.

Lang M. (2000). San Mao Makes History. *East Asian History*. 2000. No. 19. Pp. 145–180.

Lang M. (2003). San Mao and Qiong Yao, a "popular" pair. *Modern Chinese literature and culture*. No.15 (2). Pp. 76–120.

Lang M. (2016). *Taiwan Romance: Qiong Yao and San Mao*. The Columbia Companion to Modern Chinese Literature. New York, Columbia University Press. Pp. 280–285.

San Mao 三毛 (2003). *Yuji bu zailai 雨季不再來 [The Rainy Season will not Come Again]*. Ha'erbin, Ha'erbin Publishing House. Pp. 3–9. (In Chinese).

Ward S. (2017). San Mao: Oasis or Mirage? The Phenomenon of the "Chinese Woman of the Desert". Pittsburgh, University of Pittsburgh. 126 p.

Wen H. (2021). Emotion and empowerment—romantic love in Taiwanese writer San Mao's wandering literature and life. *The Routledge Companion to Romantic Love*. New York, Routledge. Pp. 304–320.

Zhen G. (2022). Sanmao's Literary Creation Style. *International Journal of Languages, Literature and Linguistics*. Vol. 8. No. 4. Pp. 274–283.

Поступила в редакцию: 20.11.2024. Received: 20 November 2024.

Принята к публикации: 03.12.2024. Accepted: 03 December 2024.

В.В. Башкеев

Каков Китай в «эпоху Си Цзиньпина»?

Рец.: Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина.

М.: Издательство АСТ, 2024.

Аннотация: Рецензируется книга российского китаеведа Ивана Юрьевича Зуенко, историка, специалиста по новой и новейшей истории Китая. В книге подводятся предварительные итоги пребывания у власти Председателя КНР Си Цзиньпина в течение двух сроков его полномочий с 2012 г. по настоящее время. Рассмотрен путь Си Цзиньпина к власти, политический процесс, а также стремительно меняющаяся социокультурная обстановка в современной КНР.

Ключевые слова: КНР, Си Цзиньпин, политика, экономика, культура, международные отношения.

Автор: Башкеев Виктор Викторович, научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). ORCID: 0000-0002-2785-1281. E-mail: bashkeev@iccaras.ru

V.V. Башкеев

“习近平时代”的中国是什么样的？

对 I·Yu·祖延科《习近平时代的中国》（AST 出版社，莫斯科，2024）的评论

摘要: 本文为对俄罗斯汉学家、历史学家、中国近现代史专家伊万·尤里耶维奇·祖延科著作的评论。该书尝试总结中国国家主席习近平 2012 年至今两届任期的初步成果。习近平的上任之路、政治进程以及当代中国迅速变化的社会文化情况都得到了研究。

关键词：中华人民共和国；习近平；政治；经济；文化；国际关系。

作者：维克托·维克托罗维奇·巴什克耶夫，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所中国文化研究中心研究员。 ORCID：0000-0002-2785-1281。 E-mail: bashkeev@iccaras.ru

Viktor V. Bashkeev

What is China like in the “Xi Jinping era”?

Review: Zuenko Ivan Yu. (2024). *China in the Era of Xi Jinping*. Moscow, AST Publishing House. 320 p. (In Russian).

Abstract: This review discusses a book by Russian Sinologist Ivan Yurievich Zuenko, a historian and expert in modern and contemporary Chinese history. The book aims to summarize the preliminary outcomes of Chinese President Xi Jinping’s two terms in office from 2012 to the present. It examines Xi Jinping’s rise to power, the political processes, and the rapidly changing socio-cultural environment in contemporary China.

Keywords: CPR, Xi Jinping, politics, economics, culture, international relations.

Author: *Bashkeev Viktor V.*, Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). ORCID: 0000-0002-2785-1281. E-mail: bashkeev@iccaras.ru

Китайская политическая культура для внешнего наблюдателя выстроена вокруг носителей высшей власти в доимперский период, «августейший предок» (*хуан ди* 皇帝), стоявший во главе китайских империй до начала XX в., или Председатель КНР в наше время. И персона правителя Китая не просто «парадная ширма», эта политическая фигура действительно играет важную роль в балансировке сложного многоукладного механизма политического бытия китайской цивилизации, это одна из ее констант, обусловленных объективными историческими причинами.

Потому неудивительно, что официальная китайская историография со времен первых империй фокусировалась на судьбах императоров Китая как на воплощении судеб всей ойкумены. Вся обитаемая земля, Поднебесная, управлялась Сыном Неба (*тянь цзы* 天子), исполнявшим Повеления Небес (*тянь мин* 天命), так или иначе определявших общую судьбу вверенного ему государства¹. Не будет преувеличением сказать, что жизненный путь верховных правителей считается китайцами неразрывно связанным с судьбой их уникальной страны-цивилизации. Таково традиционное мировидение китайского общества, во многом актуальное до сих пор.

¹ Понятие *мин* 命 здесь может быть прочитано двояко, как «Повеление (Воля)» и как «Судьба». См. [Стеженская, 2014, сс. 16–18].

Вышедшая в 2024 г. и моментально ставшая бестселлером книга Ивана Зуенко «Китай в эпоху Си Цзиньпина: полдень, XXI век», на первый взгляд, отражает это мировидение. Действующий глава КНР находится в титульном центре повествования, и сам автор отмечает дискуссионность этого выбора, задаваясь вопросом: «*Оправдана ли такая фокусировка на личности китайского лидера? Не вторим ли мы тут китайской пропаганде...*» и отвечая на это: «*признаю, отчасти вторим, но делаем это лишь потому, что историку привычен взгляд на китайскую хронологию как на череду сменяющих друг друга этапов, привязанных к правящим династиям и личностям правителей*» [Зуенко, 2024, сс.11] .

Однако, первое впечатление несколько обманчиво. Несмотря на безусловную важность личности Си Цзиньпина в повествовании эта работа – нечто большее, чем только рассказ о нынешнем правителе Китая. Она охватывает широкий спектр тем, касающихся политики, экономики, социальной сферы и культуры современной КНР. Сам автор определяет ее как «набор очерков», собиравшихся на протяжении более десяти лет и составивших сводную картину современного Китая в эпоху правления Си, делящуюся с 2012 г. по настоящее время. Написанная в популярном формате, но сохранившая научную точность и строгость подачи данных, она по своей сути выступает «верифицированным справочником» по современному Китаю. Здесь как нельзя лучше подходит шаблонная формулировка «для широкого круга читателей», но с уточнением: для тех из них, кто хочет увидеть страну глазами погруженного в тему специалиста-китаеведа высокой квалификации и рассмотреть не только феномены, но и важные, определяющие тенденции ее развития. В этом, на наш взгляд ее максимальная ценность – в условиях информационного шума и нескончаемого потока информации о КНР² с одной стороны и звенящего информационного вакуума о ней же с другой³ «отфильтрованное» видение профессионального ученого – это то, что просто необходимо.

Вообще, острую необходимость появления подобной монографии в любом формате, научном, популярном или смешанном, трудно переоценить. Выражаясь неакадемично, она «давно назрела и перезрела», как в профессиональном сообществе, так и в широком кругу интересующейся публики. Судьбы отечественной синологической науки в XX-XXI вв. сложились так⁴, что монографических трудов, непосредственно связанных с носителями высшей власти в КНР, до сих пор, скажем мягко, меньше, чем нужно. Это порождает своеобразное «дикое поле», на котором вместе с колосьями хлеба растут сорняки и ядовитые травы – про КНР и его современную политику после 1976 г.⁵ часто пишут и говорят те, кому делать этого публично, в общем, не следует – в силу отсутствия знаний и квалификации. Широкая публика без помощи специалистов не может понять подвоха, а специалисты, в свою очередь, заняты своей

² В том числе – от псевдоспециалистов, «покупаться» на сознательные конъюнктурные манипуляции которых бывает весьма вредно, а порой и просто небезопасно.

³ Его «активировала» пандемия COVID-19, но это далеко не единственная причина, и И.Ю. Зуенко отмечает оставшиеся: см. [Зуенко, 2024, сс. 47–51].

⁴ Подробно см. [Ульянов, 2018, сс. 158–189].

⁵ Смерти Мао Цзэдуна и начала перехода к новому этапу современной китайской истории, периоду реформ.

работой – текущими исследованиями, которые далеко не всегда оставляют время на написание сводных трудов. Поэтому монографическое издание в этой области от специалиста – долгожданное событие, которое нельзя пропустить.

Как говорит сам автор, эта книга – о переменмах. Читая ее, мы для себя сформулировали сущность содержания как «меняющийся Китай в меняющемся мире». Это произведение историка-китаиста, но не об истории как о свершившемся прошлом, а о текущем историческом процессе сейчас, о тех его проявлениях, которые продолжают эволюционировать, развиваться и влиять на общество. Поэтому ей так близок формат «дневниковых записей», или, как формулирует автор, «очерков». Всего их 21, и они разделены на три неравные части: 1. «Си Цзиньпин и его политика: роль личности в истории» – четыре очерка; 2. «Как поменялся Китай» – 14 очерков; 3. «Черные лебеди и «серые носороги: эпоха вызовов» – три очерка. Таким образом, ровно две трети очерков посвящены собственно происходящим переменам, а треть – предпосылкам перемен и их вероятным последствиям.

Логика систематизации очерков в единое повествование подсказана самой природой исторического процесса как единства политической, экономической, социальной и культурной составляющих.

Очерки первой части показывают политический процесс как единство политической борьбы за высшую власть и управления страной. Биография Си Цзиньпина представлена с точки зрения поэтапного развития борьбы за власть, то есть ее получения, удержания и дальнейшей реализации⁶. Это ранние годы Си Цзиньпина и его путь к власти в контексте управленческих вызовов, стоявших перед КНР в первое десятилетие XXI в.⁷; мероприятия по удержанию власти на первом сроке полномочий⁸; наконец, ключевые политические решения 2018–2023 гг., позволившие видоизменить устоявшийся с 1982 г. политический порядок для продления властных полномочий Си Цзиньпина на третий срок⁹.

Очерки второй части сконцентрированы на проблемах и тенденциях в обществе, экономике и культуре, с которыми пришлось столкнуться КНР и Си Цзиньпину в 2012–2024 гг. Их можно условно разбить на три блока – «общественная жизнь»¹⁰, «инфраструктурные проекты»¹¹ и «культурные явления»¹². Первый блок – это очерки о коррупции, экологической обстановке, социальной политике, урбанизации, демографии и культурном взаимодействии с «малыми народами». Второй – об архитектуре, инфраструктурном развитии, цифровизации и механизмах цензуры. Третий блок – о «новой культуре» китайской дипломатии, изменениях в армии, кинематографе и... футболе¹³.

⁶ См., например: [Башкеев, Ульянов, Целуйко, 2012, сс. 63–64].

⁷ См. [Зуенко, 2024, сс. 18–41].

⁸ См. [Зуенко, 2024, сс. 42–58], см. также [Башкеев, 2023, сс. 17–27].

⁹ См. [Зуенко, 2024, сс. 59–67].

¹⁰ См. [Зуенко, 2024, сс. 70–131].

¹¹ См. [Зуенко, 2024, сс. 132–180].

¹² См. [Зуенко, 2024, сс. 181–223].

¹³ Иван Зуенко – футбольный болельщик со стажем, и его интерес к китайскому футболу отнюдь не сиюминутен, он ведет тематический канал на платформе Telegram (<https://t.me/chinafootball>).

Наконец, три финальных очерка завершающей части книги рассматривают «горячие» вызовы КНР последнего времени – влияние на страну пандемии COVID-19, текущие отношения с США и актуальное состояние «тайваньского вопроса»¹⁴.

Мы не будем лишать читателей удовольствия самостоятельного погружения в увлекательный мир современного Китая, пересказывая «фишки» и яркие моменты повествования. Отметим, однако, то, что показалось нам важным в контексте ее полезности для широкой аудитории, которая, надеюсь, будет активно использовать ее как «факел» во тьме информационного шума и дезинформации о современном Китае.

Книга написана строго, но легко, она не «нависает» над читателем. В этом наверняка есть заслуга не только автора, но и издательской группы АСТ, сумевшей правильно сформулировать «научно-популярный» запрос и поддержать его реализацию. Вместе автор и редакторы текста выдержали тонкий баланс легкости подачи материала и весомости содержания¹⁵. В рамках этого запроса ценной находкой нам представляется «расшифровка» множества специфических современных реалий Китая, известных китаеведам, но недоступных для понимания вне контекста специальности¹⁶.

«Новая эпоха» (新时代) и «пятое поколение руководителей» (第五代领导集体), «два столетия» (两个一百年) и «семь вверху, восемь внизу» (七上八下), «разбогатеть» (富起来) и «бить тигров и мух» (老虎苍蝇一起打), «экологическая цивилизация» (生态文明) и «зеленая экономика» (绿色经济), «всеобщее благоденствие» (共同富裕) и «Деревня Таобао» (淘宝村), «родители, потерявшие единственного ребенка» (失独父母) и «состариться раньше чем разбогатеть» (未富先老), «удивительные сооружения» (奇怪的建筑) и «Зеленый центр» (绿地中心), «дипломатия высокоскоростных железных дорог» (高铁外交) и «дипломатия боевых волков» (战狼外交) – продолжать можно долго.

Как сочетаются «новая эпоха» и «два столетия», что общего между «боевыми волками» и скоростными железными дорогами, что объединяет «тигров и мух», и что такое «деревня Таобао» – не понять без разъяснений. Между тем, для китайцев (и китаистов) это маркеры, сигналы, которые мгновенно отсылают к целому пласту проблем, и которые при переводе на русский без комментариев, увы, не перестают быть непонятными шифрами¹⁷.

Однако выбор футбола из всех видов спорта обусловлен не только личным интересом и вовлеченностью, которые хорошо видны, например, тут: <https://www.sports.ru/football/blogs/3235976.html> и тут: <https://www.sports.ru/football/match/1746862/>, но и тем, что именно в футболе отразились тенденции развития китайской экономики в области капиталоемких массовых развлечений в рассматриваемый период.

¹⁴ См. [Зуенко, 2024, сс. 226–266].

¹⁵ Плодотворно работая с издательством АСТ не первый год, мы на собственном опыте осведомлены, насколько это важная и трудоемкая задача, успешное решение которой всегда позитивно сказывается на судьбе издаваемых книг.

¹⁶ Отметим отдельно, что само по себе выявление и определение значения тех или иных реалий в историческом процессе в заданный период является одной из важнейших задач исторического исследования. См., например, [Ульянов, 2024, сс. 262].

¹⁷ Для полной передачи ощущения «зашифрованности» китайских реалий даже после перевода мы не разъясняем их тут, а отсылаем читателей-некитаистов напрямую к тексту автора.

Книга И.Ю. Зуенко во многом выстроена вокруг этих «сигнальных» понятий, «точек бифуркации» множества процессов в современном китайском обществе. Автор постарался не просто их упомянуть, а встроить в логику развития общества и государства – это особенно хорошо видно по заголовкам разделов, часто отсылающим к тем или иным реалиям и связанным с ними процессам.

Такого рода разбор, конечно же, невозможен без глубокого личного профессионального погружения в материал. Именно получившаяся в результате «карта реалий и процессов» современного Китая представляется нам важным просветительским достижением и настоящей находкой для научной публицистики. На наш взгляд, в дальнейшем это может сделать этот труд отправной точкой не только для ознакомления, но и для дальнейших комплексных научных исследований современного Китая.

В заключение отметим, что книга оснащена и справочным и иллюстративным материалом. Вкладки с цветными фотографиями удачно передают атмосферу времени, «подсвечивая» основные сюжеты. Помимо «обязательной программы» (указателей и списка сокращений), издание содержит хронологию важнейших событий периода 2012–2023 гг., схему организации высших органов власти и управления, а также административную карту КНР, что, безусловно, облегчает ориентирование в материале тем, кто не является специалистом по Китаю.

Именно в этом, как заявляет сам автор, и заключается его основная цель – помочь разобраться в предмете читателю, не имеющему специальной подготовки. На наш взгляд, цель была автором успешно достигнута, и потому выразим надежду, что данное издание положит начало процессу научно подкрепленной популяризации знаний о самом широком круге проблем современной КНР.

Библиографический список

Башкеев В.В., Ульянов М.Ю., Целуйко М.С. Подходы к исследованию исторических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии // Отголосок прошлого в будущем. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. Сс. 41–71.

Башкеев В.В. Си Цзиньпин и цитирование исторических письменных памятников древности: от риторики к политике // Китай: общество и культура. М., 2023. Т. 2. № 1. Сс. 17–27.

Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: Издательство АСТ, 2024. 320 с.

Стеженская Л.В. Эволюция понятия «Мандат Неба» (Тяньмин) с древности до наших дней: о добродетели и судьбе // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2014. № 8. Сс. 16–19.

Ульянов М.Ю. Древний Китай в работах советских китаеведов 20–30 гг. XX в. (краткий обзор) // Общество и государство в Китае. Т. XLVIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2018. Сс. 154–194.

Ульянов М.Ю. Особенности «летописного языка» древнекитайских историографических памятников, рассказывающих о периоде Чуньцю (771–453 гг. до н. э.): случай *го жэнь* 國人 // Петербургское востоковедение: альманах: Festschrift в честь В.М. Рыбакова. СПб., 2024. Сс. 262–297.

References

Bashkeev V.V., Ulyanov M.Y., Tseluyko M.S. (2012). Podhody k issledovaniyu istoricheskikh processov v opisanii drevnej i srednevekovoj istorii Kitaya i stran Yugo-Vostochnoj Azii [Approaches to the study

of historical processes in the description of the ancient and medieval history of China and Southeast Asian countries]. *Otgolosok proshedshego v budushem*. M.: Izdatelstvo PSTGU, 2012. Ss. 41–71. (In Russian).

Bashkeev V.V. (2023). Si Czin'pin i citirovanie istoricheskikh pis'mennykh pamyatnikov drevnosti: ot ritoriki k politike [Xi Jinping and quoting historical written monuments of antiquity: from rhetoric to politics]. *Kitaj: obshestvo i kultura*. M., 2023. T. 2. N 1. Ss. 17–27. (In Russian).

Zuenko I.Yu. (2024). *Kitaj v epohu Si Czin'pina* [China in the Era of Xi Jinping]. M.: Izdatelstvo AST, 2024. 320 s. (In Russian).

Stezhenskaya L.V. (2014). Evolyuciya ponyatiya “Mandat Neba” (Tyan'min) s drevnosti do nashih dnei: o dobrodeteli i sud'be [The evolution of the concept of the ‘Mandate of Heaven’ (Tianming) from antiquity to the present day: about virtue and fate]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ulan-Ude, 2014. N 8. Ss. 16–19. (In Russian).

Ulyanov M.Yu. (2018). *Drevnij Kitaj v rabotah sovetskih kitaevvedov 20–30 gg. XX v. (kratkij obzor)* [Ancient China in the works of Soviet sinologists in 20s–30s years of the twentieth century (a brief overview)]. *Obshestvo i gosudarstvo v Kitae*. T. XLVIII. Ch. 2. M.: IV RAN, 2018. Ss. 154–194. (In Russian).

Ulyanov M.Y. (2024). Osobennosti “letopisnogo yazyka” drevnekitajskih istoriograficheskikh pamyatnikov, rasskazyvayushchih o periode Chun'cyu (771–453 gg. do n. e.): sluchaj go zhen' 國人 [Features of the ‘chronicle language’ of ancient Chinese historiographical monuments telling about the Chunqiu period (771–453 BC): the case of Guo Ren]. *Peterburgskoe vostokovedenie: almanah: Festschrift v chest V.M. Rybakova*. SPb., 2024. Ss. 262–297. (In Russian).

2024 год в российском Китаеведении

Журнал «Российское Китаеведение» продолжает традицию, начало которой было положено еще в самом первом номере, в конце 2022 г. Мы вновь подводим итоги года для нашего профессионального сообщества, делая упор на информации о проведенных Китаеведных мероприятиях, выпущенных книгах о Китае и получении ученых степеней нашими коллегами.

2024 г. в целом продолжил тенденцию на восстановление того уровня научных, образовательных и культурных связей, который наблюдался до пандемии коронавируса. Хорошим подспорьем для их расширения стало празднование в этом году 75-летия Китайской Народной Республики и 75-летия установления нашей страной дипломатических отношений с этим государством.

Мероприятия

Январь

19 января в Амурском государственном университете (г. Благовещенск) прошла зимняя стендовая сессия X Международной конференции «Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая».

Февраль

9 февраля в Институте востоковедения РАН (ИВ РАН) состоялся семинар по тайваньским исследованиям, посвященный итогам выборов, прошедших на Тайване.

27 февраля Совет по внешней и оборонной политике провел лекторий на тему «Слон в комнате, или Китай и изменение устройства мира».

Март

6–7 марта на базе Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) прошла IX Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи», организованная совместно с Институтом восточных рукописей РАН (ИВР РАН).

12 марта в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (ИИАЭ ДВО РАН г. Владивосток) состоялся круглый стол на тему «Китайские концепции, идеи и принципы в борьбе за формирование нового миропорядка».

20 марта на базе медиacentра МИА «Россия сегодня» состоялся круглый стол на тему «Россия – Китай: стратегическое партнерство и глобальные вызовы».

25–26 марта в ИВ РАН состоялась Ежегодная всероссийская научная конференция «Современное китайское государство», организованная Центром изучения современного Китая ИВ РАН и Центром политических исследований и прогнозов Ин-

ститута Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). Тема конференции – «75 лет Китайской Народной Республике».

Апрель

11 апреля в ИКСА РАН состоялась II Международная научная конференция «Китай и США: пределы соперничества и сотрудничества». Мероприятие было проведено совместно с Институтом США и Канады им. Г.А. Арбатова (ИСК РАН).

15 апреля в Москве состоялся Российско-китайский юридический форум.

Май

17 мая на базе медицентра МИА «Россия сегодня» состоялся круглый стол на тему «Экономические связи России с государствами Азии и Африки: возможности и перспективы».

24–25 мая в г. Благовещенск прошел Российско-китайский экономический форум «Амурэкспо».

28 мая в Российском институте стратегических исследований (РИСИ) прошел круглый стол на тему «Фактор Китая в развитии мировой экономики».

30 мая в МГИМО МИД России состоялась XXII Российско-китайская конференция по международным вопросам МГИМО – Китайская академия международных проблем МИД КНР.

30–31 мая в Москве состоялась IX Международная конференция «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху», проводимая Российским советом по международным делам (РСМД) в сотрудничестве с Китайской академией общественных наук.

30–31 мая на базе Благовещенского государственного педагогического университета прошла XIV Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества». Отдельные секции мероприятия прошли в г. Хэйхэ (КНР).

Июнь

4 июня в ИКСА РАН состоялась конференция «Институционализация БРИКС в контексте расширения: проблемы и перспективы». Мероприятие было организовано совместно с Институтом Латинской Америки РАН.

5–6 июня в ИКСА РАН состоялась XXV Международная научная конференция «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура».

15 июня в Российском университете дружбы народов (РУДН) прошла конференция по традиционной китайской медицине.

21 июня в РИСИ состоялся круглый стол на тему «Проблемы и перспективы отношений европейских стран с Китаем».

27–29 июня на базе СПбГУ прошла XI Международная научная конференция «Проблемы литератур Дальнего Востока», посвященная 450-летию писателя и деятеля культуры Фэн Мэнлуна (1574–1646).

Июль

1–9 июля на базе НИУ «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) была проведена XI Российско-китайская летняя школа.

Август

29–30 августа в Забайкальском государственном университете (г. Чита) состоялась Международная научная конференция «335 лет установления договорных отношений России и Китая».

Сентябрь

9 сентября в Институте мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН) состоялся Российско-китайский круглый стол с участием представителей китайских дипломатических и научных кругов.

9 сентября РСМД провел круглый стол на тему «Шанхайская организация сотрудничества в новом мировом порядке. Сценарии эволюции». Мероприятие было организовано РСМД.

11 сентября РСМД и Пекинский клуб международного диалога при участии Ассоциации общественной дипломатии Китая провели конференцию «Сотрудничество России и Китая – движущая сила многополярного мира».

17–21 сентября в Иркутском государственном университете состоялась Международная научно-практическая конференция «VII Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение АТР».

23–26 сентября в г. Владивостоке на базе ИИАЭ ДВО РАН прошел XIV съезд востоковедов России.

24 сентября в Институте стран Азии и Африки МГУ (ИСАА МГУ) прошли VI Филологические чтения памяти Д.Н. Воскресенского.

25 сентября в ИКСА РАН состоялся круглый стол на тему «Глобальные проблемы и международные отношения: современное состояние и прогнозы развития угроз и конфликтов в мире».

26 сентября РСМД при участии группы экспертов Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук провел круглый стол на тему «Россия и Китай: сотрудничество в Евразии».

Октябрь

11 октября на базе медиacentра МИА «Россия сегодня» состоялся круглый стол на тему «Российско-китайский диалог: модель 2024», посвященный выходу одноименного аналитического доклада.

14–15 октября Международный дискуссионный клуб «Валдай» и Центр по изучению России при Восточно-Китайском педагогическом университете провели в Москве Российско-китайскую конференцию на тему «Стабильность и потенциал: Россия и Китай в 75-ю годовщину установления дипломатических отношений».

15 октября в РИСИ состоялся круглый стол на тему «Российско-китайские отношения: состояние, вызовы, перспективы».

15–19 октября на базе Тамбовского государственного университета при содействии Общества российско-китайской дружбы прошла «Неделя Китая в Тамбове».

18–19 октября на базе Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) прошла III Международная научно-практическая конференция «Преподавание китайского языка в России».

22 октября Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток) провел VI Китайско-российский форум по всестороннему стратегическому сотрудничеству.

22 октября в ИМЭМО РАН состоялся круглый стол с участием делегации Китайской академии современных международных отношений.

24 октября в РИСИ состоялась конференция на тему «Поворот России на Восток в контексте роста роли Азии в мировой экономике».

25 октября в рамках Фестиваля науки Московского государственного университета (МГУ) и Пекинского политехнического института (ППИ) состоялась конференция «Китай, Европа, Россия – экономика, культура, геополитика» на базе кампуса МГУ–ППИ в г. Шэньчжэне.

29 октября на площадке ИКСА РАН состоялось учредительное заседание Национального центра исследований ШОС (НЦИ ШОС) и Национального центра исследований Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (НЦИ СВМДА).

30 октября в МГИМО МИД России состоялась открытая лекция А.И. Денисова «Российско-китайские отношения: памятное и настоящее».

31 октября в МГИМО МИД России состоялся круглый стол «Потенциал военной эскалации вокруг о. Тайвань».

31 октября РСМД и Китайская академия общественных наук провели Вторую научную мастерскую «Возможности и вызовы российско-китайского сотрудничества в рамках БРИКС на новом этапе».

Ноябрь

3 ноября в РИСИ состоялась конференция на тему «Безопасность в Северо-Восточной Азии: тенденции и перспективы».

5–6 ноября на базе Новосибирского государственного университета прошла IX Международная научно-практическая конференция «Великий шелковый путь: традиции и современность».

6 ноября в Институте восточных рукописей РАН (ИВР РАН) прошла конференция, приуроченная к 90-летию со дня рождения видного отечественного тангутоведа и китаеведа Анатолия Павловича Терентьева-Катанского (1934–1998).

7–8 ноября на базе Новосибирского государственного технического университета прошла VIII Международная научно-практическая конференция «О роли культурно-гуманитарного сотрудничества в становлении российско-китайского всеобъемлющего стратегического партнерства». Мероприятие было организовано совместно с ИКСА РАН и Даляньским университетом иностранных языков.

13–16 ноября в Казани прошел II Международный форум «Россия – Китай: взаимовыгодное сотрудничество», организованный Правительством Республики Татарстан.

14–15 ноября в рамках 2-го Международного форума «Россия и Китай – взаимовыгодное сотрудничество» на базе Казанского (Приволжского) федерального университета был проведен V Международный симпозиум «Россия и Китай в меняющемся мире».

14–15 ноября на базе Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) прошла II Международная научная конференция «Пути и страны: цивилизации Востока в исторической динамике».

23–24 ноября на базе ИСАА МГУ состоялась XIV Международная научная конференция «Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки».

27 ноября ИВ РАН совместно с Центром исследования общих проблем современного Востока была проведена VII Всероссийская научная конференция «Азия и Африка на перекрестке традиций, модернизации и глобализации».

28–29 ноября в ИКСА РАН состоялась XII Международная конференция молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее».

28 ноября в РУДН состоялся Международный научный семинар «Глобальная стратегия Китая».

29 ноября – 1 декабря некоммерческая общественная организация «Ассоциация развития синологии» провела в Москве «Форум китаистов». В качестве темы были заявлены «Актуальные вопросы подготовки специалистов с китайским языком в России».

Декабрь

4 декабря на базе РУДН состоялся Российско-китайский юридический конгресс в честь 75-летия дружбы и установления дипломатических отношений.

6 декабря в ИКСА РАН была проведена II Ежегодная всероссийская научная конференция «Гудошниковские чтения».

10–11 декабря на базе Красноярского государственного педагогического университета проведена IV Международная научно-практическая конференция «Динамика педагогических процессов в сфере российского и китайского образования».

Книги

Научная и научно-популярная литература

Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России / под общ. ред. С.А. Караганова. М.: ИКСА РАН, 2024. 256 с.

Головачев В.Ц. «Остров именем Фромоза»: этнополитическая история Тайваня. XVII–XXI вв. (отечественная и зарубежная историография). М.: ИВ РАН, 2024. 488 с.

Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: Издательство АСТ, 2024. 320 с.

Конкуренция между США и КНР: возможности для России / Под ред. Д.А. Дегтерева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. 300 с.

Лукин А.В. Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015–2024). М.: ИКСА РАН, 2024. 959 с.

Писцов К.М. Императорский двор эпохи Мин по запискам придворного евнуха Лю Жоюя. М.: ИВ РАН, 2024. 246 с.

Сазонов С.Л., Ван Цзинвэй, Ли Фэн. Сотрудничество КНР и стран — участниц проекта «Пояс и путь» в области развития транспортной инфраструктуры и энергетики. М.: ИКСА РАН, 2024. 448 с.

Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин – вождь Китая. М.: ЭКСМО, 2024. 288 с.

Переводная литература

Брук Т. Великая держава Китай и весь мир / пер. с англ. В. Фролова. М.: Слово/Slovo, 2024. 464 с.

Ван Бань¹ / Бань Ван. Озарения из прошлого / пер. с англ. А. Каменских. СПб.: БиблиоРоссика / Academic Studies Press, 2024. 400 с.

Вик Г. и др. География Китая: глобализация и динамика политических, экономических и социальных изменений Поднебесной / пер. с англ. К. Батыгина. СПб.: БиблиоРоссика / Academic Studies Press, 2024. 726 с.

Де Видо Э.А. Буддийские монахи Тайваня / пер. с англ. К. Батыгина. СПб.: БиблиоРоссика / Academic Studies Press, 2024. 284 с.

Калантзакос С. Редкоземельные элементы и геополитика Китая / пер. с англ. М. Сухманского. СПб.: БиблиоРоссика / Academic Studies Press, 2024. 328 с.

Кауфман Д. Последние короли Шанхая: Еврейские династии-конкуренты, которые помогли построить современный Китай / пер. с англ. М. Загота. М.: Слово/Slovo, 2024. 288 с.

Люттвак Э. Китай и логика стратегии / пер. с англ. В. Желнинова. М.: Издательство АСТ, 2024. 288 с.

Найт С. Китайская литература. Наикратчайшее введение / пер. с англ. К. Батыгина. СПб.: БиблиоРоссика / Academic Studies Press, 2024. 182 с.

Цзян Синьли. Философия Китая в одной книге / пер. с кит. А. Матвеева. М.: Шанс, 2024. 440 с.

Чан С., Фэн Хуэйюнь, Хэ Кай, Ху Вэйсин. Оспаривая ревизионизм. Китай, США и трансформация международного порядка / пер. с англ. СПб.: БиблиоРоссика/Academic Studies Press, 2024. 352 с.

Переводы классической и художественной литературы

Лу Синь. Дикие травы. Утренние цветы, сорванные в сумерках / пер. с кит. Л. Васильевой. М.: Издательский дом «Куруш», 2024. 208 с.

Мо Янь. Смерть пахнет сандалом / пер. с кит. И. Егорова, К. Батыгина. М.: Эксмо: Inspiria, 2024. 651 с.

Хань Шаогун. Словарь Мацяо / пер. А. Перловой. М.: Синдбад, 2024. 496 с.

Чжу Юнсинь. Собрание сочинений. Исследование китайского образования / пер. Н.Н. Рыбалко. М.: Шанс, 2024. 667 с.

Чи Цзыцзянь. Белый снег, черные вороны / пер. А. Родионова. СПб.: Издательский дом «Гиперион», 2024. 288 с.

Янь Лянькэ. Дни, месяцы, годы / пер. А. Перловой. М.: Синдбад, 2024. 192 с.

Янь Лянькэ. Когда солнце погасло / пер. А. Перловой. СПб.: Поляндрия No Age, 2024. 384 с.

Защиты диссертаций

В 2024 г. состоялись защиты перечисленных ниже кандидатских и докторских диссертаций по проблемам Китая.

На соискание ученой степени кандидата наук: Васильев Д.В. «Трансформация китайского подхода к формированию региональной архитектуры безопасности в АТР

---

¹ В российских научных публикациях принят обычный для китайской традиции порядок написания фамилий и имен китайцев: сначала пишется фамилия (Ван), затем имя (Бань) автора; в англоязычных источниках и их переводах этот порядок часто меняется на обратный (имя, потом фамилия).

при Си Цзиньпине (2012–2022 гг.)» (научный руководитель А.В. Островский); Зайнуллин Т.Р. «Внешнеполитические противоречия КНР и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе на современном этапе» (Р.В. Пеньковцев); Конопий А.С. «Правовая система КНР в условиях цифровой трансформации» (А.И. Овчинников); Мельничук С.А. «Политика КНР по обеспечению национального суверенитета в Южно-Китайском море в 2012–2022 гг.» (П.Ю. Цветов); Нечай А.А. «Концепция мирного сосуществования во внешнеполитических стратегиях РФ и КНР» (М.Л. Лагутина); Скосырев В.А. «Эволюция официальной трактовки истории Коммунистической партии Китая в государственной идеологии Китайской Народной Республики (2012–2023 гг.)» (Д.А. Смирнов) и др.

На соискание ученой степени доктора наук: Бояркина А.В. «Эволюция идейных основ внешней политики КНР» (научный консультант – В.Ф. Печерица); Дорохов В.Ж. «Деятельность органов внутренних дел Дальнего Востока по обеспечению государственной и общественной безопасности в условиях обострения советско-китайских отношений (1959–1972 гг.)» (Н.А. Шабельникова).

Сердечно поздравляем новоиспеченных докторов и кандидатов наук!
И увидимся в новом году!

Хронику составили: И.Ю. Зуенко, А.А. Перминова, А.М. Яковлев

Сведения об авторах:

Зуенко Иван Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИКСА РАН

Перминова Александра Александровна, научный сотрудник ИКСА РАН

Яковлев Александр Михайлович, магистрант МГИМО МИД России, стажер Института международных исследований МГИМО МИД России

Уважаемые читатели!
Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения
в России и мире на электронный адрес редакции: journal@iccaras.ru